

охота

и охотничье хозяйство

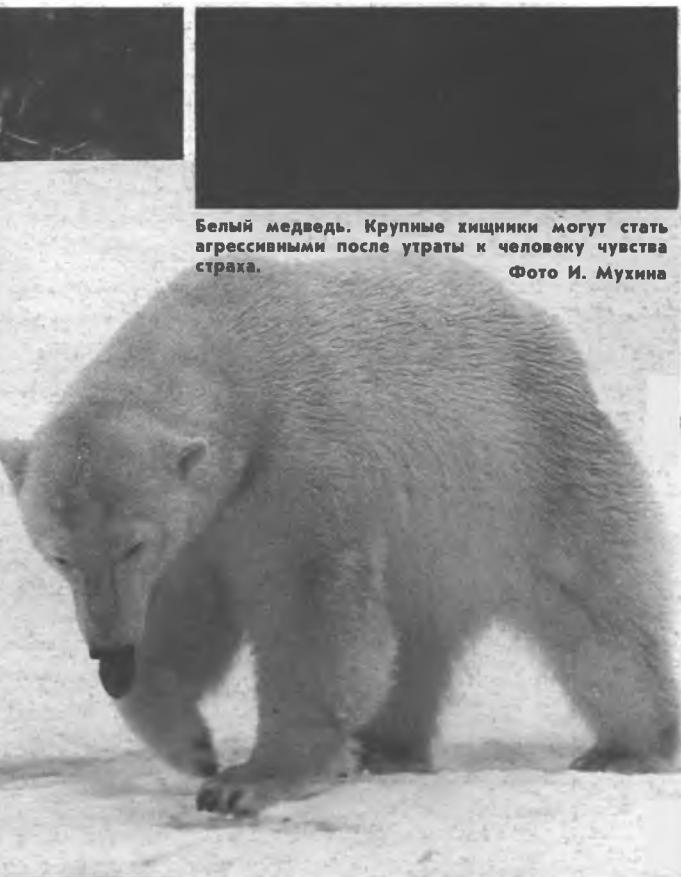
2

1993

В связи с возросшей агрессивностью тигра возникла проблема формирования приемлемого поведения хищника по отношению к человеку.
Фото В. Животченко

Белый медведь. Крупные хищники могут стать агрессивными после утраты к человеку чувства страха.

Фото И. Мухина

Волк — несомненно, вредный и небезопасный зверь.

Фото М. Павлова

Законом об охоте от 3 февраля 1892 года разрешалось истреблять медведя «в течение всего года».

Фото В. Животченко

«ИСТРЕБЛЯТЬ ВСЕГДА И ВЕЗДЕ»?

О. ГУСЕВ, член президиума Всероссийского общества охраны природы

«Полное собрание законов Российской империи» содержит длинный ряд «высочайших повелений» по правовому регулированию охоты и охотничьего хозяйства. За период с 1649—с «Уло-

жения царя Алексея Михайловича» — по 1889 год было принято 142 указа, ставших основой русского охотничьего законодательства дореволюционного времени.

Во многих указах нашла отражение проблема отношения человека к хищным животным, в частности к крупным хищникам, таким, как волк, медведи, тигр, леопард, ирбис... Знание этих законов помогает понять, как на протяжении трех последних столетий менялось отношение человека к «хищным и вредным» животным. Ведь ничто, пожалуй, не отражает — так точно и полно — отношения общества к той или иной проблеме, как законодательные акты.

В «Инструкции или наказе воеводам» от января 1719 года предписывалось «тщательно надзирать, чтобы леса не истреблялись, чтобы государевы звероловства охранялись... и чтобы хищные и вредные животные истреблялись по возможности».

В апреле 1730 года был принят указ о запрещении «под страхом строгого наказания» «на расстоянии 20 верст от

Москвы всякой охоты, кроме охоты на волков и медведей».

Основным охотничьим законом второй половины XVIII столетия стал именной указ Екатерины II от 10 июня 1763 года «О неловлении и нестрелянии никому зверей и птиц марта с 1-го до 29-го июня». Этот указ в продолжение более ста лет являлся ядром русского охотничьего законодательства. В европейской части России и на Кавказе всякая охота запрещалась с 1 марта до Петрова дня (далеешем был сделан ряд исключений для отдельных видов охот и для некоторых губерний), однако охота на «хищных» зверей и птиц — медведей, волков, лисиц, куршунов, ястребов, ворон, галок, воробьев и других — разрешалась в течение круглого года.

В указе от 1 августа 1765 года «О учреждении новой ревизии в Финляндии» за истребление медведей, волков и лисиц была назначена из казны «некоторая награда».

Постановлением от 5 февраля 1829 года «О повсеместном запрещении разорять птичьи гнезда» запреща-

На первой странице обложки: Сибирские косули.

Фото Г. Собанского

охота

и охотничье хозяйство

2 1993

Ежемесячный общественно-политический и научно-популярный иллюстрированный журнал.
Учредители:

Союз обществ охотников и рыболовов РСФСР,
трудовой коллектив редакции журнала.

Основан в октябре 1955 г.
Москва. «Экология».

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

лось разорять гнезда и «вынимать яйца», «кроме гнезд и яиц хищных животных, которых следует истреблять всегда и везде». (Выделено нами — О. Г.)

Специальных указов требовала проблема борьбы с волками.

Во второй половине XIX столетия, после окончательного падения псовых охот, волки причиняли громадный урон населению России. В 1873 году только в 45 губерниях Европейской России (не считая областей Войска Донского и Уральского, Польши, Остзейского края и Подольской губернии) волками было уничтожено 179 тысяч голов крупного и 562 900 голов мелкого скота на сумму 7573 000 рублей (Д. К. Соловьев, 1922). Убытки по всей Европейской России, включая стоимость истребленной домашней птицы и собак, составили «колossalную цифру» — 16 миллионов рублей. Представивший эту сводку по поручению правительства Лазаревский подсчитал также и количество уничтоженной «лесными санитарами» дичи: 5 миллионов пудов на 50 миллионов рублей.

«Сколькими же миллиардами приходится ценить убытки, наносимые всеми хищниками на всем пространстве Российской империи? — писал Д. К. Соловьев (1922).— Нечего, конечно, и думать о решении этого вопроса в настоящее время, за отсутствием соответствующих данных приходится признать только, что цифра эта бесспорно достигает ужасающих размеров.»

В 1896 году в 88 губерниях и областях было «заедено зверями» 1193 человека, в 1897 г.— 1351 человек. В 1896 году «хищными зверями и птицами» было уничтожено домашних животных на сумму 4331 715 рублей, а в 1897 г.— на сумму 4953 304 рубля.

По отчетам Пасторовских станций: Петербургской, Московской, Одесской, Варшавской, Харьковской, Самарской, Тифлисской было принятно на излечение с 1886 по 1890 год 8430 человек, укушенных бешеными животными, из пострадавших волки покусали 3000 человек, а с 1890 по 1908 год — более 15 000 человек.

Борьба с волками в России имела «громадное, чисто государственное значение». 21 мая 1846 года последовало «Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров» «О мерах к истреблению в некоторых губерниях волков», в котором, в частности, говорилось:

«Для истребления волков вводятся нижепоименованные меры, в виде опыта, в следующих губерниях (перечислено 16 губерний срединной России).

1. Устройство общих весенних и осенних облав на волков.

2. Выдача наград за волков по 3 рубля за взрослого волка и по 1,5 рубля за волчонка.

3. Учреждение должности ловчих с содержанием 60 руб. сер. в год, с обязанностью представлять ежегодно

Рысь также была приравнена к вредным животным и подлежала истреблению.

Фото П. Яровицкого

15 волчьих хвостов, с платою по 4 рубля за каждый хвост; в случае представления менее 15 хвостов, за каждый недостающий хвост взыскивается с ловчего по 4 рубля».

Уездный ловчий назначался губернатором и был подчинен исправнику.

В следующем году появился «Сенатский» по «Высочайшему повелению» указ об «Учреждении почетных губернских ловчих для заведывания волчьими облавами». Указом вводилась должность «почетных губернских ловчих из дворян». Служба ловчих была признана «коронной, V класса, безвозмездной». Ловчому присваивался мундир. Почетный ловчий распоряжался на общих облавах и все обязаны были ему подчиняться.

3 февраля 1892 года был принят широко известный в России закон об охоте, действие которого не прекращалось до 1917 года. Этим законом разрешалось «истреблять хищных зверей и птиц, птенцов и их гнезда... в течение всего года... всякими способами, кроме отравы». Начальникам губерний и областей разрешалось «дозволять употребление отравы для истребления хищных зверей в виде общей меры или выдавать на то разрешения отдельным лицам и обществам охотников».

К хищным зверям этот закон причислял: «медведя, волка, лисицу, шакала, барсука, песца, хорька, ласку, выдру, норку, горностая, куницу, росомаху, рысь, дикую кошку и белку».

Хищными считались следующие виды птиц: «орел-беркут, сокол, кречет, все ястреба, сорока, ворон, ворона, галка, сойка, ореховка, сорокопут, филин,

совы и воробы».

Закон от 3 февраля 1892 года был, как считали в то время, «шагом вперед в деле улучшения русского охотничьего законодательства». Но очень скоро выявились его многочисленные недостатки.

В феврале 1897 года была создана «Особая Комиссия» для выработки предложений об изменении и дополнении действующих правил об охоте. Тем не менее, несмотря на огромное количество заседаний этой и других комиссий, работавших в продолжение двух десятилетий, новый закон об охоте не был принят, хотя и был подготовлен его проект.

В проекте нового закона об охоте в отношении хищных зверей были сделаны существенные поправки и добавления, отразившие отношение правительства и населения России к хищным животным в то время.

К числу зверей и птиц, согласно проекту, которые должны быть признаны безусловно вредными или вредными для большей части страны и истребление коих, а равным образом разорение их гнезд и уничтожение детенышей должно быть дозволено на всем пространстве Империи круглый год и всеми способами, принадлежащими:

«все хищники кошачьей породы — гепард, тигр, барс, ирбис, дикие коты, рыси, волки, шакал, енотовидная собака, все медведи, гиена, росомаха, лисицы всех видов, корсак, барсук, медоед, куницы: лесная, белодушка, харза, норка; хорьки: обыкновенный, степной; колонок, перевязка, ласка, горностай, выдра речная, бродячие домашние кошки, кабаны, белка, летяга, бурундук, все суслики, хомяки, слепцы и все мелкие грызуны».

«затем из птиц: орлы, кроме змеяда, орланы, сокол, исключая кобчиков и пустельги, скопа, коршуны, ястреба, болотный лунь, а из сов — филины, сова белая и неясны: каменная и длиннохвостая, сороки, вороны и ворони, сойки, кукша, ореховка, сорокопуты, а также и все воробы, чайки, поморники, пеликаны и бакланы».

В первые годы советской власти отношение к хищным животным, особенно к крупным хищникам, мало в чем изменилось. В «Декрете об охоте», подписанном В. И. Лениным (20 июля 1920 года) говорилось, что Народный Комиссариат Земледелия имеет право «учреждать особые отряды для истребления хищных и вредных животных».

На II Съезде Всероссийского Союза охотников (1921) по проекту выдающегося оружейеда и охотоведа С. А. Бутурлина были утверждены «Правила производства охоты, ее сроки и способы», ставшие основой Декрета ВЦИК и Совета народных комиссаров от 24 августа 1922 года.

В одной из статей этого декрета читаем: «Тигр, барс, или ирбис, леопард, гиена и волк могут быть истребляемы во всякое время и всякими средствами, кроме общеопасных».

«Безусловно вредными» также назывались «крысы, дикая кошка, шакал, суслики, мыши и им подобные, орлы, ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник, коршун, филины и болотный лунь».

«Вредными местами или же в силу особых временного размножения» предлагалось считать «медведя, лисицу, сороку, ворона и др.».

В примечании к этой статье Декрета были перечислены и «безусловно полезные животные»: «все мелкие хищники — сокол (кобчик и пустельга), все совы, кроме филина, все луны, кроме болотного, канюки или сарычи... а равно ценные пушные звери, как соболь, выдра, куница, норка, белка, горностай».

По свидетельству Д. К. Соловьева (1926), этот «ныне действующий закон об охоте» явился «громадным шагом вперед по сравнению со всеми законами дореволюционного времени». Однако и в этих правилах почти все крупные хищники по-прежнему обрекались на истребление.

Гонение на «хищных и вредных» животных достигло крайней степени в конце 20-х и в 30-е годы нашего века, когда в обществе господствовало убеждение, что только воля человека «должна определять для каждого растения на Земле, должно ли оно цветти или блекнуть, для каждого животного — должно ли оно вырастать, или изменяться, или вымереть».

«Вообще, все дикие животные,— писал академик Н. Ф. Кащенко (1929),— все дикие породы со временем исчезнут, потому что частью будут истреблены, частью перейдут в культурное состояние». В. Рюмин в журнале «Природа и люди» (№ 11—12, 1931) выразил эту мысль более радикально: «Одомашнивание полезных животных и полное уничтожение всех вредных — от крупных хищников до мелких паразитов и микроорганизмов... — дело только времени и культуры». Похожие высказывания можно найти в очень многих трудах и в том числе в работах основоположника космонавтики К. Э. Циолковского.

Анализ правовых актов показал, что такое поведение человека в обращении с «хищными и вредными» животными не менялось до 60-х годов нашего века. Некоторые зоологи и биологи-охотоведы (Г. А. Кожевников, 1909; 1911 и другие) пытались спасти хищных животных от истребления, но в целом подход к этой проблеме не выходил за рамки стратегии стихийного натиска на природу. Этот многовековой период господства в обществе подобной идеологии по отношению к пернатым и четвероногим хищникам можно с полным правом назвать эпохой тотального истребления хищных животных.

Призыв стереть с лица земли всех диких животных — результат слабости экологической науки, проявление экологического бескультурья, отголосок господствующих в обществе политиче-

ских умонастроений, следствие массового помешательства на почве революционной преобразовательской эйфории.

Резкий перелом в отношении к хищным животным произошел после публикации статьи крупнейшего орнитолога нашей страны Г. П. Дементьева «Нужно ли истреблять хищных птиц?» («Охота и охотничье хозяйство», № 11, 1962), порожденных юю большой и горячей дискуссии в нашем журнале и приказа Главохоты РСФСР (1 июля 1964 года) «Об упорядочении регулирования численности хищных птиц» («Охота и охотничье хозяйство», № 10, 1964). Первый же пункт этого приказа «брал быка за рога»: «Запретить отстрел, отлов и разоржение гнезд всех видов хищных птиц и сов в охотничих угодьях общего пользования на всей территории РСФСР». И хотя в статье Г. П. Дементьева и приказе Главохоты речь шла только о дневных пернатых хищниках и совах, резонанс дискуссии был настолько мощен и широк, что это изменило отношение общества ко всем «хищным и вредным» животным, сделало его более гуманным и научно обоснованным.

Но, как это не раз уже случалось с нашим общественным сознанием, его — общественное сознание — шарахнуло в прямо противоположную крайность и даже такой, несомненно вредный и небезопасный зверь, как волк, вдруг приобрел репутацию «санитара природы», «кроткого, преданного и отзывчивого» животного, а наших пращущих стали упрекать в том, что они «оклеветали волка в сказках и фольклоре».

В последние годы в связи с длительным периодом охраны некоторых видов крупных хищников заметно возросла их агрессивность по отношению к человеку и домашним животным. В связи с этим возникла еще одна немаловажная проблема: формирование приемлемого поведения крупного хищника по отношению к человеку и домашним животным. Ошибаются те, кто убежден, что агрессивность крупных хищников по отношению к человеку есть лишь ответная реакция зверя на агрессивное поведение человека по отношению к нему. Достаточно будто бы сменить гнев на милость, плетку на ласку — и хищник тут же станет «кротким, преданным и отзывчивым» животным. Это убеждение стоило жизни многим доверчивым людям, обманутым псевдогуманностью стратегии идеализации природы.

Поведение животных по отношению к человеку действительно определяется поведением человека по отношению к ним. Но вывод из этой аксиомы нужно сделать прямо противоположный: крупные и опасные хищники, для которых человек в прошлые времена был естественной жертвой, вновь становятся агрессивными после утраты к нему чувства страха. Достаточно нескольких лет действенной охраны,

чтобы агрессивность некоторых видов крупных хищных млекопитающих вновь начала давать о себе знать.

Потенциально агрессивные и опасные для человека хищники требуют регулирования численности, оперативного изъятия агрессивных особей и, главное, поддержания у вида устойчивого рефлекса опасности, связанной с человеком. Последнего можно реально добиться только с помощью ружейной охоты. Выстрел — наиболее надежный сигнал, кодирующий в подсознании хищника табу на человека и, следовательно, позволяющий предотвратить появление агрессивных особей и зверей-людоедов. А они уже начали появляться в популяциях охраняемых видов некоторых крупных хищников, плотность населения которых чрезмерно возросла и, что не менее важно, в местах обитания которых постоянно бывает много людей, к которым звери, сталкиваясь чуть ли не ежедневно, привыкли и перестали относиться «с почтением».

Перемены в отношении общества к хищным животным явились следствием мужества экологической науки и природоохранительного движения, изменением морального кодекса поведения человека в обращении с природой и ее ресурсами. Человек стал лучше понимать роль биологического разнообразия в сохранении устойчивости биосферы и осознал, наконец, тот факт, что сохранение генофонда хищных животных перевешивает причиняемый ими ущерб.

Все это позволило сформулировать главную заповедь отношения человека к живой природе: «Любая форма жизни является уникальной и заслуживает уважения, какой бы ни была ее полезность для человека» («Всемирная хартия природы»); ни один биологический вид не должен исчезнуть с лица Земли по вине человека.

В развитие этой заповеди наше отношение к хищным животным должно отвечать трем общим принципам:

1. Когда вид редок и есть угроза его исчезновения, он заслуживает абсолютной охраны.

2. Когда численность вида достигает оптимума, он получает статус охотничьего животного и его ресурсы подлежат рациональному использованию.

3. Когда плотность населения вида превышает допустимые нормы, его численность подлежит сокращению.

Таким образом, в отношении к хищным животным мы прошли путь от экологического варварства (истреблять всегда и везде) до экологического изуверства («волк — кроткое, преданное и отзывчивое животное», «человек — единственное вредное животное на Земле»).

Изживая стратегию стихийного натиска на природу, развенчивая стратегию идеализации природы, ученые вырабатывают экологически более зрелый подход к решению проблемы «хищных и вредных» животных.

ОСВЕЖАЮЩИЕ ДУШУ ВОСПОМИНАНИЯ

Иван Иванович Пстыго, маршал авиации, заслуженный военный летчик СССР, Герой Советского Союза, пришел в редакцию со своими рассказами. «Мало найдется в моем звании людей, которые бы столько читали,— сказал он при знакомстве и добавил: — я или читаю или пишу.» 42 года держал летчик Пстыго в руках штурвал самолета, а теперь взялся за перо. «И это куда сложнее»,— говорит Иван Иванович со знанием дела.

Маршал еще работает, его военный опыт по-прежнему в цене. Всю жизнь он отдал военной авиации: начинал Отечественную войну лейтенантом, командиром звена, заканчивал подполковником, командиром полка. Награжден многими орденами и медалями, среди них — два ордена Ленина, орден Александра Невского и семь орденов Боевого Красного Знамени [в нашей стране только несколько человек имеют такое же количество этой награды].

Собеседник мой оказался хорошим рассказчиком, с юмором и четкой жизненной позицией. Слушать его — одно удовольствие, и мы предлагаем вам интервью с ним.

— Откуда вы, Иван Иванович, родом и были ли в вашей семье охотники?

— Родился я в Башкирии, в деревне Сухополь Инзерского района. Река Инзер не имеет себе равных: глубина ее доходит местами до пяти метров, чистейшая вода (сейчас, к сожалению, уже не та), можно «прочитать» оброненную монету. Это западное Предуралье неописуемо прекрасно. Я бывал во многих странах мира, вплоть до Нигерии и Мексики, но такой красоты нигде не видел. А я в этой красоте родился, в семье крестьянина. Лев Николаевич Толстой, помнится, говорил, что только земледелец и охотник чувствуют красоту природы. Отец мой любил поохотиться. Двоюродные братья лисиц добывали. А один из них, Иван Вакула, предпочитал барсуков братья. Именно он, Иван, вместе с отцом и приучили меня с детства к охоте.

— Продолжим, а вернее начнем нашу беседу с наиболее яркого эпизода из вашей охотниччьей практики. Был же такой!

Интервью с маршалом

авиации

И. И. Пстыго

журналистки

Кариной Савельевой

— Конечно. После окончания Отечественной войны мы некоторое время стояли на аэродроме близ города Бунцлау (ныне Болеславец). Затем мы вошли судьбы и военного начальства перелетели в Австрию и обосновались в небольшой старинной деревне Унтервальтерсдорф, где был приличный полевой аэродром. Узнав, что у нас хорошие стрелки и охотники, австрийцы из нашей, а потом и из соседних деревень стали просить убить кабана-одиночку, который уничтожал посевы и огороды, калечил домашних животных и нагонял страх на всю округу. Рассказывали об этом кабане были и небылицы. Может быть, жители и сами убили бы его, но по законам военного времени более шести лет они были лишены оружия. Наконец, бургомистр пришел ко мне как к начальнику гарнизона с официальной просьбой разделаться с кабаном. Я как-то индифферентно отнесся к этому разговору. Однако вскоре была организована кабанья охота.

Недалеко от нашего аэродрома были невысокие горы Лайтагебирге, а за ними на юг уходило озеро Нойзидлер Зее. С воздуха (а это зона наших полетов) и горы, и озеро ничего особенного вроде не представляли, но, когда мы на машинах подъехали к ним, они произвели на нас сильное впечатление. Горы высотой 300—400 метров, местами скалистые. Много зелени. Дороги в горах узенькие, разминуться можно только в специальных местах. Недалеко от гор начинались заросли камышей, затем озеро. Сориентировалась на местности. Уточнили многие вопросы. Самым бывалым охотником среди нас оказался полковой врач Кириллов, его помощником избрали штурмана полка Карпова. Они расставили всех на номера. Мне достался номер недалеко в горах.

По дорожке я пришел на свое место, осмотрелся. Для охоты позиция хорошая. Узкая горная дорога, по сути тропа, с поворотом. В одну сторону обрывы, хоть и невысокий (метров

70—100), но крутой, скалистый; на нем удержаться нельзя. В другую сторону скала высотой метров 40—50, но совершенно неприступная. Жду... Время тянется медленно. Но вот загонщики зашумели, закричали, где-то недалеко раздался выстрел, через минуту-другую все затихло. Как нередко бывало на охоте, подумал: «Опять убьем время и ноги», и невольно расслабился. Вдруг из-за поворота метрах в 40—50 на меня мчится, пыхтит, издает еще какие-то звуки этакое чудовище. Я не сразу узнал в нем кабана. А узнав, оцепенел. Честно скажу, если бы было куда уклониться, то этого «воздушного боя» я бы не принял. Но, увы, уклониться некуда и никогда. Чудище летит на меня. Мысль работает в таких случаях быстро и четко: «Надо принимать бой. Чем заряжен мой винчестер — дробью? Нет, вроде жаканами.» У меня тогда был восьмизарядный карабин «Винчестер» 12-го калибра. Я прицеливаюсь, делаю первый выстрел в лоб кабана.

— Но кабаний же лоб часто дает рикошеты.

— А я с кабаном встретился впервые в жизни, да еще в таких экстремальных условиях... Слушайте дальше. Кабан летит на меня. Я делаю второй выстрел. Кабан летит, но я замечаю, что уже не так, как прежде: задние ноги стали будто длиннее. Я делаю третий выстрел. И вижу, что и передние ноги кабана пошли как-то вбок и враскоряку. Я целил все время в лоб. Кабан всхрапнул, вроде застонал. Успеваю сделать четвертый выстрел и прижимаясь к скале. Мне кажется, что если сейчас найти эту скалу, то можно найти и отпечаток моей спины — так крепко я прижался к ней.

Кабан, подтянув одну переднюю ногу под себя и выбросив другую вперед, с вытянутыми задними ногами некоторое время ехал по дорожке (она шла под уклон) и поравнялся со мной... До сих пор, когда я вспоминаю этот случай, мне кажется, что я слышу шуршание гальки, катящейся по дороге впереди и по бокам растянувшегося кабана. Какое-то время я стоял, как бы впавший в скалу. Потом, держа винчестер в готовности к выстрелу, потихоньку боком зашел сзади кабана. Вижу предсмертные конвульсии, а из головы небольшим фонтанчиком пульсирует смесь крови и мозга... Через несколько минут я пришел в себя и смог оценить все, что произошло и могло произойти. Не скрою, у меня появилась предательская дрожь в коленях и какая-то расслабленность, усталость. Не знаю, дрожали ли колени в воздушных боях. Наверное, нет, там надо было управлять самолетом. Но после боя с кабаном дрожали.

Вскоре по тропе, откуда бежал кабан, подошли мои товарищи по войне и охоте. Удивлению их не было предела. Начались восторженные восклицания: «Вот это да! Вот это зверь! Вот это вепрь! Наш командир убил». И пошли

похвалы... Улучив минуту, я в шутку сказал: «Что, таким образом хотели отделаться от командира? Кто меняставил на этот номер?» И, хотя я сам стал сюда, все молчали. Наверное, только после этих слов товарищи поняли всю драму, которая здесь произошла, и чем вообще могла закончиться эта охота.

Секач оказался крупным зверем, около двух с половиной центнеров весом. Один клык у него был отломан на треть от корня, второй, целый, длиной сантиметров 12—15. Говорят, что таким клыком кабан перерубает дерево толщиной с оглоблю.

— После такого страшноватого воспоминания хорошо бы улыбнуться.

— Тогда я поведаю вам одну охотничью байку.

Идут летчики, в кожаных пальто, с блестящими ружьями. На стреме стоит заяц. Докладывает тем, что в овраге играют в карты: «Братцы, охотники идут!» Старший спрашивает: «А ты разобрал, что за охотники?» — «В кожаных пальто, с блестящими ружьями». «Продолжаем играть», — говорит старший, — это летчики. Они дойдут до первого оврага, выпьют водку, закусят, расстреляют пустые бутылки и веселые вернутся домой». Вдруг появился мужик. Заяц-часовой кричит: «Дед! Идет охотник в старом полушубке, подпоясанном бечевкой, в малахае с оторванным ухом, берданка на веревке». Старший сразу насторожился: «Полундра, братцы! Разбегайтесь! Это настоящий охотник!»

— Молодцы ваши летчики, умеют над собой посмеяться.

— Это уж точно. Есть на моей памяти один забавный эпизод, который стоит, по-моему, рассказать.

Командуя ВВС Группы советских войск в Германии, я отдыхал ранней осенью: позже начинались итоговые проверки боевой подготовки и завершающие год учения. Немцы — великие мастера организовывать охоту и рыббалку. Зайдя ко мне, работник франкфуртского окружкома партии, лихо щелкнув по-военному каблуками, докладывал на ломаном русском языке: «Геноссе гросс генерал, (он называл свою фамилию) прибыл организовывает ваш отдых». Мы садились, договаривались о сроках и местах охоты или рыбалки. Он уезжал. В назначенное время с немецкой точностью он и один-два егеря были у меня с готовым до деталей планом и всем необходимым. Ружья у нас были свои, а вот собачек для загона он привозил с собой.

Было это на оленевой охоте. Меня поставили на номер крайним. Долго я стоял. Потом раздались крики загонщиков, но они пошли почему-то не на нас, а наискосок и меня вовсе миновали. Я расстроился, что загон не получился, и мне захотелось курить. Достал сигареты и только выпрямился и посмотрел вперед, как увидел чудо — огромный олень стоит напротив меня метрах в 15—20. Не знаю, куда полетели

сигарета и спички. Помню, что ружье заряжено жаканами. Почти дуплетом стреляю в грудь великану. Олень поднял передние ноги, развернулся на 90 градусов и большими прыжками ушел в лес. Через некоторое время, как и положено на загоне, сзади подошли загонщики, охотники и наш Геноссе. Сначала я коротко рассказал, что произошло, потом немец стал меня расспрашивать подробно. (Переводить было кому.) Геноссе пошел в сторону, куда удалился олень, и вскоре позвал нас. На земле лежали большой густок крови и шерсть. Геноссе все это изучил. Мы двинулись цепью, чтобы по признакам ранения зверя определить, куда он убежал. Нашли еще такой же густок крови и мяса. Геноссе говорит: «Олень наш».

Мы прошли по кровавому следу с полкилометра. Дело шло к вечеру, а судя по всему, олень, хоть и ранен был тяжело, силы еще имел. Как назло, в этот раз мы были без собак. Тогда Геноссе говорит: «Надо срочно ехать в ближайшую деревню, там есть очень опытная собака». Вскоре гонцы на машине привезли эту собаку. Глянул я на нее, и меня разобрал безудержный смех, остановиться не могу. Дело в том, что собака эта — маленькая шавка; один глаз поврежден (не знаю, видит ли он что-нибудь); одно ухо оторвано. И к тому же на заднюю ногу хромает. Вид этой шавки поразил всех. Мы подумали: «Неужели с ней можно всерьез преследовать и найти оленя?» Шавка поразила всех, кроме Геноссе. Он дал ей понюхать густок крови. Победно гавкнув-тявкнув два-три раза, она довольно быстро побежала. Мы не успевали за ней. Геноссе своими командами останавливал и притормаживал скорость ее бега. Солнце уже садилось. В лесу сгущались сумерки. Мы начинали думать, что все это — пустая затея, но шавка смело и энергично вела нас вперед. Вдруг она остановилась, посмотрела на Геноссе и тихим ходом молча обозначила направление. Мы устремили взоры в мелколесье, куда показывала шавка. Видим — лежит олень. Геноссе подает команду всем остановиться, а мне и еще одному охотнику держать зверя на прицеле. До оленя было метров 30. Мы сделали несколько шагов в готовности немедленно стрелять по нему. Олень вдруг быстро поднялся во весь рост, прыгнул неуверенно вперед и со стоном рухнул замертво.

Когда закончилась эта «битва», были уже глубокие сумерки. Геноссе измазал ветку деревца в оленевой крови и вставил ее в мой головной убор — такой у немецких охотников ритуал. Мы закурили и начали обсуждать, как эвакуировать добычу. Мне хотелось чем-то отблагодарить и угостить феноменальную шавку, но ее уже увезли те, кто поехал за грузовой машиной, на которой должны были вывозить добычу. Однако в памяти моей она осталась, как видите, надолго.

— Иван Иванович, а не вспомните ли еще какой-нибудь из ряда вот выходящий случай, происшедший с вами на охоте?

— Есть такой. Было это, кажется, осенью 1932 или 1933 года на моей родине. Молодежь из близлежащих деревень и поселков, имевшая охотничьи ружья, собралась поохотиться. Были среди нас и опытные охотники, но самым молодым оказался я.

Вооружены охотники были разнообразно. Уже появились в наших местах двуствольные центрального боя, переломные ружья Тульского и Ижевского заводов. Большинство имело берданки — одностволовые ружья с затвором, подобным винтовочному. Но были еще и ружья курковые, заряжались со ствола шомполом. Мне дали берданку. С нами пошло много молодых ребят и подростков, не имевших ружей, — для загона.

Вышли рано утром. Был небольшой морозец. Сделали два-три загона — нет зверя. Кто послабее, уже устал, я, наверное, больше всех. Шла вторая половина дня. Решили провести последний загон. Выбрали пологую, но длинную гору с кустарником, которая спускалась к деревне Асакте. Расставили 12 стрелков цепочкой вниз по склону горы. Я был предпоследним. Стоим. Ждем загона. Прокричали первые загонщики. Мы насторожились. Через некоторое время слышу выстрел на самом верху охотничьей цепи. Потом второй... третий... После шести-семи выстрелов вижу: вдоль цепи стрелков мчится во весь опор заяц. У нас водились зайцы-беляки, но этот еще не вылинял. Снега не было. Каждый охотник выстрелил по зайцу. С каждым выстрелом косой делал какой-то зигзаг, но, не меняя направления, все прибавлял скорость. Впечатление было такое, что бедный заяц хочет выпрыгнуть из собственной шкуры. Выстрелили девятый и десятый номера. Заяц бежит... Я приготовился. Сделал вынос прицела вперед, как учили, и выстрелил. Это был одиннадцатый выстрел по одному и тому же зайцу! Заяц как-то неловко, боком, подскочил, упал, перевернулся и замер. Все бросились к нему. Но раньше всех прибежали, конечно, я и двенадцатый номер.

Заяц как заяц. Лежит мертвый. Подошли остальные охотники. Много шуток, смеха. Как же, по одному зайцу одиннадцать выстрелов, а он пробежал больше километра... Однозначно посчитали, что трофей мой. Охота на этом закончилась. Друзья связали зайца за лапы и приделали мне вроде рюкзака за спину.

Гордости моей не было предела. По деревне я шел героем. Придя домой, сразу стал обдирать зайца. Я это уже умел делать. Отрезал задние ноги, ободрал шкуру с туловища чулком до головы. До середины туловища меня ничто не смущало. Когда же дошел до головы, задумался: где же дробины? С особой тщательностью снял шкуру

с головы... На всем голом теле зайца — ни малейших признаков попадания дроби! Я сказал об этом соседу. Тот передал другим, и почти все охотники, да и просто любопытные, сошлись к нам посмотреть на чудо. Отдали «облученного» зайца на экспертизу опытным охотникам. Они крутили, вортели трофеи и заявили: «Ни одной дробины нет!». Загадка. Отчего же тогда погиб заяц? Долго думали мужики, рассуждали и решили, что заяц погиб от испуга, от разрыва сердца. Шутка сказать, одиннадцать выстрелов!

— Да, позабавили вы нас, Иван Иванович, своими охотничими, освещавшими душу воспоминаниями, как говорил Фет. Спасибо! А теперь задам вам несколько профессиональных вопросов, ведь беседую я не просто с охотником, а с летчиком, маршалом.

Как бы вы определили роль охоты в подготовке современного воина?

— Она очень велика вообще, а конкретно — приучает воина готовить снаряжение и экипировку; тренирует выносливость в походах с воинской выкладкой; вырабатывает умение ориентироваться на местности; развивает расторопность, ловкость и быстроту реакции на внезапные явления; приучает к меткости в стрельбе по движущимся мишениям. Охотничий опыт особенно важен для летчиков и космонавтов, когда требуются ориентировка и выживание в экстремальных условиях: найти и сделать укрытие от неподходящего костера, подготовить пищу и так далее. Их обеспечивают НАЗом (неприкосненным авиационным запасом). Они имеют надувную лодку, рацию, сухой паек, горелку в виде мини-примуса. Все это желательно иметь и охотнику. Охотников и каждую охоту надо готовить серьезно. Неорганизованность может привести к ЧП.

— У космонавтов есть специальное оружие, которое может помочь в случае непредвиденной посадки где-нибудь в тайге, например. Насколько нам известно, разработана конструкция трехствольного пистолета, у которого два ствола гладких, 32-го калибра [из них стреляют дробовыми патронами, сигнальными и пульевыми], и один ствол нарезной, калибра 5,6 мм под мощный патрон. А какое оружие у пилотов?

— Они летают с пистолетами (в истребителе некуда даже фуражку сунуть), так что тоже вооружены на случай опасности. В многоместных самолетах, где есть куда положить оружие, летчики летают с охотничьими ружьями и достаточным запасом боеприпасов.

— Что бы вы пожелали на прощание воинам-охотникам?

— Сделать охоту красивым и полезным спортом и отдыхом. Удачи на охоте — добывчи трофеев. Чтобы нам, охотникам-воинам, никогда не довелось стрелять по людям любой нации и страны, а только по дичи и спортивным тарелочкам.

Охоту с лайками я начал в 16 лет. Всю свою охотничью практику провел в республике Коми на р. Печоре. С наступлением зимнего периода, а это в первых числах ноября, дичь из еловой тайги перекочевывала в боры. Дичи было много, в основном глухарки, с малым процентом глухарей.

Охотились на них обычно с лайками. После удачного выстрела местные охотники вскрывали брюшную полость птицы и кишки отдавали собаке, говоря, что собака от этого будет азартно работать. Из моего опыта я понял, что этого делать не следует, так как приученная к подобному вознаграждению собака будет съедать найденного далеко отлетевшего подранка. При бесснежии хозяин эту собаку не найдет.

Я воспитывал собаку так: во-первых, я обучаю ее подаче вещей. Когда она хорошо это освоит, переходжу к следующему этапу. Беру длинный шпагат с карабинчиком, в карман кладу вознаграждение для собаки, обычно печенье. Сажусь на нижнюю ступеньку крыльца, конец шнурка закрепляю возле себя. Собака обычно сидит рядом. Бросаю рукавичку и командую: «Подай!» Воспитанник выполнить такую команду всегда рад. Приняв понюски, даю в награду печенье и ласково гляжу собаку.

После трех таких подач кидаю в сторону крыло дичи. Собака охотно бросится выполнять команду, но, взяв свежее крыло, решит, что эта вещь съедобная, и отбежит, чтобы разделаться с трофеем. Шнур ее остановит. Держа крыло в пасти и обернувшись к хозяину, собака недоумевает, когда же ее привязали? На шнуре подтягиваю собаку к себе со словами «подай, подай», беру крыло и даю награду. В последующие дни желательно крыло заменить рыбчиком или тем же крылом, но с куском мяса, и так 2—3 дня подряд, пока не увидите, что эти манипуляции воспитанник выполняет хорошо.

Можно идти на охоту. Собака обляяла глухарку или косача и дичь после выстрела упала. Не подходите сразу ее брать, а дайте собаке команду «подай». Если она эту команду хорошо выполнит, похвалите, погладьте и дайте более весомое вознаграждение. Теперь уже есть гарантия, что подранок всегда будет у вас в руках.

Если не научить собаку, то возможна такая ситуация: дичь смертельно ранена, но отлетела далеко. Собака, конечно, найдет ее и какое-то время будет ждать, но хозяин не идет. Собака решает, что дичь ему не нужна и разделяется с находкой по-своему. Правда, исключения бывают, но нечасто. Собака ведь не понимает, что хозяин не может найти ее по следу.

С уважением,

Б. АРДАШЕВ,
охотник-промысловик

ДОРОГИЕ ПОДПИСЧИКИ, ЧИТАТЕЛИ, ДРУЗЬЯ!

Прошлый 1992 г. был самым трудным годом в жизни нашего журнала. Впервые вместо 12 мы сумели выпустить всего 6 собственных номеров. После окончания подписной кампании в январе 1992 г. была объявлена «либерализация» цен, в результате чего затраты на бумагу, типографские услуги и распространение журнала выросли в несколько раз. Но деньги за подписку уже были собраны — 1 р. 50 коп. за номер — и наш журнал, как и все другие журналы, оказался в катастрофическом положении.

Возможно нас ожидает новый рост цен и, следовательно, повторение прошлогодних мятежей, и тут от редакции снова ничего не зависит. Но мы предпримем все необходимое, чтобы сохранить доброе имя журнала. Мы будем продолжать делать его для читателя вдумчивого и серьезного, жаждущего не столько развлече-

ния, сколько просвещения, ищащего не только очарования охоты, но и путей решения проблем охотничьего хозяйства и охраны природы.

Мы верим в то, что охота для наших читателей — не «забава» и не «потеха», а, как мы уже не раз писали в журнале, глубокое и сокровенное увлечение, жизненно важный досуг. Для такого читателя отрыв охоты от охотоведения и охотничьего хозяйства представляется невозможным. Верим, что вы поддержите нас в этом убеждении.

В марте начинается подписка на второе полугодие 1993 года.

Наш индекс 70673.

Об условиях подписки можно узнать в местных отделениях связи.

Редакция.

ВНИМАНИЮ
ОБЩЕСТВ ОХОТНИКОВ И
РЫБОЛОВОВ ЛЮБИТЕЛЕЙ!
ПО «Октябрь» г. Ворсма, специали-
зирующееся на выпуске широкого
ассортимента ножей складных и
маникюрных наборов, приступило к
выпуску ножа охотничьего специ-
ального назначения (типа кинжал
с вспарывателем кожи), предназна-
ченного для промысловой и спортив-

Если вы хотите дома сами выделывать шкурки пушных зверей, диких и домашних животных для пошива дубленок, шапок и других изделий, напишите по адресу: 692420, Приморский край, Кавалерово, а/я 171. Вам будет выслана инструкция, как это делать. Цена инструкции 350 руб. Ее вы получите на почте наложенным платежом.

Предлагаемая инструкция — результат мно-

ной охоты, имеющего регистрационный номер.

Объединение готово выполнить Ваш заказ.

Ждем Ваших заявок.

Наш адрес: 606140, Нижегород-
ская обл., г. Ворсма, ул. Заводская, 1,
ПО «Октябрь».

Тел. директора: 7-48-84,

Тел. зам. директора: 7-48-45.

голетней работы по обработке шкур. Даётся описание выделки с применением химических веществ, используемых в промышленности, и народный метод — с применением самых доступных природных средств. Даются также сведения по окраске мехов и практические советы по пошиву некоторых изделий.

Инструкция имеет размер почтового конверта, 22 страницы и 4 фотографии.

Продолжая публиковать нашем журнале — 20 рублей. Квитанцию почтого перевода (или ее копию) и текст объявления высыпайте по адресу: 107807, ГСП-б, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18, редакция журнала «Охота и охотничьи хозяйство».

Стоимость публикации определяется количеством типографских знаков в объявлении, то есть количеством букв, цифр, знаков препинания. Стоимость одного типографского знака в

напишите, пожалуйста, кратко и ясно текст объявления, подсчитайте количество знаков, умножьте на десять, прибавьте 20 % НДС (налог на добавленную стоимость) к полученной сумме и вышлите деньги почтовым переводом на расчетный счет 467162 в Промрайттехбанке ЦОУ ЦБ России, г. Москва, МФО 299112 ТОО «Издатель-

хозяйство». Квитанцию почтого перевода (или ее копию) и текст объявления высыпайте по адресу: 107807, ГСП-б, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18, редакция журнала «Охота и охотничьи хозяйство».

Можно принести объявление в редакцию.

Телефон для справок: 207-20-91.

1

В БЕРЕНДЕЕВОМ ЦАРСТВЕ

Фото 1 А. Шнегаса

Фото 2—5 В. Кожевникова

2

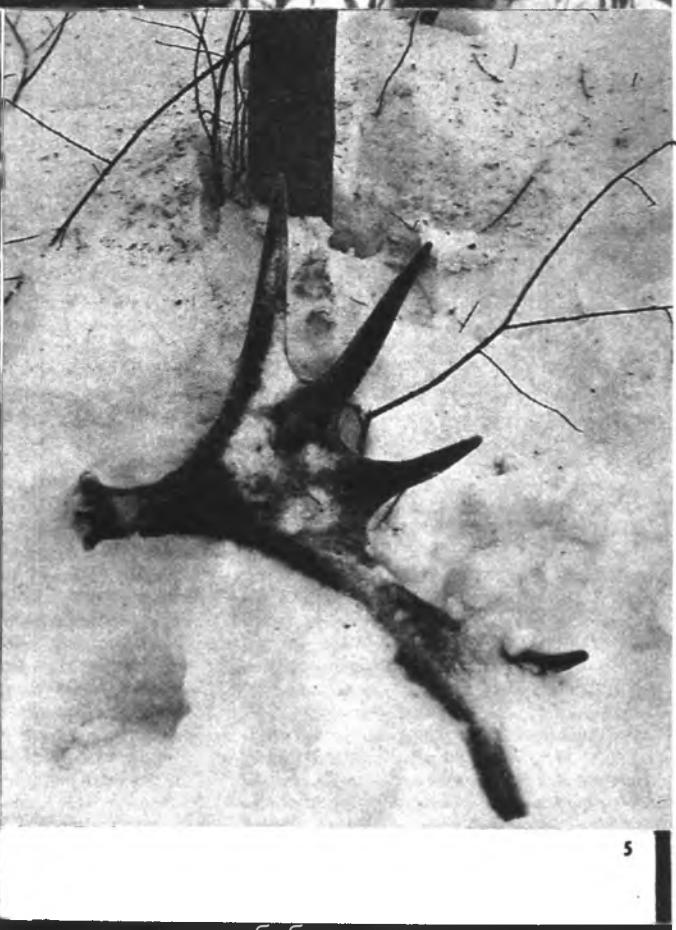
3

4

5

С МАНКОМ

НА ЛИСИЦУ.

А. ТКАЧЕНКО

Фото А. Дигилевича

Ногие охотники не могли не обратить внимания на статью Ш. Вагабова об охоте на лисицу с манком, опубликованную в № 2 за 1988 г.

Два пластмассовых манка долгое время валились среди моих охотничих мелочей. Решил наконец-то применить их, я раз за разом перечитывал понравившуюся мне статью. Автор описал, как манить и в какое время, как одеваться и использовать маскировку, но как же все-таки правильно выбирать место, откуда вызывать зверя на манок, не указал. Да и рассказывал он об охоте в Дагестане, а не у нас, в средней полосе России. Вот и пришлось самостоятельно, методом проб и ошибок, осваивать эту охоту. И пусть неудачи были, что может быть благостнее сердцу охотника, чем познание еще не раскрытых тайн любимого увлечения.

Теперь, по прошествии нескольких охотничих сезонов, накопился опыт охоты «по Вагабову» в охотничьих угодьях Тверской области. Думаю, он будет интересен тем охотникам, которые предпочитают всем остальным охотам одну — по истинно красному зверю — лисице. Описание нескольких охот, приводимое ниже, дано мною для анализа конкретных ситуаций, которые могут возникнуть и у читающих эти строки.

Как-то в одну из очередных поездок со своим давним товарищем Г. А. Кузнецовым мы безуспешно обследовали норы по оврагам, щедро раскинутым по берегам Волги. Я был со своей таксой Каро. В одном из оврагов натолкнулись на свежий лисий след, четко отпечатавшийся на неглубоком влажном снегу. Отозвав собаку, убедились, что след ведет в густо заросшую вершину оврага. Захламленность и ширина оврага — около 150 метров — исключали любой из известных мне способов охоты. Близился вечер, и мы направились в деревеньку, где всегда остав-

навливались на ночлег. Уже в избе, где так приятно, сидя у раскаленной, гудящей печки, дать отдых натруженным ногам, я предложил своему спутнику сделать попытку добить лисицу с помощью манка. Его скептическое отношение к этому предложению удалось переломить только после того, как главная роль в этой попытке была отведена ему, вместе с манком, который я предусмотрительно захватил с собой. И вот, где-то за час до темноты, мы вновь у оврага. В 500 м от деревни его вершина раздваивалась на ложбину наподобие змеиного языка. Между ними располагалось прикрытое неглубоким ноябрьским снежком поле с двумя небольшими копнами соломы, отстоящими друг от друга на расстояние в 100 м. В этих копнах мы и устроились.

Выбор места был определен, во-первых, из-за ветра, дувшего от оврага нам в лицо, во-вторых, отчетливым шумом самосвалов, курсировавших с грузом гравия из близлежащего карьера по грунтовке, находящейся в 300 м у нас за спиной (их шум должен был скрыть шорохи от наших движений), и, в-третьих, что греха таить, близостью деревни, куда поневоле после пятнадцати пройденных за день километров все чаще и чаще возвращаешься мыслями. Плохо было одно — с наших копен не было видно основное ложе оврага, откуда я спрогнозировал появление зверя. Поэтому каждый из нас сосредоточил свое внимание на одной из ложбин «змеиного языка».

Сумерки только подступали, когда Кузнецов поманил. Следующие полчаса, периодически подрагивая от подступившего к ноги морозца, мы провели без особого волнения, так как каждый в душе сомневался в успехе задуманного предприятия. Уже почти стемнело, когда крик зайца вновь тоскливо поплыл над заснеженным полем. А через

10 минут с той стороны, где устроился мой спутник, раздался торопливый дуплет. Резко обернувшись на звук выстрелов, я успел заметить силуэт мелькнувшей лисицы. Сходив в деревню за фонарем, мы потом долго искали на снегу хоть какие-то признаки ранения зверя. Но даже следов дробин не нашли — все заряды ушли значительно выше.

Кузнецов все удивлялся, как неожиданно перед ним выросла из темноты лисица. Он, оказывается, просто не был готов к выстрелу. К его чести, через месяц уже в районе Вышнего Волочка, найдя днем уходящий с поля в лес свежий лисий след, он вернулся к нему вечером. И, углубившись в лесную чащу на несколько десятков метров, с первого выстрела взял с 15 м подбежавшую на звук манка рыжую красавицу.

Позднее мне удалось из того же «змеиного языка» выманить лисицу в правую ложбину. Сtronувшись с лежки еще засветло, она в поле не вышла, но потревожила своим появлением несколько ворон, до той поры спокойно сидевших на деревьях и поднявших отчаянный гвалт. Это была скорее всего та, «мазанная» лисица. Из-за близости зверя (около 100 м) манить вторично было нецелесообразно. А вскоре темнота и налетевший снежный заряд не дали мне продолжить охоту из-за полного отсутствия видимости.

Была также сделана попытка подманить лисицу в момент ее мышкования. Еще в темноте, сделав засидку в валках льняного сена у обочины проселочной дороги, делившей большое поле пополам, удалось уже при дневном свете подманить на 80 м вышедшего на жировку зверя. Но, сделав полукруг и зайдя из-под ветра, он обнаружил опасность и благополучно ретировался.

Еще одной зимней ночью, присев в маскхалате у валка соломы на поле вблизи места, где обычно кормилась

рыжая хищница, я попытался вызвать ее. И вновь потерпел неудачу. Зверь четко вышел на меня, но со стороны пустоши, находившейся в трехстах метрах у меня за спиной. Достаточно было небольшого моего движения — и только треск ломающегося под прыжками лисицы настя (а я, как на грех, забыл фонарь), раздавшийся в 20 м за спиной, показал, как была близка долгожданная охотничья удача.

Эти и другие эпизоды применения лисьего манка в течение ряда лет позволяют, как мне представляется, получить ответ на тот главный вопрос, возникший у меня после прочтения статьи Ш. Вагабова: где правильно выбрать место для выманивания лисицы? Очевидно, что такими местами будут район известной или предполагаемой лежки, лисий переход и место жировки зверя.

Если охотнику известны постоянные места лежек лисицы (овраги, заросшие тростником болота, густые молодые ельники, пустоши среди полей и т. п.), тактика его действий должна заключаться в следующем. В течение светового дня, не торопясь, обследовать (при наличии снежного покрова) подходы к таким местам в надежде найти лисий след. Наличие такого следа, ведущего в крепкое место, будет достаточной гарантией того, что зверь именно здесь решил обосноваться на дневной отдых. К самой предполагаемой лежке ближе чем на 300—400 м подходить не следует — лисицу можно спугнуть.

Одновременно нужно внимательно изучить окружающую местность для того, чтобы выбрать место засидки. Когда такое место охотник выбрал, он уходит из этого района. За час-полтора до наступления сумерек следует осторожно вернуться и, уточнив направление ветра, окончательно выбрать удобную позицию. Если к месту лежки, которое находится в крупном лесном массиве, примыкает поле, то устраивать засидку на нем нельзя. Лисица в этом случае выйдет на охотника в темноте, и ее будет трудно обнаружить. Целесообразнее будет углубиться в лес на 30—50 м и выбрать удобную позицию, обеспечивающую хорошую маскировку (если нет маскарада) и удобство стрельбы в разных направлениях. В лесу зверь чувствует себя в большей безопасности и быстрее, еще до темноты, выйдет на звук манка. Когда же предполагаемая лежка находится в поле (пустоши, заросли кустарника и т. п.), наоборот, засидку нужно сделать на опушке леса, примыкающего к полю. В такой ситуации нужно быть готовым к выстрелу в темноте и заранее прикрепить к ружью электрический фонарь.

Когда вероятные места лежек лисицы трудно определимы из-за множества возможных вариантов или, к примеру, из-за отсутствия снежного покрова, то лучше попробовать сделать засидку на наиболее вероятном лиси-

ем переходе из района лежки к месту жировки. Как правило, такие переходы находятся в местах, где лисица чувствует себя в большей безопасности. Это обычно отроги оврагов, лощины среди полей, куртины кустарника между двумя лесными массивами или полями и т. д. Здесь необходимо на расстоянии в 200—300 м от перехода выбрать удобное, с точки зрения маскировки, место (кустарник, валки соломы, заросли бурьяна и т. п.) и с наступлением сумерек начинать манить, так как именно в это время лисица пользуется своим переходом.

Стрелять на переходах в наступающей темноте и из-за хороших (для лисицы) маскировочных свойств местности тяжело, поэтому с особой тщательностью нужно выбирать такое место для засидки, чтобы перед охотником всегда было хотя бы 15—20 м открытого пространства. При любом шорохе, треске сучьев, скрипе снега надо сразу же освещать предполагаемый источник звука и, убедившись, что это именно лисица, немедленно стрелять.

Если же по каким-либо причинам охота на переходе нецелесообразна, тогда остается занять наиболее подходящее место в районе жировки лисицы среди поля (около скирды, болотин с высоким травостоем и т. п.). Здесь обязательно надо устраиваться так, чтобы обеспечивался круговой обзор и чтобы хоть бы относительно комфортно (не шумя и не клацая зубами от холода) просидеть всю долгую зимнюю ночь.

Надо сказать, что этот вариант охоты менее результативен, потому что даже в безветренную ночь всегда есть движение воздуха (из-за рельефа местности) в определенном направлении, а на открытом пространстве, как показывает практика, на звук манка лисица предпочитает заходить из-под ветра. Связано это, очевидно, с ее желанием уточнить, чье же жертвой стал закричавший в ночи заяц, и обеспечить таким образом свою безопасность. Кроме мощного, хорошо сфокусированного электрического фонаря крайне необходимо и бинокль. Даже в темноте с ним всегда можно увидеть на заснеженном поле силуэт двигающегося зверя, правда, на расстоянии не более 50 м, и заранее подготовиться к выстрелу.

Немного о снаряжении, необходимом при этом способе охоты. Ружье подойдет любого калибра, двуствольное — предпочтительнее. Стрелять в большинстве случаев приходится в темноте и к тому же накоротке. Здесь главную роль играет прикладистость ружья и быстрота прицела. Самозарядное ружье, из-за своего веса, длины и капризности, в данном случае будет менее всего приемлемо. Патроны достаточно иметь снаряженными дробью № 3. С ней при стрельбе навскидку вероятность удачного выстрела больше. Можно слышать рекомендации — снимать погон ружья. Особого выигрыша это не дает, по-моему, гораздо

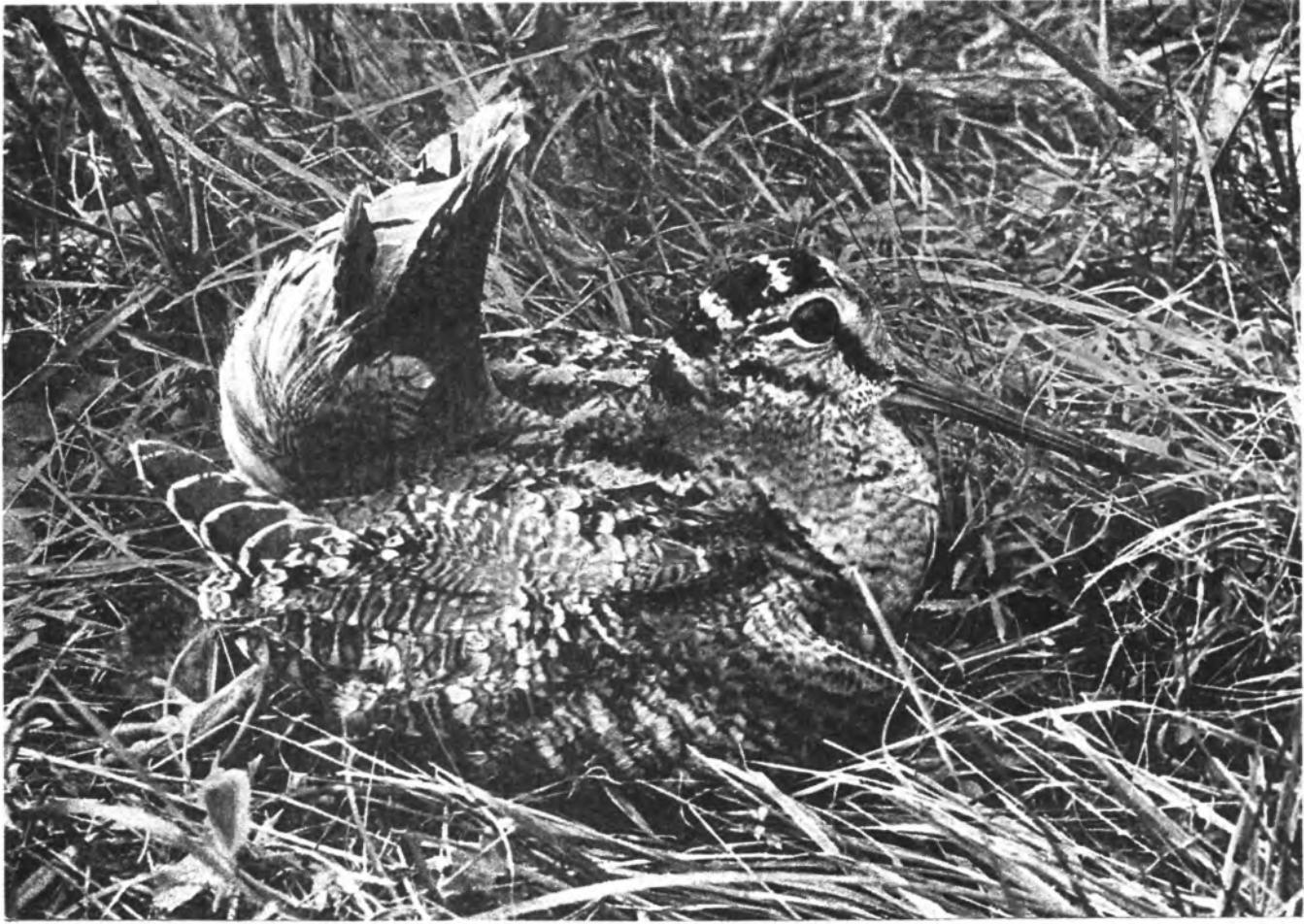
удобнее иметь погон по принципу «всегда готов» (см. Э. В. Штейнгольд «Все об охотничьем ружье»).

Электрический фонарь — основа удачного выстрела в темноте. Хочется порекомендовать фонарь марки БН. 0.017 на четыре батарейки. Он имеет прямоугольную форму и благодаря полужесткой ручке из синтетики легко, в течение 10 с, без всяких приспособлений, довольно устойчиво крепится на цевье любой вертикалки. Расположение выключателя очень удобно (по крайней мере для меня — левши): правая рука охватывает цевье снизу, а большой палец сразу же касается выключателя (его большое достоинство — мягкое и бесшумное включение). Большой рефлектор при тщательной фасировка даже в сумерках дает достаточно яркое световое пятно около 2 м в диаметре на расстоянии в 60 м. И еще одно достоинство этого фонаря — он боковым лепестком светового луча не ярко, но отчетливо высвечивает мушку. Прицеливание в темноте, таким образом, из неудобства превращается в истинное удовольствие.

Лисий манок из пластмассы, о котором упоминает Ш. Вагабов, мне кажется не очень удобным. Чтобы не исказить звук, его надо очень точно зажимать зубами, что не всегда получается, особенно на морозе. Лучше приобрести комбинированный манок из дерева «Диана», имитирующий как крик зайца, так и писк мыши, выпускаемый кооперативом «Прогресс» в г. Киеве. Он хоть и редко, но появляется в продаже. Кстати, подобными манками давно пользуются немецкие охотники.

И, наконец, последнее — об эмоциональности этого способа охоты. Отнюдь не ради ценной и модной шкурки, как думают многие, увлекаются охотой на этого красивого, сметливого зверя. Леденящая темнота бесконечной зимней ночи, звенящее безмолвие укрытых больших снегами русских полей, щемящее одиночество, неожиданный тоскливый крик зайца и ярко вспыхнувшие под лучом света искры глаз так долго ожидаемого хищника — все это создает именно то настроение, ради которого каждый настоящий охотник готов пожертвовать любыми благами цивилизации. Конечно, лисица, это не леопард-людоед, а вы — не Джим Корбетт, поджидающий его бездонной тропической ночью в предгорьях Куманских Гималаев, но все же, все же, все же...

Все, что имею я сейчас,
готов отдать
За гроздь промерзлую рябину,
березы стать,
За комарных песен звон,
за луг в стогах,
Размытый старый лисий след
в больших снегах.
Чего только не напишешь, безумно
любя охоту,
Удачи вам!

Вальдшнеп на гнезде. Фото И. Фетисова

ПРОБЛЕМЫ ВАЛЬДШНЕПА

В. КУЗЯКИН, И. ФЕРРАН,
Ф. ГОССМАНН, З. ЦЕДЕНБАЛ,
А. ГРЕБЕНКОВ

Кто из настоящих охотников не бывал на тяге вальдшнепов, не испытывал трепета от звуков песни приближающегося самца и радости первого трофея?

Хотя вальдшнепа с трудом можно причислить к основным охотниччьим видам, в ряде областей весенняя охота открывается только на этот вид и здесь лишь он один дает возможность охотникам побывать на незабываемой весенней охоте.

К сожалению, численность вальдшнепа по числу протянувших птиц за вечернюю зорю, по средней добыче одного охотника, по количеству работ подружкой собаки на осенних «высыпках» и другим показателям за последние 10—15 лет сократилась в 3—6 раз. Если такая тенденция сохранится в будущем, то любительское охотничье хозяйство может потерять

этот объект охоты, а в некоторых областях — и весеннюю охоту вообще.

Вальдшнеп — птица перелетная. Поэтому проблема охраны ресурсов этих птиц — дело международное, это — забота охотников всех стран, где вальдшнеп гнездится, зимует или останавливается на пролете. Это касается главным образом стран Европы, так как львиная доля ресурсов вида размножается и зимует в Европе, хотя гнездовой ареал простирается в Азию по южной тайге и лесостепи до Тихого океана и зимовки азиатских птиц располагаются в южной и юго-западной Азии. На американском континенте обитает другой вид — малый вальдшнеп, в южной и юго-восточной Азии, на островах Индонезии обитают еще три вида этого рода.

Гнездовой ареал обыкновенного вальдшнепа в Европе занимает обширные

территории от северной тайги до северной степи. Наиболее благоприятные места размножения — южная тайга и смешанные леса, особенно в Восточной Европе, то есть на Русской равнине. Вальдшнеп гнездится также в Скандинавии, Центральной Европе вплоть до Франции и Британских островов. Полоса оптимальных условий обитания вальдшнепа связана с зоной подзолистых и дерново-подзолистых почв.

Поскольку вальдшнеп питается почвенными беспозвоночными, населяющими верхний 5-сантиметровый слой, он может жить только там, где этот слой не промерзает. Поэтому зимний ареал птиц располагается к западу и югу от январской изотермы +2 °C. Это достаточно условная граница, которая показывает возможные пределы зимовок. Вальдшнеп, однако,

предпочитает более теплые районы для зимовки, которые сосредоточены на атлантическом побережье. Встречается вальдшнеп зимой и в нескольких провинциях на юге Франции, на Британских островах, во всех странах Средиземноморья, на севере Африки. Небольшое количество птиц, и не каждый год, остается на зимовку в некоторых южных районах Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Кольцеванием птиц выявлено, что основная масса вальдшнепов из главного района их размножения в Европейской России зимует во Франции.

В 70-е годы на территории СССР добывали 1,65 млн вальдшнепов (в 60-е годы добыча была на 23 % больше), в начале 80-х годов — 1,4 млн птиц, в конце прошедшего десятилетия — всего 0,4 млн (Сапетина, Приклонский, 1980, 1990). В северных и северо-западных областях России численность вальдшнепа уменьшилась в 3,5 раза, в центральных областях и Предуралье — в 6 раз.

Существуют различные оценки размера добычи вальдшнепов в странах Западной Европы — от 2,5 (Kalchreuter, 1983), до 3,7 млн птиц (Hepburn, 1986). Вальдшнепу уделяется большое внимание в научных охотоведческих исследованиях: существуют международные и национальные программы изучения этого вида; во всех крупных странах Европы есть ученыые, которые занимаются только этим видом; в составе Международного бюро по исследованию водоплавающих птиц (IWRB) есть научно-исследовательская группа по вальдшнепу и бекасам, которая издает ежегодные научные «письма» с новостями исследований.

В Франции в 1951 г. был создан национальный Клуб охотников на вальдшнепа. Через журнал, выходящий 4 раза в год, клуб общается со своими членами, публикует различную научную информацию, художественные произведения, всевозможные объявления. Клуб ставит перед собой задачи: запрещение охоты на утренних и вечерних перелетах вальдшнепов, а также на тяге, запрещение продажи птиц. Клуб считает возможным лишь дневную охоту и только с легавыми собаками, делающими стойку, обычно — с пойнтерами. Во Франции добывают около 1 млн птиц в год.

В Великобритании ежегодно добывается около 200 тыс. птиц (Tapper, Hiron, 1986). В последнее десятилетие численность вальдшнепа Западной Европе имеет тенденцию к снижению, в среднем на 3,3 % в год (Fada, 1986).

И. М. Сапетина и С. Г. Приклонский (1990) видят основную причину падения численности вальдшнепа в неумеренной добыче птиц на зимовках. Полнотью согласиться с этим утверждением трудно, так как для этого еще нет достаточных и достоверных научных данных. До сих пор у специалистов нет полного согласия о силе воздействия и об относительном значении для

поголовья весенней и осенне-зимней охоты на вальдшнепа.

Кроме охоты на ресурсы вида могут влиять изменения климата и влажности почвы на значительных территориях; увеличение численности хищных или копытных животных, особенно кабана, ведущее к увеличению гибели кладок; загрязнение почвы сельскохозяйственных угодий пестицидами и избытками химудобрений, влияющее на почвенную мезофауну — основной корм вальдшнепа. Этот же эффект может вызвать сокращение поголовья скота. Нельзя сбрасывать со счетов и возможность естественных вековых и среднесрочных изменений численности, а также комплексного воздействия целого ряда причин.

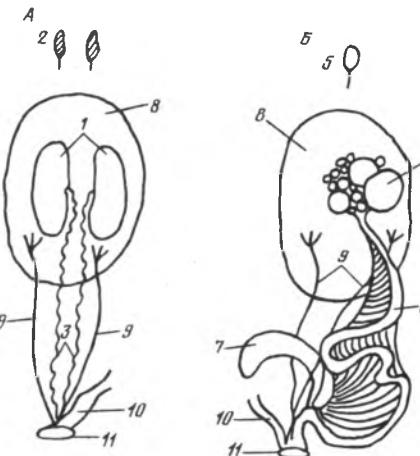

Схема половых органов самца [А] и самки [Б] вальдшнепа: 1 — семенники весной, 2 — семенники осенью, 3 — семяпровод, 4 — яичник весной, 5 — яичник осенью, 6 — яйцевод, 7 — матка, 8 — почка, 9 — мочеточники, 10 — кишечник, 11 — клоака.

Для выявления основных причин падения численности и спасения ресурсов вальдшнепа от дальнейшего исчезновения необходимо выполнение целой программы исследований, включающей ежегодный учет добычи птиц, учет численности на гнездовьях и зимовках, выявление путей миграций методом кольцевания, изучение успешности размножения и так далее. В этой программе ключевым методом исследований может быть кольцевание птиц.

Из-за скрытного образа жизни не только трудно изучать экологию вальдшнепа, но и трудно отлавливать его для кольцевания, поэтому число окольцованных птиц ничтожно мало: в период с 1925 по 1954 г. в среднем в год окольцовывалось 7 птиц (Сапетина, 1962). В последние годы в границах СССР этот показатель увеличился не намного. Если учесть, что процент возврата колец достаточно низкий (около 20 %), то можно считать, что кольцевание не дало существенных научных результатов.

Во Франции разработан новый метод отлова вальдшнепа для кольцевания (Gossmann, Ferrand et al., 1986), который заключается в поиске птиц на их ночных местообитаниях — открытых угодьях: полях, пастбищах, лугах. Поиск ведется в темноте с помощью мощной фары. К птице в свете фары можно подойти достаточно близко, чтобы накрыть ее специальным сачком. Ловцам нужно знать несколько методических тонкостей, чтобы отлов был эффективным.

С помощью этого метода во Франции, а также в странах Скандинавии и Средиземноморья за последние 6 лет было окольцовано более 4500 вальдшнепов. Средний возврат колец составил 19 %.

В России и государствах Прибалтики зарегистрировано 32 возврата французских колец последней серии работ с новым методом отлова птиц. На базе этого материала уже сейчас можно сформулировать некоторые закономерности миграции вальдшнепа. Подтверждается достаточно большое перемешивание поголовья на зимовках, гнездовьях и путях миграций. Например, две молодые птицы из одного выводка, окольцованные во Франции, были добыты весной в соседних областях России. Из-за такого перемешивания (панмиксии), так же как у уток, гусей и многих других перелетных птиц, у вальдшнепа не выделяются подвиды. Вместе с тем определенное географическое разделение вида все же прослеживается. Так, птицы, окольцованные на юге Норвегии, зимуют в основном на Британских островах, а птицы, помеченные на осеннем пролете на островах Балтийского моря, проводят зимовку во Франции. Подтверждается тесная связь французских зимовок и среднерусских гнездовий.

Тем не менее этого материала еще недостаточно, чтобы делать достоверные научные расчеты. Более объемные данные кольцевания позволили бы определить фенологию пролетов и охотничьи нагрузки на пролетные и местные размножающиеся ресурсы. Можно сравнить изменения численности у разных географических частей вида, имеющих разные зимовочно-гнездовые ареалы и разный «пресс» охоты, чтобы выявить влияние охоты на поголовье и тому подобное. Таким образом, необходимо более интенсивное кольцевание в России и смежных республиках.

Осенью 1991 г. по соглашению между Институтом эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР и Национальным управлением охоты Франции состоялась совместная советско-французская экспедиция по изучению вальдшнепа. Небольшой отряд учёных посетил несколько мест в Ярославской, Тверской, Псковской, Санкт-Петербургской областях, Эстонии и Латвии. Основная цель экспедиции — определить возможности применения нового метода отлова вальдшнепа

в условиях Восточной Европы. Изучались также сроки массового осеннего пролета птиц на обследуемой территории, районы концентрации птиц на пролете, природные характеристики таких мест. Французскую сторону интересовали природные условия гнездования вальдшнепа и его обитания в течение всего теплого периода года. Советская сторона изучала новую методику отлова птиц.

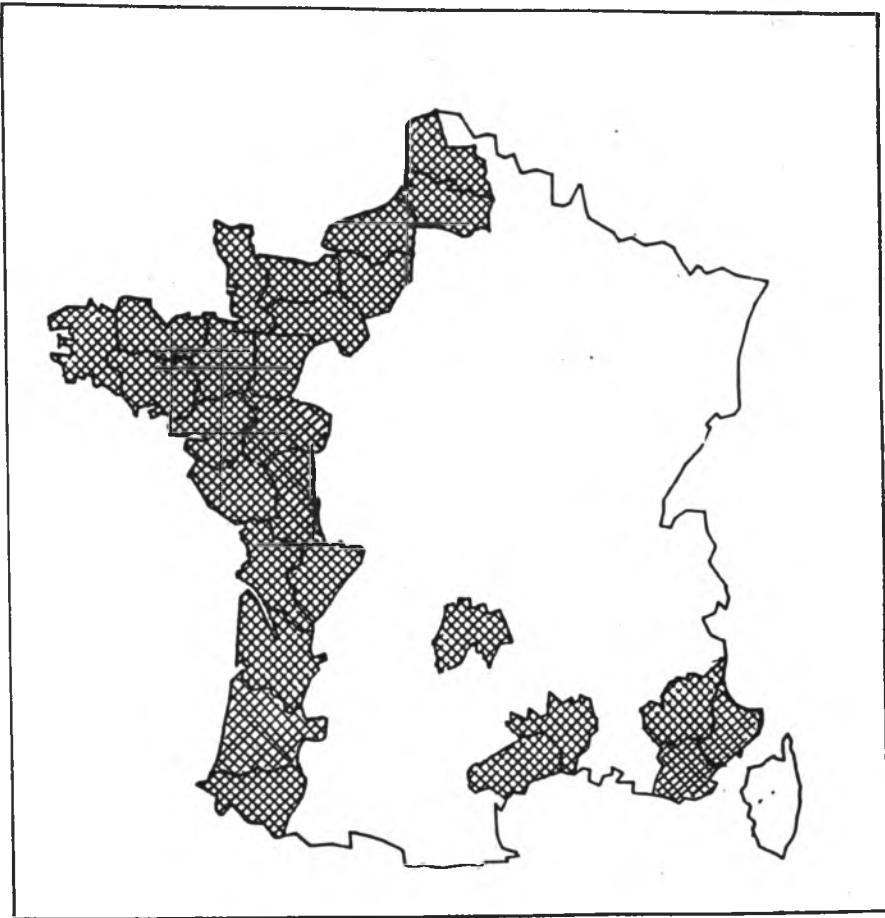
Из-за необычной теплой осени отряд застал массовый пролет птиц лишь в Тверской и Псковской областях, где было окольцовано 34 птицы за 8 вечерних выходов на отлов; всего было поймано за месяц работы 38 птиц.

Советские участники экспедиции убедились в возможности применения метода отлова в Восточной Европе, а также в огромной пользе ночных наблюдений для изучения экологии птиц, их образа жизни. Так, далеко не все открытые угодья одинаково пригодны для ночной кормежки вальдшнепов. Птицам осенью необходимо набрать вес и жир перед дальним перелетом на зимовки. Поэтому они выбирают наиболее кормовые места, как правило, связанные с выпасом скота. В Западной Европе, например, они могут улетать от ближайшего леса в лучшиеочные местообитания до 8 км. Именно поэтому химизация сельского хозяйства и сокращение поголовья скота могут быть серьезными причинами снижения численности вальдшнепа.

К утру птицы возвращаются в ближайшие леса и кустарники и скрываются обычно недалеко от опушек. Удачное сочетание кормовых лугов и хороших защитных условий дневных местообитаний птиц создает высокую плотность населения и даже концентрацию птиц осенью в определенных местах. Это явление давно известно у охотников как осенние «высыпки» вальдшнепов.

Научные материалы экспедиции еще обрабатываются, но уже сейчас ясны ближайшие задачи изучения и охраны ресурсов вальдшнепа. Очевидна необходимость разработки комплексной российской программы «Вальдшнеп», согласованной с международными программами изучения вальдшнепа. Координацию выполнения программы мог бы взять на себя Научно-методический центр РОСОХОТРЫБОЛОВСОЮЗА, работающий как хозрасчетное подразделение.

Первая задача программы — резкое увеличение объемов кольцевания птиц на основе нового метода отлова. Целесообразно создание мобильной станции кольцевания на специально оборудованной автомашине и организация нескольких опорных пунктов в наиболее перспективных для кольцевания местах, приуроченных к заповедникам, научным стационарам и тому подобное. Вторая задача — организация ежегодного учета добычи вальдшнепа, разработка современных методов ведения

Провинции Франции, где зимует вальдшнеп.

статистики добычи. Третья — совершенствование методов учета численности местного гнездящегося вальдшнепа. Метод учета на весеннеей тяге необходимо дополнить выборочными исследованиями полетов самцов с помощью их мечения радиопередатчиками. Есть перспективы разработки методики осеннего учета птиц в их ночных местообитаниях. На выполнение этих задач программы требуется определенное материально-техническое обеспечение.

Кроме этих основных есть ряд специфических научных задач по методам обработки материала, изучению местообитаний, гельминтозов птиц, экологии размножения и тому подобное, которые не требуют существенных материальных вложений.

Каждый охотпользователь независимо от формы собственности и организации понимает важность значения ресурсов и необходимость их охраны и неистощительного использования. Никто не может быть так заинтересован в сохранении ресурсов вальдшнепа, как сами охотники! Ученые-орнитологи могут помочь им. Для объединения усилий в деле охраны и приумножения

ресурсов вальдшнепа создается «Охотничий клуб любителей вальдшнепа и бекасов», учредительный съезд которого состоялся в мае 1992 г. в Центральном доме охотника и рыболова. Желающие вступить в клуб могут прислать заявление о вступлении в клуб «Вальдшнеп» по адресу: 125212, Москва, Головинское шоссе, д. 1 а. Члены клуба будут получать информацию о его работе и выполнении программы «Вальдшнеп».

Большая просьба ко всем охотникам! Если Вам удастся добыть вальдшнепа с кольцом, просим обязательно направить кольцо вместе с данными о месте и времени добычи в Центр кольцевания по адресу: 109240, Москва 1-й Котельнический пер., д. 10, Центр кольцевания. Для изучения вальдшнепа очень важны сведения о поле птицы. Не доверяйтесь своей интуиции, а установите пол вскрытием внутренних органов. Охотники, приславшие кольца и необходимые данные, также будут получать информацию по программе «Вальдшнеп».

ОЛЕНЬЯ КРОВОСОСКА

Н. РУКОВСКИЙ

В последние годы в различных областях Нечерноземья все чаще и чаще приходится слышать от сельских жителей и охотников, что в их местности появился новый паразит-кровосос. Встречается он только в тех угодьях, где обитает лось, а потому этого паразита называют то лосиной мухой, то лосиной вошью, то клещом или просто лосевкой.

И действительно, насекомое это налетает, как муха или овод, ползает по телу и вызывает зуд, подобно више, кусает, присасывается и пьет кровь, как клещ. В отдельные годы в августе и сентябре кровосос появляется в лесных угодьях в таком огромном количестве и так досаждает грибникам, ягодникам и охотникам, что буквально принуждает людей бежать из леса.

Что же это за паразит и откуда он взялся? Ученые относят его, так же как мух и оводов, к отряду двукрылых, но выделяют в отдельное семейство кровососок. Семейство насчитывает более ста видов, паразитирующих на птицах и млекопитающих. Описываемый вид называется оленьей кровосоской и носит научное название *Lipoptena cervi*.

Оленьня кровососка — небольшая, около 6 мм длиной (с крыльями — около 10 мм) темноокрашенная муха с плоским телом, крупными глазами, хорошо заметным, направленным вперед, колющим хоботком. Толстый кожистый покров мухи настолько прочен, что ее нельзя раздавить между пальцами, можно только растереть. Исключительно цепкие лапки кровососки снабжены зубчатыми коготками, позволяющими паразиту легко удерживаться и передвигаться по телу хозяина, на котором взрослая особь проводит всю свою жизнь.

Этот вид кровососки является специфичным паразитом семейства оленей. В нашей стране хозяином для него, кроме лося, могут быть благородный и пятнистый олени, косуля и кабарга. Там, где нет этих животных, нет и кровососки.

В годы депрессии лося кровососка паразитировала на оленях и косулях Западной Европы, а потому правомерно предположить, что в нашу страну она стала снова проникать именно с запада. С другой стороны, расселению оленей кровососки могли способствовать искусственные очаги, созданные при завозе пятнистых оленей с Дальнего Востока во многие охотничьи хозяйства центральных областей.

Оленьня кровососка появляется в начале августа, и в течение осени (до самых морозов) нападает в лесу на все живое. Она активна лишь в дневное

время, с рассвета до сумерек, в середине дня обычно наблюдается некоторый спад ее активности.

После выхода из куколки кровососка срочно ищет жертву, так как при голодании продолжительность ее жизни составляет всего 5—6 дней.

В отличие от комаров и оводов, молодая кровососка, несмотря на наличие крыльев, на первых порах ими не пользуется. Выйдя из куколки, она ползком взирается на верхушки высоких трав, на кусты или деревья и там поджидаст жертву. Как и у овода, основной орган ориентирования кровососки — глаза. Она замечает движущийся предмет с ветки дерева на расстоянии до 50 м и направленно летит на цель. В большинстве случаев это ее единственный в жизни полет, так как попав на жертву, кровососка сбрасывает свои, теперь уже ненужные, крылья и внедряется в толщу волосяного покрова животного.

Попав на маловорсистую одежду, кровососка не спешит сбрасывать крылья, а добирается ползком до кожи, покрытой волосом. Неподвижная жертва не привлекает паразита. Пока человек идет к ягоднику, кровососки атакуют его со всех сторон; когда он неспеша перемещается, например, собирая ягоды, кровососок почти незаметно, но стоит прекратить сбор и продолжить путь, нападение возобновляется с прежней интенсивностью.

Молодая муха в возрасте одного-двух дней не сразу начинает пить кровь у жертвы. Такую муху можно даже отогнать взмахом руки, и она перелетит на другую часть тела. Голодная же муха 3—4-дневного возраста не реагирует на отпугивающие движения и стремится скорее достигнуть цели. Мухи 5—7-дневного возраста, не встретившие прокормителя, ослаблены, истощены и нередко, даже достигнув жертвы, уже не в состоянии начать кормиться и погибают. Если кровососке удалось через густой волосяной покров оленя добраться до кожи и начать регулярно сосать кровь, она способна прожить на своей жертве 5—6 месяцев. Так, кровососки, попав на лося в августе—сентябре, живут на теле животного до марта—апреля. Во второй половине зимы число кровососок на лосе начинает убывать и в марте—апреле, когда у этого копытного протекает весенняя, единственная в году линька, лось полностью освобождается от паразитов. С этого периода взрослых кровососок на лосях нет вплоть до конца июля — начала августа.

Часто кровососка нападает на скот, пасущийся в лесу. Она может неко-

торое время кормиться и существовать на теле случайной жертвы, но спариваться и приносить потомство способна лишь в толще волосяного покрова семейства оленей.

Добравшись до тела оленя, кровососки (самец и самка) усиленно кормятся, и через 10—12 дней приступают к спариванию. Эти насекомые относятся к так называемым «куклородным», у которых весь процесс развития яйца и личинки, вплоть до куколки, протекает в организме самки. Самка отрождает готовую куколку, заключенную в своеобразную защитную оболочку. Куколка не закрепляется на волосе, а тут же выпадает наружу. В дальнейшем самка через каждые 6—8 дней отрождает по одной куколке, и за свою жизнь успевает произвести около 25—30.

Выпавших куколок, представляющих собой темные яйцевидные образования размером 4×2 мм, можно заметить на зимних лежках лосей. Никакие погодные условия не страшны куколкам, надежно защищенным оболочкой. Они одинаково хорошо сохраняются в болоте, на мерзлой земле, на снегу или насте — и спят до весны, переживая зимнюю диапаузу. Куколки начинают развиваться в начале мая, когда среднесуточная температура воздуха превышает 10 °C. В это время куколки весьма чувствительны к изменениям погоды. Например, если в мае холодает и идут продолжительные дожди, многие куколки гибнут, поэтому число взрослых кровососок, вылетевших в июле — августе, невелико. Умеренно сухая и теплая погода способствует успешному развитию куколок и определяет обильный вылет взрослых насекомых.

В. И. Иванов, длительное время изучавший кровососок в Белоруссии, пришел к заключению, что при паразитировании на одном лосе до 5 тыс. кровососок животное в течение зимы ежедневно теряет от 15 до 30 г крови. Укусы кровососок вызывают беспокойство животных, что вместе с постоянной потерей крови приводит их к истощению.

Массовый вылет кровососок для людей, работающих в лесу, может оказаться настоящим бедствием. Они нападают на человека и поздней осенью, когда уже нет ни комара, ни клеща, ни мошки, заползают под одежду, проникают под головной убор, вызывают неприятный зуд. После их укусов на теле остаются в течение нескольких дней припухлости, а иногда и ранки.

К сожалению, до настоящего времени нет действенных препаратов, способных отпугивать этих паразитов. Репелленты, применяемые для защиты от комаров и другого гнуса, против оленей кровососки незэффективны. Только одежда, препятствующая проникновению паразита к телу, и постоянный осмотр себя и своих спутников могут предохранить человека от массового нападения оленей кровососки.

Фото С. Лычагина

ЦЕНА ОХРАНЫ ТИГРА

С. КУЧЕРЕНКО

За последнее двадцатилетие учтены численности амурского тигра в Приморском крае по дорогостоящим хозяйственным темам трижды занимались академические институты Дальневосточного научного центра. Более или менее доверительно выяснялись границы распространения, места наибольшей концентрации, поголовье, структура популяции, питание, влияние хищника на копытных. Однако не было ответа на важнейшие вопросы: во что обходится охотничьему хозяйству охрана тигра, какое суммарное воздействие на популяции копытных животных оказывают крупные хищники, видовое разнообразие которых в уссурийской тайге необычайно велико для всего региона? И главное — до каких количественных пределов нужно и можно охранять важного «краснокнижного» зверя — очень красивого и могучего, но еще более прожорливого и расточительного?

Между тем численность тигра неуклонно возрастала. Привыкая к людям, он терял свою осторожность и наглел, все чаще выходя к сельским окрестностям. И все больше требовалось ему свежей добычи. А уникальную тайгу беспощадно рубили и выжигали, игнорируя многочисленные протесты специалистов, ученых и общественности. На браконьерство в условиях извечной нашей социальной бедности не

находилось действенной управы. И так оскудевала фауна, что с 1986 г. Приморпромохота была вынуждена запретить охоту на копытных. Разумеется, запрет этот действовал в первую очередь во благо тигра, волка, бурого медведя, рыси, росомахи, леопарда, харзы и других хищников.

Вопрос «до каких пределов численности охранять тигра?» потребовал немедленного ответа. И поручили дать ответ на него Дальневосточному отделению ВНИИОЗ.

Совершим короткий экскурс в историю. К началу колонизации Амура-Уссурийского края России — с середины прошлого столетия — тигра здесь было очень много. Сколько же конкретно? Нам удалось путем непростых расчетов выяснить ориентировочное поголовье тигра и восстановить его ареал: в середине XIX века здесь водилось как минимум 600—800 особей, из этого числа 500—600 — в пределах современных границ Приморья. Во вспыхнувшей беспощадной войне между исконным хозяином уссурийской тайги и человеком побеждали охотники: за год они добывали и отлавливали до полутора сот тигров. К концу прошлого века тигриное поголовье сократилось предположительно до 350—400 особей, к 1910 г. оно упало до 200—240, за последующее десятилетие снизилось вдвое, к 1930 г. уцеле-

ло всего 50—60 тигров, а через несколько лет их осталось 25—30 особей.

Динамика падения численности этого хищника вполне достоверно коррелирует с темпами среднегодовой добычи этого зверя: в последней четверти XIX века — 120—150 особей, в начале нашего столетия — от 50 до 83, в 20-х годах — 25 и менее, в 30-х — около десятка особей в год.

Сокращение поголовья тигра до конца минувшего века было незначительным, но когда отстрел и отлов достигли 15—20 % общей численности, популяция стала заметно таять. В первой четверти нашего века ежегодно добывали от 20 до 30 % зверей от их поголовья, и, разумеется, такие потери стали невосполнимыми.

Процесс восстановления ареала и численности амурского тигра достаточ но полно был освещен ранее (Кучеренко, 1985). Отметим лишь дополнительно выясненное. Восстановлению поголовья тигра способствовал комплекс причин и обстоятельств, и, в первую очередь, запрет охоты на него, который, кстати, был принят не в 1947 г., как это широко цитировалось до последнего времени, а в 1951 г. Недооценивался до сих пор фактор пополнения нашего тигриного поголовья за счет массовых переходов зв

ря из сопредельных провинций Китая. Численность тигра в Маньчжурии, особенно в провинции Гирин, оставалась высокой до конца 50-х годов, и его переходы по горным миграционным каналам на юг Дальнего Востока в 40—60-х годах были гораздо интенсивнее, чем считалось прежде. И это было не просто свидетельством пополнения численности, но и мощным фактором восстановления жизнестойкости сихотэ-алинской микропопуляции, чудом выжившей в 30-х годах.

Первый учет численности тигра в крае анкетно-опросным методом был проведен охотоведом Приморского заготовления А. П. Кузнецовым еще в 1951—1952 г. Численность составляла 40—50 особей. Большой интерес представляет карта распространения тигра, составленная этим деятельным, но долго и незаслуженно замалчиваемым, охотоведом; в конкретно показанных разрозненных очагах насчитывалось 48 тигров. К. Г. Абрамов (1961) выявил численность зверя в Приморье зимой 1958/59 г. в 55—56 особей, а К. Ф. Кудзин (1966) на 1965 г.— в 70.

Крайне пессимистическая оценка состояния популяции тигра в Сихотэ-Алине, данная на 60-е годы Е. Н. Матюкиным (1966), не соответствовала действительности, что еще раз показало, как рискованно делать далеко направленные обобщения на весьма ограниченном полевом материале, собранном всего на нескольких ключах обширнейшего региона.

С. П. Кучеренко (1970) на сезон 1968/69 г. определил тигриное поголовье в 110—134 особи, через год практически этот же показатель был повторен зоологами ДВНЦ А. Г. Юдаковым и И. Г. Николаевым, сочетавшими в специализированном долговременном учете анкетно-опросные и полевые методы. К концу 70-х годов поголовье амурского тигра в пределах Дальнего Востока возросло до 180—190 особей (Кучеренко, 1985).

На начало 80-х годов численность тигра разными исследователями толковалась разноречиво: по отчету Д. Г. Пикинова и А. П. Брагина, проводивших учет по хоздоговору в 1982—1983 г., она показана в 285—293 особи; лично Д. Г. Пикинов считал ее гораздо меньшую — 200—210 голов; его же соавтор А. П. Брагин — в два раза большей. По данным Приморпромохоты, на конец 1988 г. в крае обитало 273—292 тигра.

В результате комплексных работ в течение полутора лет численность тигра в Приморье на 1990 г. нами определена в 338—350 особей, плюс к этому ориентировочно 70—80 особей жило в сопредельных южных районах Хабаровского края. Таким образом, тигриное поголовье в Амуро-Уссурийском регионе на 1990 г. составляло 408—430 особей.

Сведения по структуре популяции

тигра разных авторов очень разноречивы, что вполне естественно: установление пола и возраста зверя по следам требует большого опыта и аккуратности, учетчики часто ошибаются, а их сообщения строго не анализируются, поэтому были отобраны только достоверные сведения. По ним выявлено: доля тигрят — 31 %, соотношение взрослых самцов к самкам 1:1,3.

В среднем на одну особь приходится 30 тыс. га (от 16 на юге Приморья до 75—100 — на севере ареала). За последнее десятилетие темпы прироста численности тигра составили около 3 % в год. Это гораздо меньше естественных репродуктивных возможностей популяции, но в то же время свидетельствует о том, что ни систематические легальные и самовольные отстрелы хищника, ни резкое и неуклонное ухудшение экологических условий обитания до 1990 г. не сбивали тенденции к увеличению поголовья экзотического хищника. Но в последние два года, уже после завершения наших учетных работ, оно стало сокращаться.

В связи с настоятельной необходимостью обосновать оптимальный для Приморского края предел численности тигра, в котором проблема его охраны разумно сочеталась бы с насущными задачами охотничьего хозяйства, мы уделили особое внимание разбору питания этого зверя.

Тигр — охотник чрезвычайно высокого мастерства и неумеренного аппетита. Роль «санитара» и «селекционера» ему практически не присуща, ибо его жертвами становятся в основном не больные и ослабленные животные, а те, которые по стечению обстоятельств оказываются в пределах досягаемости атакующего хищника. Более того, он из «альтернативной» добычи всегда предпочитает взять зверя поупитаннее, пренебрегая худыми и вялыми, а стало быть, неполнценными.

Кабан и изюбр составляют 75—85 % общего числа жертв и кормовой массы тигра. Павших он берет очень редко и ест крайне неохотно. Крупную добычу имеет в среднем через 4—5 дней, иногда — через 1—2. Случается ему убивать и несколько голов в сутки, но он способен и «поститься», не теряя сил, до 10—12 дней. В зависимости от различных обстоятельств около добычи тигр держится от часа (иногда и менее того) до 10—12 суток зимой и 5—6 — в теплое время года.

Голодные тигры едят очень много: не отходя от жертвы, до 25 % собственной массы. При наличии достатка в пище тигр в течение нескольких суток способен пожирать от 15 до 30 кг мяса. Средняя норма зимней суточной потребности в пище — 12—14 кг для крупного самца и 8—10 кг — для взрослой самки; летом эта норма примерно на 2 кг меньше. По сви-

детельствиям И. Г. Николаева и А. Г. Юдакова, тигр легко съедает в сутки по 12—13 кг. В одном случае самец за 3 дня сожрал не менее 80 кг, а тигрица за 28 дней — 11 жертв общим весом съеденного — 250 кг. Среднее суточное количество пищи — 9 кг.

Тигр, как и любой другой зверь, в неволе ест гораздо меньше, чем на свободе. Хищник, берущий корм в трудных поисках его по горам и тайге, в снегах и в стужу, расходует огромное количество энергии. В зоопарке 240-килограммовый тигр из года в год получает по 12 кг мяса в день зимой и по 10 — летом, а тигрица весом 130—150 кг — по 9 и 8 кг соответственно. По исследованиям Д. Шаллера (1967), годовая потребность вольного, размерами меньшего, бенгальского тигра весом 115—170 кг составляет 28,5—35,5 центнеров — по 8—10 кг мяса в сутки, но для насыщения ему достаточно и 5,5—7 кг мяса.

Но в данной статье более важен вопрос — сколько животных давят тигр, а не сколько съедает. Вполне естественно, тигр, как и любой другой зверь, ест больше, когда пищи в достатке, чем требуется для вполне здоровой жизни. По личному сообщению заслуженного дрессировщика Николая Павленко, работающего с амурскими тиграми 30 лет, цирковые «полосатые акробаты» получают в день 8 кг мяса без костей (!), однако при сокращении этого пайка до 5—6 кг чувствуют себя тоже неплохо.

Тигр в использовании добычи крайне расточителен. Ему, как и другим хищникам, умеренность в добывании корма несвойственна, и он редко упускает возможность поохотиться, даже если сыт и имеет в достатке недоеденное. Можно было бы привести десятки достоверных наблюдений, когда тигр за одну охоту давил от 3 до 10 кабанов и изюбрея, а еще больше — скота в загонах. О неумеренности в добывании зверя тигром неоднократно писали и зоологи-полевики В. И. Жижченко, И. Г. Николаев, А. Г. Юдаков, Д. Г. Пикинов и другие.

Указание Л. Г. Каплanova (1948) на то, что тигр за год давит и съедает всего 30 крупных животных, ошибочно. По исследованиям И. Г. Николаева и А. Г. Юдакова в 70-х годах, установлено, что этот хищник за 12 месяцев добывает 70—75 зверей, из которых 53—57 — кабан и изюбр. Эти показатели близки к ранее указанным нами (Кучеренко, 1970): не менее 45—50 кабанов и изюбров, 3—4 медведя, 6—8 косуль и кабарог. Коэффициент использования добычи — 0,62. Подтверждается утверждение Б. С. Райта (1960) о том, что хищники теряют или бросают около половины своей добычи. А. Г. Юдаков и И. Г. Николаев (1987) указывают годовое количество жертв тигра в 90—120 особей (в числе жертв в этом случае много порослят).

Таблица 1

ЧИСЛЕННОСТЬ КОПЫТНЫХ В ПРИМОРЬЕ НА 1990 г.

Вид животного	Поголовье, особей		Средние размеры приплода	
	весенне	осенне	в процентах	голов
Кабан	24 930	39 670	94	23 550
Изюбр	33 900	44 115	43	14 580
Косуля	49 400	74 000	64	31 616
Лось	3 270	3 950	52	17 000
Олень	7 090	9 000	57	40 400
Кабарга	18 040	23 440	52	9 760

Таблица 2

ОБЩЕЕ ГОДОВОЕ КОЛИЧЕСТВО КОПЫТНЫХ, ДОБЫВАЕМЫХ ХИЩНИКАМИ В ПРИМОРЬЕ

Вид хищника	Численность, голов	Размеры гибели копытных, голов				
		кабан	изюбр	косуля	льс	олень
Тигр	338—350	10 410	9130	3115	90	980
Бурый медведь	2600—2800	3 720	Ед.	Ед.	410	Ед.
Волк	340—400	355	820	4940	110	94
Рысь	1130—1300	Ед.	Ед.	525	Ед.	Ед.
Харза	2600—2900	Ед.	Ед.	240	Ед.	Ед.
Леопард	30—35	Ед.	Ед.	655	Ед.	270
Всего	—	14 500	9960	9500	630	1370
В том числе учтенных осенью	—	10 110	7735	6305	450	870

И главное: каков же оптимум поголовья тигра требовалось установить не в ущерб его охране, но и считааясь с интересами охотничьего хозяйства?

Непросто выявить минимум численности для определенной территории, обеспечивающий жизнестойкость популяции такого крупного животного, как тигр. В прежние годы назывались цифры и 500, и 2000. Хотя известно немало примеров, когда несколько завезенных особей бурно формировали новые процветающие популяции. К началу 70-х годов «подсос» тигра из сопредельных провинций Китая по ряду причин прекратился. В то время тигров у нас было около 150, а их численность, несмотря на повсеместно систематические самовольные отстрелы, росла. Исходя из действительности, можно было заявить: поголовье тигра если и не в 150, то в 200 особей, наверняка, вполне жизнеспособно.

Однако Рид с соавторами (Reed et al., 1986) предложил достаточно совершенную методику расчета минимальной численности жизнеспособных популяций для видов с перекрывающимися поколениями, к которым относится и тигр. При расчете этого минимума учитывается количество полновозрелых самцов и самок, средние размеры приплода и половое соотношение в нем, выживаемость народившихся к половой зрелости, средний возраст взрослых и продолжительность их репродуктивности.

По этой методике минимум чис-

ленности для амурского тигра высчитал А. П. Брагин (1989) — 256 особей. По нашим исходным параметрам этот минимум составил 230—240 голов. Поскольку ареал тигра в пределах Приморского и Хабаровского краев слитен, мы считаем оптимальным поголовье хищника в 240—265 особей: 200—220 особей в Приморье и 40—45 — в Хабаровском крае. В сумме это на 5 % больше рассчитанного минимума. Для гарантии.

Этот минимум для Приморья — 200—220 тигров — дает основание сократить современное поголовье этого вида на 130 (округленно) особей. Поголовье «заповедных» тигров — 28—34 особей — неприкосновенно, и сокращение может вестись лишь на территории промысловых и спортивных хозяйств. Снижение численности тигра на сотню особей означает сохранение свыше 3 тыс. кабанов, до 2 тыс. изюбров и 0,5 тыс. косуль. С учетом их кадастровой стоимости выигрыш означает сумму в сотни миллионов руб. в год. В числе этого выигрыша не менее 3 тыс. центнеров деликатесного мяса, панты, субпродукты, сувениры. И здесь же — реальные возможности удовлетворить, наконец, право охотника-спортсмена выследить и добить серьезный трофей.

Полтора года назад, готовя эту статью, мы писали, что изъятие лишних тигров должно проводиться продуманно, неспешно и при строгом контроле. Целесообразно было интенсифи-

В разных регионах у тигра различен «набор» жертв. На севере ареала — лось и изюбр, в южных районах Приморья — косуля, пятнистый олень, гора. В одном и том же уроцище самка может специализироваться на пороснятах, самец — на чушках и изюбрах. Самке тигра придется в год задавить до 120 голов, самцу хватит 60—70. Бенгальский тигр в год в среднем давит 55—60 крупных взрослых животных (включая буйвола), однако любители оленятини «берут» сотню аксисов.

Важно учитывать не только состав жертв в той или иной части ареала, но и индивидуальные наклонности хищников. В. И. Животченко (1981) наблюдал отчетливо выраженного любителя горалов, хотя и редка эта амурская антилопа, а охотиться на нее на скользких кручах рискованно.

Усредняя наши наблюдения, различающиеся с материалами В. И. Животченко, Д. Г. Пикунова, И. Г. Николаева и А. Г. Юдакова, мы рассчитали, что в год взрослый амурский тигр добывает 40—45 кабанов, 25—30 изюбров обоего пола и разного возраста, но преимущественно — молодых и самок. Годовая поедаемая масса колеблется в пределах 3—4,3 т (в среднем 3,6 т) на особь. А тигров в Приморье 338—350, в том числе взрослых — 233—242.

Общее воздействие тигра и других крупных хищников на популяции копытных Приморского края приведено в табл. 1 и 2.

Бросается в глаза несоответствие довольно высоких размеров приплода в сравнении с фактическим приростом поголовья от весны к осени. Тому есть ряд причин: неблагоприятный приморский весенне-летний климат, обилие гнуса, особенно клещей, распространенность инвазий. Но первопричина — гибель молодняка от хищников: свыше 4 тыс. поросня, 2200 изюбрят, более 3 тыс. косулят, около 0,5 тыс. оленят. Это четко прослеживается в табл. 2.

Как видно из таблиц, на «ремонт» воспроизводственного поголовья и отстрел остается: кабана — 3900 голов, изюбра — 2300. Необходимо не упускать из вида вероятную повышенную смертность копытных от периодически случающегося глубокоснежья, эпизоотий, голодных сезонов и других неблагоприятных факторов, для Приморского региона весьма необычных.

Был вполне естествен вывод: так дальше продолжаться не должно. Необходимо незамедлительное сокращение численности крупных хищников. Задачу борьбы с волком приходится ставить наиболее остро. Кроме того, необходима всенарядная интенсификация и даже поощрение охоты на бурого медведя, в Амуро-Уссурийском крае повсеместного и далеко не безвредного.

цировать отлов тигрят, решительно отстреливать «скотников» и потенциально опасных для человека особей. Вполне возможно было организовать отстрел тигра (и пантачей) на солонцах и в заливах во время пантовки для охотников-туристов. Нельзя забывать, что туша тигра в странах Востока ценится очень высоко, как и хорошо сработанное чучело.

Однако в настоящее время проблема узаконенного сокращения численности тигра резко осложнилась интенсивной браконьерской охотой на этого экзотического зверя. Его стали целеустремленно преследовать, ставить петли и капканы, травить ядами. Причин тому две: участвующие случаи нападения тигров на домашних животных и людей, подход их к населенным пунктам, а главное — резкое увеличение спроса на шкуру и части тела тигра на черном рынке. Например, килограмм тигриных костей стоит до тысячи долларов. Ориентировочные расчеты показывают, что добытый взрослый тигр может дать не менее 20—25 тыс. долларов, а вполне возможно — и 50 тыс. В пересчете на «современные» рубли эти суммы исчисляются уже миллионами. И торги идут почти открыто: местные газеты просто объявляют о возможности обменять автомобиль престижной японской модели на шкуру тигра. Иностранцы, особо не таясь, предлагают за тигриную шкуру до 10 тыс. долларов, или миллион рублей.

Таким образом, в ближайшие годы вполне возможно резкое сокращение поголовья амурского тигра, если не предпринять экстренных мер противостояния злу.

И все же необходимо напомнить нашим очевидным оппонентам: в настоящее время в зоопарках содержится свыше тысячи тигров амурского подвала, их ежегодный приплод исчисляется сотнями котят, которых научились благополучно выращивать. А в прекрасно организованных шведских тигриных питомниках зверей выращивают и в определенной мере учат жить по естественным «законам». «Воспитанников» этих питомников уже трудно сбывать: амурских тигров в неволе полно во многих странах мира. Так что исчезновение им не грозит.

Трудное это дело — писать о регулировании численности тигра в сторону ее снижения. Для автора рискованное. Сложная задача была поставлена Приморпромохотой Дальневосточному отделению ВНИИОЗ: учесть поголовье тигра, а заодно всех крупных хищников и копытных, выявить конкретный баланс в системе хищник — жертва, обосновать оптимум численности тигра, дать рекомендации по дальнейшему ведению охотниччьего хозяйства по копытным. И мы, как нам представляется, справились с этой задачей. Но справились благодаря систематической помощи и участию в ней охотников самой Приморпромохоты, за что им искренне благодарны.

Н. РЕЙМЕРС

ПОПУЛЯРНЫЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Лежка — место отдыха, как правило, относительно крупного млекопитающего, обычно не имеющего постоянного убежища (тигра, лося, оленя, кабана, зайца и т. п.). Иногда говорят о детской Л.— месте рождения детенышей.

Мониторинг (лат. монитор — тот, кто напоминает, предупреждает) — слежение за какими-то объектами или явлениями, в т. ч. биологического характера; в наиболее полном виде — многоцелевая информационная система, основные задачи которой — наблюдение, оценка и прогноз состояния природной среды под влиянием антропогенного воздействия с целью предупреждения о создающихся критических ситуациях (повышение загазованности воздуха выше ПДК и т. п.), вредных или опасных для здоровья людей, благополучия др. живых существ, их сообществ, абиотических природных и созданных человеком объектов, процессов и явлений. Наиболее развит контроль за загрязнением водной и воздушной сред, осуществляемый гидрометеорологической, медико-санитарной и др. службами. Разрабатываются и более полные системы М., а также разнообразные новые методы его применения: с использованием современных технических средств (дистанционных, комплексных и др.). По территориальному охвату М. подразделяются на локальный, региональный и глобальный — биосферный, охватывающий биосферу в целом. По назначению различают М. базовый, или фоновый, и импактный (англ. импакт — воздействие, влияние) — региональных и локальных острых воздействий. В СНГ и др. странах созданы специализированные станции М.; наблюдения ведутся также на территории биосферных заповедников.

МСОП — Международный союз охраны природы и природных ресурсов (IUCN — International Union of Nature and Nature Resources) — неправительственная международная организация, ведущая исследования и пропаганду охраны природы и рационального использования природных ресурсов. Создана в 1948 г. по инициативе ЮНЕСКО. В ее состав входят представители более 130 стран, в т. ч. от СНГ. (Иногда по неск. представителей от одного государства). МСОП выпускает «Красную книгу» и «Список национальных парков и эквивалентных резерватов».

Ноосфера (букв. «мыслящая оболочка», сфера разума) — высшая стадия развития биосферы, связанная с возникновением и становлением в ней цивилизованного человечества, когда его разумная деятельность становится главным определяющим фактором ее развития (см. Техносфера). Хотя, по В. И. Вернадскому, «ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше» (Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М.: Наука, 1965. С. 328), не следует забывать, что «он, как и все живое, может мыслить и действовать в планетном аспекте только в области жизни — в биосфере, в определенной земной оболочке, с которой он неразрывно связан и уйти из которой не может. Его существование есть ее функция» (Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Кн. 2 Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977, С. 24), «стихийно человек от нее неотделим» (Вернадский В. И. Химическое строение... С. 324). Именно неотделимость человечества от биосферы указывает на главную цель в построении Н. Она заключается в сохранении того типа биосферы, в которой возник и может существовать человек как вид, сохраняя свое здоровье. Поэтому слова В. И. Вернадского «перестраивать коренным образом» следует понимать лишь в рамках основной цели сохранения биосферы, пригодной для жизни людей. Существуют два основных подхода к будущему созданию Н.: а) ограниченной перестройки всей биосферы и б) максимального ее сохранения с отделением и почти полной изоляцией техносферы-2 от биосферы. Очевидно, развитие будет идти по обоим направлениям.

К ПРАВИЛАМ ИСПЫТАНИЙ НОРНЫХ

С большой тревогой за будущее наших норных прочитал статью Мансуровой о готовящихся изменениях в правилах испытаний норных. Охотники-норники, даже с небольшим опытом, знают разницу при работе собаки в простой норе и сложной многоходовой норе. Убеждать в преимуществах примитивной П-образной норы для испытаний норных могут только люди некомпетентные, не знающие охоты с норными, или незаинтересованные.

За свою охотничью практику я вырастил и воспитал около полусотни собак норных пород и охотился с ними. Исходя из опыта охоты категорически утверждаю: скорость собаки в сложной многоходовой норе имеет не меньшее значение, чем злоба. Это общеизвестно охотникам-практикам. Вот примеры из охоты. Маленького роста такса *Малышка*, очень быстрая и злобная, выгоняла лисицу из тех нор, где другим собакам было не под силу. Зная это, я даже не пускал других собак в такие норы. Пустая траты времени. Характерно, что гонимая *Малышкой* лисица обычно не убегала от нор, а старалась спастись в другом отнорке. Очень часто лисица выскакивала из дальнего отнорка и бежала ко мне под ноги к отнорку, над которым я стоял. Лисица была в панике.

Сверхбыстрая в искусственной норе мощная ягдтерьер *Жука*, догонявшая лисицу буквально через несколько метров, в естественной норе не могла развить такую скорость, потому нередко лисица оставалась в норе не выгнанной.

Огромной выносливости и большой злобы фокстерьер *Алан* десять часов беспрерывно гонял подшумленную лисицу в многоходовой норе; так и не выгнал. Не хватило скорости.

Из сказанного следует, что требования к скорости норных нельзя снижать ни в коей мере, тем более, что есть собаки, легко догоняющие лисицу в искусственной норе. На охоте это самые продуктивные собаки.

Только в искусственной норе-восьмёрке можно проверить «скорость» и «верность» преследования. Думаю, этих двух пунктов достаточно в правилах испытаний, а пункт «вязкость» следует убрать. Любое снижение требований к скорости и выносливости собак непременно приведет к потере

Несолено хлебавши.
Фото П. Яровицкого

этих качеств. Медлительная собака беспомощна в сложной норе, какой бы злобой и прочими качествами она ни обладала. Она просто непригодна для подобной охоты. На П-образной норе такая собака может получить высшую оценку за работу. Характерно, что собаки, сильно работающие в многоходовых норах на охоте, попав в искусственную нору-восьмёрку, сразу же показывают высокий класс работы, с первого раза.

Чутье норных собак следует проверять вне норы. В настоящее время чутье определяется фактически с «потолка», и быстроходную собаку так нельзя проверить. Если собака «висит на хвосте» у зверя и видит его, о каком пользовании чутьем может идти речь? Кстати, в ГДР чутье ягдов определяют по следу потаска заячьей шкурки.

Хватку «пасть в пасть» хваткой по мести считать нельзя. Такая хватка на охоте — верная гибель собаки. Хватка «пасть в пасть» бывает при недостаточной подготовке собаки, а бывает и наследственной. Если нет возможности

взять зверя «по мести», собака и не должна его брать.

«Тянет» или «не тянет» — проверять надо обязательно. Есть собаки, легко давящие лисицу в норе, но и не думающие ее тянуть из норы. Одни сразу выходят из норы, другие лежат возле мертвого зверя, пока не надоест, по многу часов, потом выходят. Не тянувших, но давящих зверя собак не только к племенному использованию, но и к охоте допускать нельзя.

Замечено, если собака хватает подвешенную вниз головой мертвую лисицу, висит на ней и дергает, сколько хватит сил, такая собака «тянет». Так же она поступает и с чучелом лисицы. Этим способом удобно проверить «тягу» на испытаниях. Если собака на испытаниях взяла «по мести» неходовую лисицу и положенное время на проверку работы не истекло, было бы очень справедливо проверить преследование, заменив лисицу на ходовую. На этот раз проверять только преследование. Так как мелкие собаки обычно раннеспелы в сравнении с крупными, целесообразно норных допускать к испытаниям не с десятимесячного, а с семимесячного возраста. Хорошие щенки-яды в семь месяцев работают на диплом I степени. По нынешним правилам им надо дожидаться еще три месяца, чтобы допустили к испытаниям.

Особо об охоте на барсука.

На Украине на барсука не охотятся уже много лет, но барсука больше не стало, много заброшенных нор. Потревоженный собаками барсук при охоте на лисицу чаще всего покидает нору. О его дальнейшей участи можно догадываться.

Возрастающий пресс охоты на лисицу с норными даже косвенно барсуку хорошей жизни не сулит, а если разрешить на него охоту да норы раскапывать? Совсем небольшие следы разрушений около норы отпугивают как барсуха, так и лисицу несколько лет, пока следы не исчезнут.

Знаю собак, имеющих диплом I степени по лисице и не работающих по барсуху, да еще и передающих эти качества наследственно! Каждый охотник-практик скажет, что такой собаке на охоте цены нет. Было бы здорово — закрепить это качество в линиях, делая специальную отметку в документах. Это был бы хороший подарок и охотникам, и природе.

ОБОЗНАЧЕНИЯ В НЕМЕЦКИХ РОДОСЛОВНЫХ

Р. БАУМАН,
эксперт-кинолог I категории

Тов. Каледич А. Н. из г. Бобруйска Могилевской обл. просит рассказать об обозначениях в родословных немецких легавых собак и как они учитываются на отечественных выставках.

В отличие от отечественных родословных немецкие могут содержать и три колена предков. В правилах бонитировок действующих в настоящее время «Правил проведения выставок охотничьих собак на территории СССР» указано: «Собаки охотничьих пород, вывезенные из-за границы с полной трехколенной родословной, принятой Международной кинологической федерацией, оцениваются как имеющие полную четырехколенную родословную, принятую в СССР, с зачетом потомкам оценок предков за экстерьер и охотничьи качества, полученные в той стране, откуда они вывезены».

Немецкие породы легавых в Германии допускаются к вязкам при условии оценки экстерьера не менее «хорошо» и получения проходных баллов по рабочим качествам на племенных испытаниях. Поэтому их потомки, завезенные в нашу страну, имеют право на полные 20 баллов оценки по происхождению.

Дипломы же, полученные собаками за границей по основным видам, засчитываются только как дополнительные (см. Примечание после Таблицы минимальных требований для определения классности в указанных выше «Правилах...»). Поэтому сразу после получения на отечественных испытаниях по основному виду дичи (полевая, болотная или боровая) хотя бы одного диплома III степени такая собака сразу попадает в I племенной класс.

При этом надо помнить, что в Германии существуют пять видов испытаний: проверка природных задатков молодняка по группам пород, необходимая для допуска к последующим испытаниям; пользовательные испытания по отдельным группам предметов, выбираемым по желанию хозяина собаки (независимо от породы), определяющие допуск собаки к использованию на данном виде охоты; племенные (комплексные) испытания, определяю-

щие допуск к участию в разведении конкретной породы; разносторонние (спортивные — общие для всех пород) испытания, дающие право на запись в книгу разносторонних работников и допуск к состязаниям, включая международные; специальные (дополнительные, независимо от вида породы), усложненные испытания в естественных условиях и не всегда обязательные для прохождения.

Большинство этих испытаний имеют балльные оценки, а результаты подразделяются по трем видам призов, которые можно считать соответствующими нашим степеням дипломов. В нашей бонитировке учитываются только испытания, обозначенные видом приза (I, II или III). При этом надо помнить, что полная программа разносторонних испытаний включает комплекс близких к нашим испытаниям по полевой птице, по утке, по кровянику следу и отсутствующих у нас испытаний по подаче, специальному лесному дисциплином и по зверю. Не все разносторонние (даже международные) испытания проводятся по всему комплексу, поэтому желательно знать их программу. Единственное, в чем можно быть уверенным, что всегда включаются испытания по полевой и водоплавающей птице.

Рассмотрим несколько подробнее специальные записи, встречающиеся в немецких родословных. На первой странице — кличка, пол, окрас, дата рождения, данные заводчика (где родилась собака), подписи, дата и штамп регистрации документа.

На внутреннем развороте приведены данные предков; в документах из бывшей ГДР три колена: сверху — данные по отцу, внизу — по матери; в документах из ФРГ — четыре колена: сверху — данные по матери, внизу — по отцу. Принципиальное отличие иностранных родословных от отечественных в том, что после клички собаки указывают не фамилию владельца, а « завод » (питомник — место рождения собаки). Далее следуют два номера: слева номер из книги регистрации щенятых родословных (в родословных ГДР через черточку указывается год рождения), справа —

номер из книги разносторонних работников (в родословных ГДР подчеркнут). Далее в столбик следует номер из племенной книги (после букв ZR), который может через дробь иметь год рождения. Далее в строку может быть указана оценка экстерьера, для дратхааров она двойная — сначала за качество статей, через дробь — за состояние шерстного покрова. Все охотничьи собаки в Германии проходят проверку на отсутствие дисплазии тазобедренного сустава, поэтому часто об этом делают отметки в данных родителей, дедов и бабок — HD — frei.

Теперь о записи результатов полевых достижений. Она необязательна, так как допуском к разведению является обязательная сдача племенных испытаний, но бывает, что у родителей приводят и балльные оценки: сначала за проверку врожденных задатков — испытания молодняка IP, затем за племенные испытания ZP, и разносторонние испытания GP, часто с указанием и степени диплома. К сожалению, состав комплексных испытаний никогда не приводится. Кроме перечисленных испытаний, для возможности оценки наследования важных рабочих характеристик делаются отметки в виде черточек перед кличками: / — душитель хищников, — отдающие голос на следу при выгоне дичи, — — призывающий лаем к туще, найденной по кровянику следу; | — анонсирующая и указывающая тушу, найденную по кровянику следу. Большое внимание уделяется также санным дополнительным усложненным испытаниям. Сокращенная запись о них делается под кличкой собаки, между указанными выше регистрационными номерами: Vbr — поиск по следу и подача подранка (зайца или лисицы) на охоте; Btr — верность свободного поиска и подача битой лисицы; Sw — работа по натуральному следу подранка копытного (отмечается оценка приза); Sch — испытания по вольному кабану.

Такие отметки в немецких родословных дают не меньшую информацию для племенной работы, чем записи оценок за наши испытания в отечественных родословных.

ВЫ ПРИОБРЕЛИ ЩЕНКА

Л. УСТИНОВ

Фото П. Яровицкого

Примерно в месячном возрасте большинство заводчиков раздают щенков будущим владельцам. Приобретенного питомца необходимо подвергнуть обработке против глистной инвазии одним из ниже следующих препаратов: пиперазин (адипинат, сульфат, фосфат) в дозе 0,2 грамма на 1 кг живого веса. Пиперазин дают три дня подряд по одному разу в день с кормом. При этом диету не соблюдают и слабительное не дают. Можно применять и декарис с кормом однократно 0,007 грамма на килограмм веса собаки, или нилверм с кормом однократно в дозе 0,007 грамма также на килограмм веса.

Когда щенку исполнится два месяца, ему нужно сделать прививку против чумы плотоядных. Для профилактики данного заболевания применяются различные вакцины. Что следует учесть при этом? Комплексные вакцины зарубежного производства используют строго по прилагаемым инструкциям, при разовой вакцинации они не дают напряженного иммунитета, из-за этого собака может заболеть чумой в различной форме.

По прошествии двух недель после вакцинации против чумы плотоядных необходимо вакцинировать щенка от парвовирусного энтерита. Вакцинацию производят в строгом соответствии

с инструкцией.

Перед любой вакцинацией следует в обязательном порядке смерть температуру у щенка, и при повышенной вакцинацию не производят, так как возможны осложнения в виде той болезни, от которой делают прививку.

Но может случиться и так, что охотник своевременно не успел вакцинировать щенка и он заболел. Что же необходимо знать владельцу? Как чума плотоядных, так и парвовирусный энтерит вызываются вирусами, которые передаются от больной собаки к здоровой через предметы ухода за животными, одежду обслуживающего персонала, транспортные средства, но самую большую опасность представляют больные и переболевшие собаки.

Неполноценное однообразное кормление, недостаток витаминов и минеральных веществ в корме, систематическое нарушение ветеринарно-санитарных норм неизбежно влечет за собой ослабление общей устойчивости организма животных, а следовательно, повышается восприимчивость их к вирусным заболеваниям. Наибольшая чувствительность к заболеваниям отмечается у щенков после отъема от матери до годовалого возраста.

Для того чтобы охотник мог понять, чем заболел его питомец, перечисляем признаки заболеваний.

Клинические признаки чумы плотоядных следующие. Острота течения и формы проявления чумы у собак отличаются большим разнообразием. Они обусловлены индивидуальными особенностями, возрастом, породой, условиями содержания и кормления, способом заражения. Основной клинический признак болезни — повышение температуры тела до 39,7—40 градусов. Часто это бывает единственным признаком болезни. Вслед за повышением температуры появляются серозные или гнойные выделения из носовых ходов и глаз. Дыхание становится напряженным, возникает обильное истечение из носа, фырканье, чиханье, кашель, иногда рвота. Развивается гастроэнтерит. В ряде случаев появляется сыпь на коже живота и внутренних поверхностях бедер. У отдельных собак отмечается гнойный конъюнктивит с последующим поражением роговицы глаз.

Клинические признаки чумы плотоядных у собак характеризуются сложным симптомокомплексом. Исход болезни трудно предвидеть. При естественном переболевании следует учитьывать многочисленные осложнения, которые вызываются вторичной микроФлорой.

При заболевании парвовирусным эн-

теритом у собак внезапно появляется диарея (понос), рвота, которые не прекращаются до исхода болезни. Температура тела повышена до 39,5—41 градуса. Наиболее точно можно поставить диагноз на парвовирусный энтерит лабораторными методами.

Гельминтозы у собак могут напоминать проявления чумы плотоядных. Отмечают рвоту, понос, дерматиты. Для дифференциации гельминтозных болезней исследуют кал по методу Фюлеборна на обнаружение яиц гельминтов.

Для лечения собак от чумы плотоядных нет эффективных средств. Возможность терапии ограничивается применением специфической гипериммунной сыворотки и гамма-глобулина против вируса чумы. Хороший эффект сыворотка дает при использовании ее на ранней стадии заболевания. Использование гипериммунной сыворотки для лечения собак с признаками поражения центральной нервной системы положительных результатов не дает.

Лечение больных чумой плотоядных животных, а также больных парвовирусным энтеритом проводят комплексно. Наряду с применением специфической гипериммунной сыворотки необходимо повышать общую устойчивость организма больного животного, устранять или компенсировать патологические изменения, возникающие в результате заболевания. Лечение должно быть направлено на уменьшение интоксикации, выравнивание кислотно-щелочного равновесия, водного баланса. Важное значение имеют рациональное кормление и условия содержания. Рацион должен быть питательным, легкоусвояемым, с минимальным количеством растительных компонентов. Больным животным необходимо представлять достаточное количество витаминов и микроэлементов. Исход заболевания во многом зависит от своеевременной и ранней диагностики, а также от правильно выбранного плана лечебных процедур и медикаментозного обеспечения.

Вы представили своему щенку достаточно большое количество корма, много движений, уберегли от заболеваний. В возрасте 8—10 месяцев следует начать готовить свою собаку к полевой работе. Как готовить к этому, это тема отдельного разговора, мы остановимся лишь на выращивании и начале племенного использования. По достижении 10-месячного возраста щенка от племенных собак следует выставить на выводку и получить оценку за его экстерьер, а затем подготовить и выставить на полевые испытания. Собаку, имеющую оценку экстерьера, полевой диплом, по достижении двух лет можно использовать на племя. Раньше этого возраста собак взять не следует, так как они еще не сформировались, окончательно этот процесс заканчивается после щенений у сук или вязок (у кобелей).

КИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Арапник — длинная плеть с короткой рукояткой, охотничья принадлежность.

Арка — выгнутая дугой линия верха у собаки; у некоторых пород предусмотрена стандартом; у остальных считается дефектом строения позвоночника.

Аркада — расположение зубов в челюстях собаки.

Арлекин — порода старинных рослых гончих белой или светло-серой масти, с частыми мелкими черными крапинами и одним или обоими синевато-белыми глазами; устаревшее название мраморного окраса собаки; разноглазие у собаки, то есть глаза разного цвета, возможно, и голубого; допускается у собак (например, такс) только мраморного окраса.

Ассистент — член экспертной комиссии, второй судья на выставках или выводках; устаревшее название — подсудок.

Атувать — (устар.) — натравливать борзых на зайца; проатувать — разотираться, промотать свое состояние на охоте, собаках.

Афикс — заводская приставка, идущая после клички собаки или перед ней.

Багряный — окрас гончей: красноватый, рыжеватый.

Баки — характерная особенность шерстного покрова лайки; образуются на границе длинного шерстного покрова шеи и короткой шерсти головы; наиболее выражены у кобелей.

Балалайка — начавшая паршиветь борзая или гончая; когда собака часто чешется, «бьет» себя лапой по ушам или боку, как бы играет на балалайке.

Баламут — бестолковая гончая, сбивающая с толку других собак. Голос такой гончей называется «аблай».

Барсучка — старинное название таксы, бытовавшее некоторое время в дореволюционной России (в основном в XIX столетии).

Башур — низкий (самый низкий), басовый голос гончей, приближающийся к октаве; свойственен выжлецам.

Бедноодетая — собака с плохим качеством шерстного покрова, особенно длинношерстная.

Бедноостная — собака с плохо развитым, слабым, изнеженным костяком, узкотелая, на тонких ногах; для охотничьих пород считается серьезным дефектом, так как значительно снижает работоспособность собаки.

Беличий хвост — изогнутый, заваленный на спину хвост у норных терьеров, что является пороком.

Белковая — лайка, специализирующаяся в работе по белке.

Бельтон — окрас английского сеттера: по белому фону черный крап (блю), лимонный (лемон), рыжевато-оранжевый (оранж) или коричневый (ливер).

Беречь поле (устар.) — ожидать со сворой борзых на лазу под островом зверя, выгоняемого оттуда гончими.

Берложница — лайка, умеющая найти берлогу медведя.

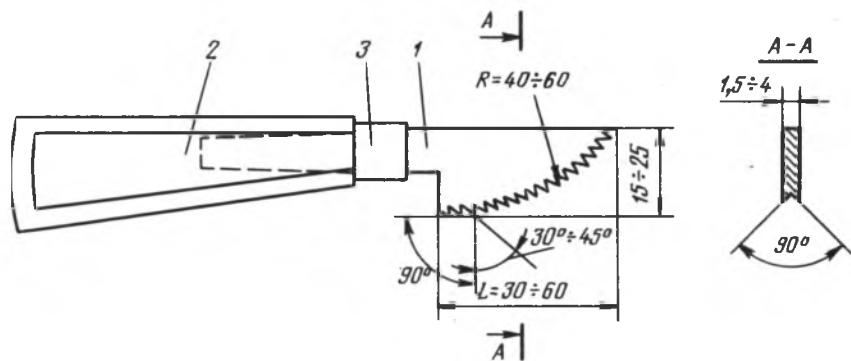
Берложный диплом — полевой диплом, подтверждающий умение лайки отыскивать берлогу медведя.

Берущая — собака, способная взять зверя мертвый хваткой; обычно говорится о норных собаках.

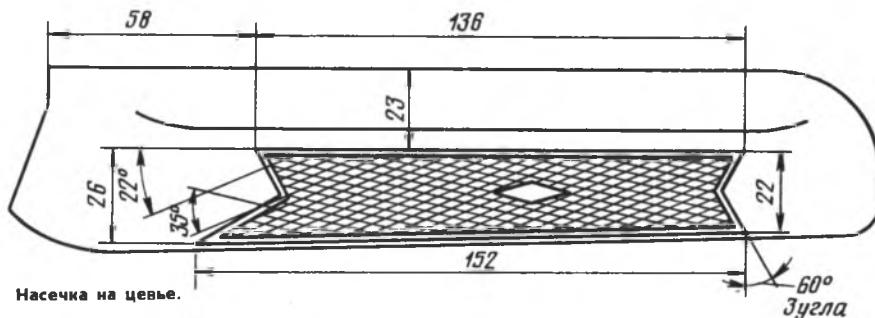
М. МУРОМЦЕВА

НАСЕЧКА НА ПРИКЛАДЕ

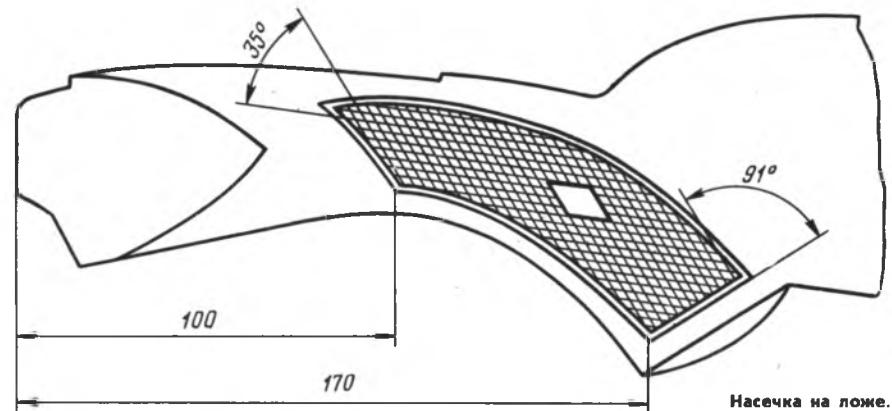
Л. МИХАЙЛОВА, В. ЛЯЛИН
Тульский оружейный завод

Машинка для нарезки сетки ложи и цевья: 1 — лезвие, 2 — ручка, 3 — втулка.

Насечка на цевье.

При самостоятельном изготовлении ложи или цевья перед охотником часто встает вопрос, как самому сделать насечку на этих деталях. Надо отметить, что в научно-популярной и технической литературе этот вопрос освещен недостаточно. В практических советах охотникам этот пробел, как правило, также не заполнен.

Охотники знают, какое влияние на

хороший исход стрельбы оказывают правильные размеры и формы ложи. Ложа играет важную роль в прикладистости ружья, меткости выстрела. Изготовленные из хорошей древесины, с правильной структурой, хорошо выявленной текстурой, украшенные чисто вырезанной насечкой, ложа и цевье придают ружью красивый внешний вид. Нанесенная на наружную поверхность

деревянных деталей насечка, кроме того, выполняет и другую функцию — уменьшает скольжение рук, помогает охотнику прочно удерживать ружье.

В условиях промышленного производства насечку на ложах ружей часто получают штамповкой, горячим тиснением, с помощью механических фрез, а также нарезкой вручную с использованием ручных режущих инструментов.

При изготовлении лож своими руками, в домашних условиях, наиболее приемлемым оказывается выполнение насечки вручную. Такой же метод применим и при восстановлении старой сетки. Сделать насечку вручную можно, используя простейшие режущие инструменты. Стандартного инструмента для выполнения этой операции нет. Рабочий, как правило, сам подбирает себе инструмент, исходя из своего личного опыта работы, навыков.

Свой метод выполнения насечки на ложе изложил тов. А. Арапов («Охота и охотничье хозяйство», № 10, 1985 г.). Автор предложил использовать несложные в изготовлении резцы, но, на наш взгляд, выполнение насечки предложенным методом требует не только применения лекал, металлических линейек, шаблонов, специального расчерчивания сетки, но и хороших навыков в этой работе. Обеспечить параллельность бороздок, а значит и качество сетки, применяя такие резцы, сложно.

Мы предлагаем использовать для выполнения высококачественной насечки другое приспособление — машинку, лезвие которой имеет два параллельных ряда резцов (см. рис.)

Лезвие машинки изготавливается из стали. Длина заготовки равна 30—60 мм без учета хвостовика для ручки. Ручка длиной 80—100 мм насаживается на хвостовик и выполняется из древесины или пласти массы. Для более надежного закрепления лезвия и ручки можно использовать втулку. Радиус скругления лезвия зависит от конфигурации нарезаемой детали. Закаливать лезвие нет необходимости, так как одной заточки достаточно для выполнения нарезки на 2—3 ложах.

Принцип работы с такой машинкой прост. Машинка берется в руку как карандаш и поступательными движениями прорезается двойная канавка. Получается такая канавка за один проход машинки за счет того, что лезвие выполнено с двумя рядами зубцов. Затем переставляем правую вершину зубьев в левую канавку, которая служит направляющей для следующей канавки, и прорезаем новую бороздку и так далее.

Для приобретения навыка такой работы можно прорезать сначала до половины глубины канавки, воспользовавшись любым куском дерева, а затем научиться нарезать канавки на полную глубину.

Нарезав таким образом параллельные ряды канавок, переходим к следующей операции — нарезанию бороз-

док под углом к ранее нарезанным. Выполняя эту операцию, необходимо соблюдать осторожность, чтобы не получить сколов зубцов сетки. Этой же машинкой нарезается и наружный контур рисунка.

Далее остается расчистить нарезанную сетку до получения желаемой глубины нарезки. Во время нарезки особенно тщательно необходимо следить за вертикальным положением плоскости лезвия машинки.

Предложенная конструкция машинки позволяет нарезать бороздки различ-

ной длины и конфигурации, меняя только угол наклона лезвия к горизонтам. Чем тоньше лезвие машинки, тем мельче, а значит, и красивее получается сетка. Перед тем, как приступить к нарезанию сетки, необходимо разметить ее контур. Примерные схемы нарезания сетки на щечке цевья и ложе представлены на рисунках.

При восстановлении старой сетки ружей необходимо очень точно замерить шаг сетки, ибо при шаге 1 мм ошибка на 0,05 мм через 10 бороздок даст сбой на 0,5 мм.

Нарезанную на деталях сетку нужно очистить от пыли, выкрошившихся древесных волокон и прочистить, например, зубной щеткой с жесткой щетиной, нанести слой машинного масла и после его высыхания — 1—2 слоя олифы. Если общий тон деревянной детали более темный, перед отделкой можно подкрасить сетку раствором красителя для древесины или спиртовой морилкой. Чтобы обеспечить ровную окраску, необходимо сначала смачивать поверхности сетки теплой водой, иначе окраска будет неровной.

КАК ПРАВИЛЬНО СНАРЯДИТЬ ПУЛЕВОЙ ПАТРОН

А. СОКОЛОВ

Прежде чем начать снаряжать пулевые патроны для своего гладкоствольного ружья, необходимо решить вопрос, на каких видах охоты вы будете его использовать. Для отстрела крупных и опасных животных необходима тяжелая пуля (для 12-го калибра порядка 37 г), имеющая возможность легко деформироваться, а еще лучше и распадаться на отдельные части для улучшения убойного и останавливающего действия. Конечно, если вы отличный стрелок и в состоянии в считанные секунды послать пулю в убойное место зверя в зарослях или мгновенно мелькнувшего на лесной дороге, то можно применять и довольно легкую пулю. Однако на практике это случается редко. Поэтому патрон должен быть достаточно мощным и остановить зверя при попадании пули в менее уязвимые места.

При стрельбе по не очень крупным животным достаточно использовать менее тяжелые пули (например, в 12-м калибре — 26—28 г), которые при попадании могут практически почти не деформироваться и не разрушаться.

Конструкция тяжелой пули экспансивного действия предполагает обычно наличие длинного стабилизирующего хвостовика (двойной войлочный пыж или длинный полиэтиленовый стабилизатор), несквозных надрезов с полостью внутри при изготовлении ее из более прочных материалов (латунь, мягкая сталь). Кроме того, пуля может иметь из прочного материала расклинивающие вставки в вершине головки, способствующие деформации и разрушению пули. Некоторые конструкции пули имеют просто углубление в головной части.

Легкие пули обычно выполняются сплошными или с полостью как со стороны хвостовика, так и со стороны вершины.

После того, как охотник выбрал себе требуемую конструкцию пули и снаряжал ими патроны, применив различные

способы заряжания и навески пороха, необходимо эти патроны опробовать стрельбой из того ружья, с которым придется охотиться, а также при тех температурных условиях, при которых предполагается охота. После стрельбы по мишени охотнику следует выбрать наилучший вариант по кучности и резкости боя, снаряжив в дальнейшем нужное количество патронов для охоты.

Что же следует учитывать при снаряжении качественных пулевых патронов? Вначале отобрать выбранный тип пули по наружному осмотру, отбраковывая все пули с видимыми недостатками (перекошенные пыжи, свернутый на сторону стабилизатор или прикрепленный к головке шурп, помятости и заусенцы на корпусе пули и прочее). Затем сделать промеры головки пули между направляющими выступами или ведущими поясками, а если они отсутствуют, то самого корпуса пули, на предмет определения зазора между корпусом пули и максимальным чоковым сужением стволов вашего ружья. Разница в диаметрах максимального чока и корпуса пули должна быть не менее 0,7 мм.

Затем следует отобрать новые гильзы, обратив особое внимание на качество выступающей закраинки (планки). Иногда попадаются гильзы, у которых закраинка мало выражена и при помещении ее в патронник она может настолько углубиться, что увеличивающийся при этом зазор между зеркалом затвора и донышком гильзы, а значит и капсюлем, приведет к осечкам или затяжному выстрелу.

Капсюли и порох следует брать одних партий и именно тех, которыми проводился экспериментальный отстрел. Для зимних охот лучше брать капсюль «Жевело-мощный», так как он способствует более быстрому горению пороха. Для осенних охот можно использовать любой капсюль. Посадка

капсюля в гильзу должна быть либо заподлицо с донышком, либо на глубину не более 0,2 мм. Недопустимо, чтобы капсюль выступал над дном гильзы. Выбранный заряд пороха должен обязательно отвшиваться с точностью как можно более высокой и в соответствии с рекомендациями для выбранного типа пороха. От этого зависит кучность боя и точность стрельбы. Затем на порох кладется либо прокладка из плотного картона толщиной не менее 3 мм, либо полиэтиленовый обтюратор или пыж «юбочкой» в сторону пороха. Самый лучший, конечно, вариант, когда пуля имеет стабилизатор, включающий в себя вместе с пыжами либо картонную прокладку, либо полиэтиленовый пыж-обтюратор с юбочкой. Такая пуля непосредственно досыдается на порох и обладает лучшей кучностью боя. Здесь следует обратить внимание на то, что если пуля не имеет в своей конструкции амортизирующих пыжей, то ее следует снаряжать обязательно с размещением пыжа между пороховой прокладкой и пулей. Такую рекомендацию можно отнести, например, к пуле «Вятка».

При дальнейшей сборке пулевого патрона следует обратить внимание на глубокую прямую завальцовку краев гильзы, которая способствует более полному горению пороха, особенно при минусовых температурах.

Охотник должен знать, что полное горение пороха, помимо увеличения начальной скорости пули, приводит к уменьшению дульного давления, а значит повышается кучность стрельбы и точность попадания. И еще один совет: не снаряжайте пулевых патронов с выступающими из гильзы пулями для самозарядных ружей. Это может привести к инерционному наколу носиком пули капсюля впереди располагающейся патрона в трубчатом подствольном магазине (ружья типа МЦ21).

ФИЛИГРАННАЯ НАСЕЧКА

В. ГАЛАНОВ,
гравер-художник первого класса
Ижевский механический завод

В государственной Оружейной палате Московского Кремля хранятся уникальные произведения декоративно-прикладного искусства. Это изделия мастеров XVI—XIX веков, на которых преобладает насечка. Вот огнестрельное оружие. По вороненому полю ствола золотая нить заплетается в гирлянду из листочков и цветов, а в них вплетено какое-то фантастическое животное, старославянская вязь. Трудно поверить, что это все выполнено руками, соткано из тончайшей золотой нити — чуть толще волоска и так аккуратно прикреплено к поверхности, что даже такая тонкая нить смотрится на изделии изящным рельефом.

Какое нужно было терпение, умение, чувство металла и инструмента, чтобы тончайшую проволочку мягкого золота не раздавить стальным инструментом при выsekании его в металл, не испортить почти готовую вещь — результат огромного кропотливого труда. Такая насечка по металлу — малораспространенный и почти забытый метод художественной обработки. Владеют секретом насечки в настоящее время единицы.

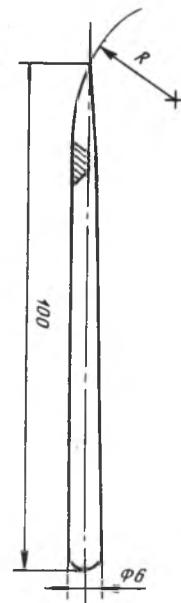
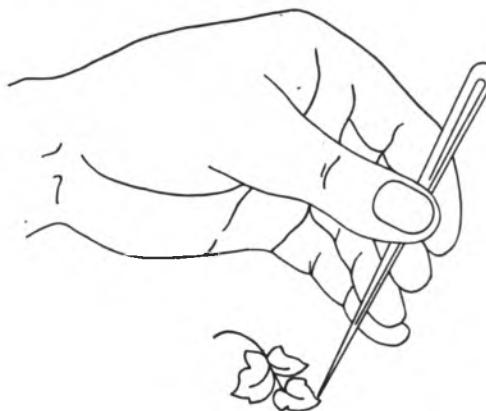
Чтобы восстановить и развить этот вид художественной насечки, я предлагаю более производительный и легко осваиваемый метод — филигранную насечку (защищено авторским свидетельством № 1050917), которая хорошо смотрится на зеркально полированной, засиненной поверхности изделия из стали.

На чистую, отполированную поверхность изделия из стали наносится тонкий слой клеевых белил. Твердым, остро отточенным карандашом с эскиза переносится рисунок или узор на изделие. Затем рисунок осторожно обкалывается по контуру легкими ударами граверного молотка по кернер-игле (рис. 1), при этом кернер должен передвигаться плавным равномерным движением руки, чтобы промежутки между наколками получались одинаковыми. Чем остree кернер-игла и мельче точки, тем изящнее будет филигранная насечка. Когда весь контур рисунка будет обколот, краска смывается, изделие просушивается.

Перед вами чистое, без следов грязи, жира и краски изделие, с нежным контурным рисунком. Постарайтесь эту чистоту сохранить до окончания всей работы, т. к. масляная грязь, заполняя мелкие лунки насечки, ухудшает сцепление золотой нити с изделием.

Теперь берете в руки острое, трехгренное, плугообразное зубильце (рис. 2) с отполированными до зеркального блеска остро отточенными гранями, ставите под углом к насекаемой поверхности и легкими ударами

Обкалывание рисунка кернером-иглой.

Трехгранный плугообразный игла-зубильце.

Филигранная насечка на верхней части колодки ружья и на прицельной планке.

Фото В. Широбокова

молоточка по зубильцу наносите по рисунку на изделии мелкую, острую насечку. Насечка осуществляется в прямом и обратном направлении, т. е. каждую лунку насекают дважды. Это делается для более прочного сцепления золотой нити орнамента с поверхностью металла и для получения эффекта зернистости витой проволоки. На вид насеченная поверхность должна быть темной, зернистой, без «лысин». Поверхность под насечку готова. Теперь готовятся детали орнамента. Из отожженной проволочки выгибается узор по контуру насеченной поверхности. Можно воспользоваться приемами, применяемыми при изготовлении элементов филигрина.

Свityй из проволоки узор вновь отжигают и накладывают на насечную поверхность эбонитовой палочкой-чеканом, аккуратно прижимают его к насеченной поверхности усилием руки, следя за тем, чтобы узор не выходил за границы насечки, подправляют детали орнамента. Эбонитовый чекан не разбивает золотую, мягкую нить, а только закрепляет узор на насеченной поверхности. Острые заусенцы врезаются в проволочку, немного загибаясь в крючок, как сапожные гвозди, тем самым прочно удерживают ее. В промежутки между заусенцами, в образовавшиеся от острия плугообразного трехгранных зубила лунки с поднутрениями, затекает золотая нить. Таким

Филигранная насечка на нижней части колодки ружья.

Фото В. Широбокова

образом, на заусенцах нить возвышается, а в лунке утопает, заполняя поднутрения, что также способствует прочному скреплению золотого узора с металлом изделия. В результате такой обработки достигается эффект зернистой, как бы витой проволочки, а выполненный рисунок имитирует филигрань. Для получения насечки используют очень тонкую металлическую нить из серебра, золота и других

пластичных металлов толщиной 0,14...0,09 мм и тоньше. Чем тоньше золотая нить, чем нежнее и острее насечка, тем изящнее будет выглядеть работа. Плохое сцепление металла с изделием может быть по следующим причинам: тупой инструмент не образует острых заусенец — не режет, а мнет, засорились насечные лунки.

Чтобы этого не произошло, необходимо следить за остротой инструмента,

за чистотой изделия. Подготовленную поверхность под филигранную насечку старайтесь руками не трогать. И еще одно требование к филигранной насечке — для того, чтобы насекаемый металл хорошо затекал в лунки и прокаливался заусенцами, он должен быть мягче, эластичнее материала изделия, на которое насекается узор.

Филигранная насечка окончена. Осталось изделие посинить или покраснеть (заоксидировать), либо произвести цветную калку, а где нужно, согласно замыслу художника, добиться блеска с помощью карандаша-полировальника.

Набор инструментов для филигранной насечки небольшой: легкий граверный молоточек с широкой шляпкой, фильтры для волочения проволоки нужного размера, кернер, трехгренное зубильце и чекан.

Трехгренное зубильце и кернер приходится изготавливать самому из сплавов Р18: сверла, развертки диаметром от 3 до 6 мм и длиной до 100 мм. При этом необходимо следить за тем, чтобы изготавливаемый инструмент не нагревался и не изменял первоначальной твердости. Чекан — для набивания на насеченную поверхность золотого узора лучше всего изготовить из эбонита. Он представляет собой круглую или прямоугольную палочку длиной 100—110 мм. Площадь поперечного сечения 1—1,5 см².

ПРИМЕНЕНИЕ СЛУЖЕБНОГО ОРУЖИЯ

В редакцию нашего журнала из Заволжского района Ивановской области обратились В. И. Тепляков и его товарищи с просьбой разъяснить, можно ли охотиться со служебным охотничьим огнестрельным оружием, выданным работникам лесной охраны. Работники милиции района, говорится в письме, запрещают это делать. Правы ли работники милиции?

Отвечает старший советник юстиции Н. П. Астафьев.

Типовыми правилами охоты в Российской Федерации запрещается использование на охоте не зарегистрированного в органах милиции охотничьего оружия (ст. 22.4).

Служебное огнестрельное оружие, которое выдается работникам лесной охраны, регистрируется в милиции, его владелец получает

сроком на три года индивидуальное разрешение на право ношения. Но в разрешении, в соответствии с действующей с 1 марта 1988 года Инструкцией МВД, регламентирующей вопросы, связанные с огнестрельным оружием, должен прописываться штамп «действительно при исполнении служебных обязанностей».

Какой вывод можно сделать из приведенных нормативных актов?

Жизнь многообразна. Все ее случаи предусмотреть в правилах и инструкциях невозможно. Возьмем такой пример. Лесник по служебным делам находится в своем обходе со служебным оружием. У него с собой имеется охотничий билет и путевка на право отстрела дичи. Может ли он из служебного оружия отстрелять дичь? Конечно может. Не брать же ему с собой в лес два ружья:

служебное и личное. Однако в запретное для охоты время он может иметь при себе только служебное оружие, так как личное оружие, вписанное в охотничий билет, может использоваться только для охоты в открытое для нее время.

Использовать служебное оружие только для целей охоты, исходя из требований Инструкции, не разрешается.

Например, со служебным оружием лесник находится на охоте на уток далеко от своего обхода. Это будет считаться нарушением правил использования служебного огнестрельного оружия и повлечь изъятие разрешения на право его ношения.

Примечание. В настоящее время завершается процесс принятия нового нормативного акта, регламентирующего вопросы, связанные с огнестрельным оружием. Когда он будет принят, редакция познакомит с ним читателей в части, касающейся вопросов охотничьего огнестрельного оружия.

УБИТЬ ДИКОГО ГУСЯ НЕТРУДНО...

И. АЛЕХИН

Кубань, юг России. Конец октября. В полях затихают последние звуки страды. Одиночные трактора допахивают квадраты чернозема, кое-где убирают последнюю сахарную свеклу. В садах первые желтые листья падают на черноту вспаханных междуурядий, на забытые серые ящики.

Акации в лесополосах, как золотые замершие взрывы. Балки с порыжевшим камышом, словно лисьи шкуры, вьются среди черных пашен и блеклых люцерновых полей. Зелень озимых по утрам пушится светло-лиловым инем. Скирды соломы теплой желтизной прилипли к окраинам полей. Охотнику в это время делать здесь особо нечего — до начала заячьей охоты еще месяц, приличные вальдшнейевые высыпки канули в Лету, а местных уток разогнали по заказникам и воспроизводственным участкам. Так что же с того! Самое время ехать теперь в плавни — за дикими гусями! Ибо первые их караваны уже проплыли над кубанскими полями, осыпая сверху землю пронзительными криками.

Азовские плавни, как ни старается уничтожить их человек, все еще богаты самой разнообразной дичью и рыбой; если только не сравнивать настоящее и прошлое, конечно. Все еще велики...

Охотники центральной части Кубани ездят чаще всего в огромный массив Ахтарско-Гривенских лиманов, названия которых, как и названия казачьих хуторов и станиц, разбросанных среди этого разолья, звучны, колоритны и точны: Комковатый, Скелеватый, Бурлуцкий, Рясной, Бойкивский, Ханский, Жостероватый, Пальчикиевский... На любой вкус — мелкие и глубокие, соленые и пресные, широкие и узкие, открытые и заросшие сплошь тростником. С сотнями затерянных плесов, безымянных зеркалец воды, потаенных кабаньих троп и гибельных трясин.

У каждого охотника есть «свои» места в плавнях — и далеко не каждый расскажет вам о них. «Где были?» — «В плавнях...» — «Ну, а куда ездили?» — «В плавни...». Дело в том, что хороших мест с хорошим подъездом

мало — это охотничья аксиома. Если у вас «УАЗ» или «Нива», проблем меньше. Если же в вашем распоряжении обычая «заднеприводная» — тогда, чтобы всерьез рассчитывать на успех, необходимо приобрести хорошую лодку. В этом случае час-полтора гребли могут избавить вас от необходимости орать в темноте: «Острожней по чучелам!» или, еще хуже, видеть, как отворачивает гусиный косяк, едва успевший дать полукруга над плесом и обстрелянный с 70 метров прикурком, который на ваш вежливый вопрос: «Ну и куда ты стрелял, бестолочь, так далеко?» ответит: «А може в мэнз зауэр!..».

А впрочем, поздней осенью охотников в плавнях не так много...

Итак — пора. В пятницу выезд.

Накануне вечером просматриваю патроны. Выпросив у жены маникюрный лак, кисточкой обвожу по краям «жевело» на каждом патроне с «ноловкой»: быстро, предохраняет от сырости, красиво, и в патронташе «гусиные» патроны сразу заметны — не люблю втыкать патроны шляпкой вниз. Достаю ружье, бессменное ИЖ-12 рядового разбора с ложей из букса. За двадцать лет была всего одна осечка, — может, «жевело» попался с толстым донцем, — но я все же заменил боевую пружину, поставив с курковой одностволки, хотя и была новая пружина и толще и длиннее «родной». И пока — все, без замечаний. Стволы — зеркало, даже намека нет на шат, ложа в порядке, не ружье — надежный товарищ.

Ко мне подходят дети. Шестилетнюю Настю интересует, почему я красил капюшон маминым лаком. «Ну, дочка, это чтобы...» — начинаю я, но Костя, который на год младше сестры, перебивает меня: «Ты чё-ё, На-астенька, папа кабанов будет стрелять такими красными патронами!». И в подтверждение своих слов он тычет пальцем в пустую коробку из-под патронов, на которой коричневой краской нарисован дикий кабан. При этом сын так комично серьезен (чувствует мою поддержку), что я одобряюще улыбаюсь ему и гово-

рю: «Конечно, сына, и кабана мы тоже можем убить». «Вот видишь, Настенька-а», — говорит Костя и подвигается ближе ко мне, к столу, где разложено снаряжение. Да я и разложил-то его ради него, пользуясь случаем приобщить мальчугана к миру охоты.

— А бинокль можно взять? — спрашивает сын.

— Бинокль, бинокль... конечно, можно, малыш, ты же тоже охотник у меня? Вот вырастешь, все это будет твое... Нет, это сейчас твое, но тебе надо подрасти, ведь ружье большое и тяжелое и бинокль тяжелый, и патронташ, и сапоги...

— Да! Я вырасту большим! — говорит Костя, косясь на Настю. — И буду бахать. Ба-ах! Утку — ба-ах! Гуся — ба-ах!

Пять лет сыну будет через три месяца. Как объяснить ему, что охота — это не только «ба-ах»?

Дети уходят спать, а я сижу со своими мыслями: а что же в самом деле такое, эта Охота? Одно знаю — сохрани Бог объяснять это тем, кому не дано ее понять...

Двигатель завелся сразу. «Это первая хорошая примета», — суворово думаю я. Вторая — не возвращаться: выйдя из дома — в дом, выехав из гаража, — в гараж». Для этого нужно ничего не забыть. По переулку еду медленно, перебирая в уме все необходимое. Сначала — без чего охота моя не может состояться — ружье, патроны, лодка, билет с путевкой, сапоги. Потом — все остальное: маскировочные костюм и сеть, рюкзак с продуктами и бутылкой коньяка, спиннинг (вдруг будет брать щука), кусок кошмы (подстелить у костра), два плаща — для ночлега, теплая куртка и штаны... Ну, со второй приметой тоже обошлось.

Городок остался позади, замелькал степной кубанский пейзаж — поля, лесополосы, тополя вдоль дорог, редкие курганы с клоками терновника. Через полчаса подкатил к Тимашевску. Здесь — третья примета, ее многие знают: переход через железную дорогу. Если шлагбаум поднят — удача

очень возможна, опущен — возможна неудача. Ну а точнее кто скажет?..

Гусей у нас много, особенно на пролете поздней осенью, в плавнях Азова. И практически любой охотник может с успехом охотиться на этих птиц — надо только захотеть и сердечно отнести к достижению цели. Поездить, подумать, понаблюдать... Найти «свое» место среди огромных пространств тростникового моря, изрезанных во всех направлениях каналами и ериками. Все затраченное окупится впечатлениями от охоты, ведь дикий гусь — король водоплавающей дичи!

Как-то поздней осенью я сидел на поросшем травой земляном валу одного из каналов в районе Бурлукского лимана, в самом сердце легендарных Гриденских плавней, километрах в двадцати от моря. Вечерело. Когда солнце коснулось края необозримых тростников, с южной стороны, с полей, потянулись косяки гусей. Они шли гигантскими растянутыми линиями на высоте сто и более метров — расстоянии, которое я называю «дженетльменов с ружьями просят не беспокоиться». Но я и не помышлял о стрельбе. Своих шесть гусей, разрешенных к отстрелу, за три дня охоты, которые были у меня впереди, я мог без особого труда взять за полчаса на удачной зорьке. Я решил посчитать гусей. Пусть приблизительно. В среднем в косяке летело примерно сто пятьдесят гусей. Таких косяков за сорок минут в пределах видимости пролетело около семидесяти. Таким образом, в этом месте на морской отдых после ужина на полях последовали около десяти тысяч диких гусей.

Они летели на воду, смочить в зобах рисовые и пшеничные зерна. По пути из этих колеблющихся серых лиан отваливались пунктиры небольших косяков и, кувыркаясь с крыла на крыло, напоминавшая на таком расстоянии куликов, сваливались на затерянные в тростниках лиманы и пльесы. Основная же часть птиц, беспрерывно перекликаясь, пролетела и скрылась в вечерней дымке Азова. Утка тоже шла — большими, шипящими в воздухе стаями, но после гусей это как-то не впечатляло...

Так, вспоминая и вновь переживая минувшее, проехал Тимашевск. За городом есть известная всем развилка дорог. Перед открытием охоты на водоплавающих сотни легковых машин, едущих в плавни на этот ежегодный праздник охотничих сердец, приближаются к перекрестку и, притормозив, словно задумавшись, в какую сторону ехать, направляются — одни налево, на Славянск-на-Кубани, другие направо, на Приморско-Ахтарск.

Вскоре вдоль дороги потянулись каналы, поросшие мелким тростником, — предвестники недалеких плавней. Потом поля сменились рисовыми чеками с белесой стерней. Вон и утки — пара табунков кружит среди то вздымающихся, то опадающих темно-серых туч скворцов. Замечаю тройку гусей — спокойно машут крыльями вдали. «Здорово, серые!» — приветствую их и невольно прибавляю газу — предохотничья лихорадка поднимает в душе первую волну радостной дрожки.

И вот справа и слева от дороги появляются непаханые пространства земли, поросшие серо-коричневым разнотравьем, и среди них — бордовые пятна низкорослой травки с неизвестным мне названием, запах которой заставляет встрепенуться сердце. Тридцать лет назад я впервые вдохнул этот свежий кисловатый запах и навсегда запомнил его, заболев плавнями: тростниками грибами, ширью лиманов, простором осеннего неба... Теперь каждая охота здесь — прежде всего свидание с плавнями. И в последнее время я все чаще езжу один. Ведь если это свидание, так оно и должно быть... С другой стороны, все мои приятели и просто знакомые охотники разделились для меня на группы — по их отношению к охоте в плавнях. Первая группа — практические люди, которые категорично отвергают охоту в плавнях вообще, так как затраты на поездку (бак бензина плюс стоимость путевки в другой район, плюс потраченное время) не компенсируют разницу в добыче, если поехать на пару часов на какой-нибудь ставок недалеко от дома, ведь пять — десять уток можно настрем-

лять и там... Вторая группа — охотники, которые не прочь поехать и в плавни, но удовольствие их в большей степени зависит от количества сбитой птицы. Именно «сбитой». Вам знаком этот тип людей? И их рассказы об охоте: «Сбил восемнадцать (двадцать пять, тридцать), вывез только шесть (восемь, десять)?» Зна комы, конечно... А с виду вроде нормальные люди, вот что поражает.

Есть еще группа — с ними на охоте чувствуешь себя в роли егеря, ответственного за успех всего предприятия, и не дай Бог охота не задастся! Обратная дорога пройдет в молчании, унылом кручении ручки радиоприемника...

А я люблю дорогу, как поется в одной песенке, особенно дорогу на охоту, когда ты полон надежд, все еще впереди и ты не промазал в первого, так близко налетевшего серого гуся...

Но вот я подъезжаю. Дорога запетляла дальше, а мне влево, по двум не очень заметным колеям через прибрежный тростник, который стучит по корпусу машины, кивая светлыми мелкими кивами. Несколько минут — и по глазам ударяет бросившаяся вширь и вдалекь водная гладь лимана.

На знакомом месте никого пока нет. Неплохо. Через минуту на тяжелом мотоцикле подъезжает егерь. Он меня знает, еще в сентябре выдал мне сезонную путевку. Перебрасываемся обычными словами, пока я снимаю с багажника и собираю лодку. С лимана доносится гусиный гогот. Я показываю большим пальцем назад, через плечо, в ту сторону: «А?» «Чёрно! — кивает егерь. — Сунула сеть проверить, воны я заору — я назад зразу, хай сидят...» «Много?» — морщусь от неловкого вопроса. «С тыщу будз...»

Вечереет... Вокруг простор в серожелтых тонах осенних плавней, сероголубой воды, про: рачного неба. Пара узких лодок среди темно-зеленых глянцевых листьев кувшинок. Невысоко летят каравайки своим странным гипнотическим полетом: часто взмахивают черными крыльями и вдруг замирают, планируя, потом пикируют все разом

вниз и назад, делают круг в воздухе и продолжают полет как ни в чем не бывало в том же направлении, вытянув свои черные изогнутые клювы. Выше них проплывают две колпицы — белоснежные, с черными носами-веслами. Над самыми метелками тростников плывет вереница лебедей — шипящий свист оперения слышен за километр. Стая уток проходит вверху ежеминутно, с шипением и всхлопыванием крыльев. Это ныроковые и шилохвости. Кряковые летят, посвистывая пером, негромко покрякивая. Высокий, «реактивный» звук — стайка чирков крутнула вираж над головой, скрылась за тростниками и, словно пронзив заросли, возникла стремительной тучкой уже в стороне...

И вот небо сначала вдалеке, а потом ближе, явственнее заговорило на языке гусиных стай. Они летят гигантскими — в полнеба — плавно изогнутыми линиями, на сером вечернем небе словно карандашом кто-то начертил контуры горных вершин и целых хребтов. До чего величественное зрелище! Сколько раз вижу его... Жаль, нет знакомого фотомастера — сделать панорамный снимок! Моим «Зенитом» с обычным объективом вряд ли что получится. А всего-то: по серому небу летят дикие гуси...

Егеря не смотрят в небо — возится со своей лодкой. А я вижу — несколько гусиных табунов завалились на крыло и в крутом штопоре опускаются, мелькая белыми подкрыльями, на лиман. До них километр-полтора. Птицы кажутся маленькими отсюда, но я знаю — будь это утки, на таком расстоянии даже не увидел бы их.

— Еще в лиман попадали... — говорю я,чинчивая последний винт в лодке.

— Охота будт! — думая о своем, откликается егерь.

Из-за поворота показываются двое «Жигулей». На багажнике первой в тakt колдбинам кивает носом «Малютка-2» с белым корпусом. Эту лодку можно использовать с мотором. Вот и конкуренты... Пока прибывшие распаковываются, подъезжает «Запорожец» с самодельной алюминиевой лодкой наверху. Минут через пять — «четыре-ста восемь»... Я немного злюсь — довольно людно становится.

4

При охоте на утку часто так бывает, что чем больше людей участвует в ней, тем лучше — они не дают утке расстаться по «углам», охота получается и длиннее, и интереснее. Гусь — не утка, он осторожней, «строже» и большой пальбы не любит. Иногда один ненужный выстрел может испортить всю охоту.

Подходит бодрый старицок из «Запорожца». Здороваются. Глаза ласково-хитрые, немного насмешливые. Подходят и остальные. Сейчас будет разведка словом. Ну и проехали бы дальше, чего лезть друг на друга: Скелеватый с Комковатым тянутся ого-го кудах

«Ну, как тут дела?» — спрашивает

старичок и смотрит на меня весело и внимательно. Прилет гусей видел только я, и со смесью досады, ревности, даже жадности яожимаю плечами — какие, мол, тут могут быть дела! — слабая надежда, что вдруг они проедут дальше, еще тлеет в душе. «Гусь есть?» — громко продолжает старицок, закуривая и с прищуром оглядывая плавни. Ну и вопрос, чтобы тебя... Приехал на базар — спрашивай, а тут... Но молчать или врать глупо, и я неопределенно говорю:

— Летело много... — и машу рукой в сторону моря — туда, мол, полетели.

— Та то шо летели, то понятно... На лиман садились?

— Да вроде садились несколько... Но сколько ж дальше полетело, это ж ужас!

Хорошо хоть гуси сейчас не орут. Несколько... Подходит егерь, он торопится — надо до ночи домой успеть, в Приморско-Ахтарск. Деловито спрашивает:

— Билеты, путевочки...

Старицок, доставая документы и улыбаясь, обращается уже к нему:

— Ну а охота будет?

— На лимане гуся черно! Только, хлопцы, чур, — бросает егерь быстрый взгляд, — ночью не выпывать! Спугнете, и толком не постреляете... Я утром приеду — часов в девять...

Старицок, просияв, выпрямляется, как-то по-военному весело командует:

— Всё! Остаемся! Гуся полно!

А я вдруг успокаиваюсь. Даже посмеиваюсь над собой — «дальше пролетели...» Больше двух десятков гусей добыл в этом сезоне, а все туда же — «дальше пролетели...» Да не жадность это, большую часть дичи все равно раздашь знакомым, а так, вроде охотничьей ревности что ли...

Быстро темнеет, тянет ветерком. Возле камыша становится неуютно, зябко. Побродив вокруг, нахожу несколько обломков досок, какую-то корягу — для костра. Подхожу к камышу, захватив руками побольше сухих стеблей, крепко сжимаю их, чтобы не порезаться, а сапогом над самой землей несколько раз бью по стеблям. Перебив все, приношу пучок камыша и бросаю на землю. На него кладу мелко расколотую доску, потом остальные, поджигаю снизу. Скоро мой костер начинает постриливать трассирующимиискрами в беззвездное небо, и я приношу к огню рюкзак с продуктами. Есть мне не хочется и, подумав, достаю пару яблок, кусок хлеба и плавленый сырок. Затем бутылку коньяка и пачку дорогих хороших сигарет. Охота на гусей бывает не каждый день, и мой ритуал ее проведения включает и такие приятные вещи.

Ко мне присоединяется старицок — подошел «на огонек», представился Емельянычем. Наливаю стопки, щем за «утрянку», потом, после первых общих слов, за удачу вообще. Емельяныч, оказывается, часовий мастер, его будочка, как он говорит, стоит недалеко

от Краснодара на перекрестке основных охотничьих дорог и является своеобразной «диспетчерской» в охотничьей сфере.

«И я в курсе всех событий — всегда — торжествующе смотрит на меня Емельяныч. Глаза его блестят, движения стали быстрыми, ловкими, молодецкими. — Чуть кто где побывал — мимо меня не проедет! Я в Садках! Я в Лебедях! Я в Черноерковской — весело кричит он. Лихо выхватывает из кармана детскую бутылочку с делениями, закрытую резиновой пробкой: — А теперь моего! «Спирт?» — догадывается я. «Спирт», — сокрушенно соглашается часовщик. Я начинаю уговаривать Емельяныча не мешать спирт с коньяком, заранее приготовившись к упорному русскому диалогу «ты меня уважаешь» — «да я-то уважаю...», но часовщик легко соглашается и, посидев немного, уходит в темноту.

Я решо спать у костра, приношу ватник, кусок войлока и плащ из машины. Завернулся в войлок, как в бурку, сверху накинул плащ, ватник под голову. Засыпаю, успеваю заметить, что вызвиздило, вижу огромный Космос, миллионами бриллиантовых глаз смотрящий сверху на всех нас — бодрствующих, засыпающих и спящих... Замечаю «своих» счастливое охотничье созвездие — Орион. Он тоже смотрит на меня широко расставленными глазами, и я вижу, как одна звезда, закрытая на мгновение крылом пролетевшей птицы, словно подмигивает мне. Рядом вздыхают лиманы, шепчутся тростники, вскрикивают птицы, всплескивает неведомая рыба. Недалеко, возле тростниковых грив, кто-то невидимый прислоняет крутящийся наклад к фарфоровой тарелке — и уже почти во власти сна я узнаю этот звук: это визжат дикие свиньи на взрытых чутыстыми рыхлыми полянах среди тростников...

Просыпаюсь словно от толчка. Кругом ночь, тишина — только ветер пошумливает метелками зарослей. Чиркаю спичку — три часа, с удовлетворением отмечаю, что «внутренний» будильник сработал четко. На небе звезд почти нет, ветер явно усилился, и возле давно погасшего костра неуютно пахнет холодной золой. Оглядываю стоящие поодаль машины — никакого движения, только в одной сквозь запотевшее стекло виден огонек, на верное, горит свечка для обогрева.

Бесшумно поднимаюсь, беру ружье и патроны, бесшумно прохожу мимо машин в воде. Здесь небольшой заливчик, берег довольно крут, и какое бы волнение ни было в лимане, возле приткнувшихся к засохшей прибрежной траве лодок всегда тихо. Сталкиваю дюраньку одной рукой. Лодка с легким шорохом, оставив у воды конус черного ила, скользнула в лиман. Тёперь надо по возможности бесшумно сесть в неё и отчалить. В лодке все сложено с вечера. В носу лежит скомканный плащ — кладу на него чехол с ружьем. Ящик с патронами ставлю на дёр-

вянную решетку на дно лодки. Весла воткнуты рядом по обе стороны от бортов. Усаживаюсь поудобнее, берусь руками за из резиновые рукоятки, чуть раскачав, вытаскиваю лопасти из вязкого дна лимана и, наклонившись вперед, уперевшись веслами в хрустнувший травинками ночной берег, с силой толкаю его от себя. От этого толчка легкая лодка проходит 15—20 метров по темной воде заливчика, а я в это время на ощупь вставляю весла в уключины. Кажется, никого не разбудил. Так спокойнее. Не люблю гонок на охоте. Теперь меня беспокоит только «Малютка» с мотором, но если в течение сорока минут она не запоет по моим следам, для беспокойства нет причин. Остальные далеко не заберутся. Дело в том, что, хотя лиман огромен, гуси на нормальной высоте будут лететь лишь в определенных местах, и лучше занять одно из них без суеты и спешки.

Я плыву по длинному проходу в камышах почти без всплеска. Иногда то справа, то слева за стеной зарослей оглушительно взрываются утки, истерично крякая. Невидимый селезень жужкает над головой. Впереди с пулеметным хлопаньем крыльев удирают лысухи. Возле носа лодки на воде то и дело возникают волны от уходящей рыбы, раздаются приглушенные всплески. Здесь мелко, много подводных трав, в которых путаются весла. Когда туннель в ночных плавнях суживается и концы весел, звонко дребезжа по стеблям растений, начинают задевать за его стены, я вынимают весла из уключин, перехватываю их посередине и толкаюсь, стараясь не всаживать глубоко в топкое лиманное дно, вдоль обоих бортов. А сам все слушаю — не донесется ли сзади вой лодочного мотора... Нет, пока тихо. Только гомонят гуси на лимане. Теперь они ближе, и я различаю, что голоса птиц разносятся из разных мест. Весь теперь уже близкий лиман переговаривается множеством гусиных глоток. Словно стараясь перекричать их, орут на открытой воде утки. Вся эта машина звуков надвигается на меня с каждым толчком весел, и я выбрасываю вперед руки, скимающие холодный дюраль, и толкаю без передышки шуршащую по ковру водяных растений лодку вперед.

И вот коридор в зарослях кончается. Мне в лицо дышит ночным ветром открытое пространство лимана. Впереди огромная площадь воды. Тростники убегают в стороны, теряются во тьме. Мне плыть теперь километра полтора по открытой воде, через весь лиман, но я медлю. Слева небольшой тростниковый мыс, и я слышу по голосам, что сразу за ним сидит гусиный табун. Лодка поплавком закачалась, прижимаемая волнами к стене зарослей. Я вставляю весла в уключины. Металл громко звякает, но гуси рядом продолжают гадеть как ни в чем не бывало. «Пожалуй, ветерок не слабый,— думаю я.— На середине, наверное, вообще — как в «трубу». Собирая ружье, вспоми-

наю паспортные данные лодки: «эксплуатация разрешается при высоте волны до 20 см». Ну, будем надеяться, сегодня не больше. По небу быстро бегут рваные черные тучи, но в сероватых разрывах кое-где проблескивают звезды. Гуси орут рядом. Можно резко выплыть за мыс и ахнуть дуплетом по сидящей стае, лишь только увидишь на воде тесную массу табуна. Я мог это сделать... несколько лет назад, когда охотничий азарт пересиливал в такие моменты остальные чувства. А теперь... Немного удовольствия выпалить по еда различным птицам в полуслоне метров! Да и нечестно по отношению к тем, кто еще на берегу. Выстрели взорвут весь лиман, и большая часть осторожной птицы уйдет в темноте. Я выплыл раньше всех совсем не для этого.

Осторожно кладу заряженное ружье в нос лодки, щелкнув предохранителем. Потом достаю из пачки сигарету и закуриваю... Есть в этом пятиминутном отдыхе в качающейся на краю ночного лимана лодке что-то необычайно прекрасное, какое-то самоутверждение, охотники должны понять. Во всяком случае, мне кажется, что сидящие недалеко от меня серые птицы, которых я не стал стрелять ночью, каким-то образом понимают это.

Я берусь за весла и, развернув свою «складную охотничью гребную», выхожу в лиман. Взял правее, может, удастся не подшуметь этот ближний табун. Пусть это сделают те, кто поплынут следом. Тогда гуси могут налететь на меня — если к тому времени успею добраться до меляков в конце лимана, над которыми многие стаи считают своим долгом пролететь, снизившись до расстояния выстрела. Ровно и сильно гребу против ветра. Качает порядочно. Иногда, разбив гребень волны, нос лодки выбивает сноп брызг, и они попадают в нее. Накрываю ружье краем плаща. Гуси так и не взлетели и теперь кричат сзади. А впереди птичий гвалт усилился, отмечая приближение рассвета, хотя все еще полночному темно на лимане. Рядом с неожиданным плеском из воды выпрыгивают какие-то рыбы: мелькнув в ночи серебристо-белой сигарой, плюхаются в воду. Толстолобик или белый амур — прыгуны известные. Это они от неожиданности.

Гребу уже с полчаса. Гуси и утки кричат теперь со всех сторон. Несколько гусиных стаи взлетело по краям лимана, смутно видимые силуэты замахали крыльями и потянули колеблющимися линиями в сторону моих меляков. Эх, не успеть! А впрочем, еще ведь совсем темно... Или посветлело? Оглядываюсь. Нет-нет, темно, просто, наверно, глаза привыкли к темноте.

На моем пути начинают попадаться среди чистой воды редкие пучки камыша. Проходя сквозь них, лодка тихо шуршит бортами о мягкие стебли. Здесь мелко, скоро отмели. Неожи-

данно лодка моя мягко наезжает на какое-то препятствие. Я не успеваю подумать, что это отмель (вроде рано ей быть), как вдруг мощный толчок слева в днище лодки едва не переворачивает ее. Качнувшись, выпускаю из правой руки весло и инстинктивно пытаюсь ею опереться о воду за бортом. Холодная вода метнулась в руки. Лодка качается на волнах, поднявших подводным чудищем! Успеваю увидеть водяные валы слева и справа от темной торпеды, уходящей в темноту ночи... Сердце постепенно возвращается на свое место, и я перевожу дух. Достаю сигарету, вытерев мокрые пальцы о куртку. «Сом, наверное... — съятно думаю о рыбе, — конечно, сом, кому еще...» И в это время далеко позади, вырвавшись из камышового пленя, запевает лодочный мотор. До меляков осталось метров двести, можно не спешить. На «Малютке», кажется, «Салют», пассажиров не менее двух, против ветра они будут здесь нескоро, через полчаса, не раньше.

Окруок мелькнул светляком в темноте, и я снова отталкиваю легкими веслами прозрачную воду. Редкие узкие листья рогоза шуршат, проплывая рядом, по моей куртке. Когда кусты камыша становятся гуще, разворачиваю лодку и плыву лицом вперед, уклоняясь от них, и скоро нахожу свои меляки. Лодка замерла, уткнувшись в небольшой, два на три метра, островок, поросший рогозом. Перебрасываю ногу через борт, подтягиваю на веслах, уперев их в дно, — и через мгновение оказываюсь на суше. Под ногами хрустят ракушки, сапоги вязнут по щиколотку, но не сразу, а постепенно. Постоишь минуту, и вытащить ногу уже проблема. Довольно коварная поверхность, поэтому я нарезаю ножом охапку стеблей подальше от места, где буду стоять, приношу и бросаю себе под ноги. Потом затакиваю лодку — рядом с собой. Она развалила камыш и лежит темнеющей тушей. Набрасываю поверх лодки маскировочную сеть.

Звук лодочного мотора гораздо ближе. Мне хорошо слышно, как по ходу лодки по лиману передвигается вал птичьего переполоха. Стai уток взлетают со сливающимся плеском, словно в воду бросили горсть дроби. Гуси — с грохочущим шумом, беспрерывно гогоча. На чуть посветлевшем небе уже можно рассмотреть проносящихся уток. Крылья свистят рядом со мной, но я только провожаю уток глазами. Первый выстрел только по гусям! Верчу головой — вот сейчас, сейчас... Этот предрассветный миг, кажется, решает все: пока не полностью рассвело и птицы носятся над водой, не разобрав, откуда исходит опасность, надо сделать несколько удачных выстрелов, а потом уже спокойно стоять зорю, оглядывая рождающийся в плавнях день и без ревности слушая выстрелы соседей. Но близко от моего островка гуси пока не пролетали. «Ничего, ничего», — шепчу я, озираясь

по сторонам.

Вдруг — «ка-а-га-га» — рядом. Задираю голову и в полумраке неба вижу силуэты гусей, они летят фронтом, метрах в тридцати. Целюсь как-то неуверенно — рановато еще, да и те, на моторе, еще не стали, — и опускаю ружье. Миг упущен, гуси пролетели. Но я не жалею — знаю, будут еще. Звук лодочного мотора меняется и через некоторое время обрывается. Доносятся стук шеста и разговор. До соседей метров 150, это меня устраивает.

Снова близкое «ка-а-га-га». Где они, где же?.. Вот! Налетают справа-сзади, уже почти над головой. Вскидываю ружье и сразу стреляю дуплетом по передним птицам. В глазах — ожида-

чувствую легкую дрожь. Над лиманом карусель утиных и гусиных стай. Обвалом где-то срывается стая лысух. Опять налетают, крича, гуси — еще ниже и прямо передо мной. Стрелять удобно, и я бью дуплетом по машущей крыльями стае. Снова промах! «Идиот, — шепчу я, перезаряжая ружье. — Что же ты делаешь, придурок?..» Руки чуть дрожат — и хорошо: когда они перестанут дрожать, не буду ездить на гусей. Но что за промахи, боже! Ну все, теперь спокойно, спокойно... Соседи не стреляли пока — вся птица от них разлетелась. Но скоро станут налетать и на них.

Посветлело, и мне хорошо видно наплывающую тройку гусей справа, со стороны соседей. Те молчат, а я,

стив крыло и болтая шеей. Тут же долетает звук выстрела. Ого, ловко, так далеко — и наповал! «Смотри, болван, как надо», — это уже сам себе, с горечью.

Полностью рассвело, но солнце скрыто серой дымкой. Справа два выстрела. От летящей стаи отделяется гусь и, треугольником выставив крыло, отвесно падает. «Далеко достает, черт...» Справа еще летит стая, растянувшись в линию. «Сейчас они вам врежут». Да ведь это они мне лиман перекрыли! Гусь-то идет оттуда... «Вот черт бы их взял», — начинаю я нервничать. Но стая вдруг берет в сторону, сделав небольшой крюк, летит на меня. «Теперь спокойно, друг, спокойно...» Успеваю открыть ружье и посмотреть, чем

Рисунки Б. Игнатьева

напустив гусей на верный выстрел, дуплетом вновь поднимаю на дыбы притихший было лиман. Гуси продолжают полет; мне какое-то время не хочется открывать ружье. Зачем, какой смысл при такой стрельбе? Потом успокаиваюсь. Шесть гильз валяются в лодке, стоящей рядом. Мимо с шипением проносится пара уток, тормозит, и на воду передо мной садятся две широконоски. Оглядываюсь по сторонам, но близко гусей не видно. Перезаряжаю семеркой и, дождавшись, когда утки сплынутся, прицеливаюсь между ними и стреляю. Одна остается на воде, другая, прихлопывая крылом, плывет в кусты камыша. Ловлю ее на мушку и в момент, когда она скрывается в зарослях, стреляю. Утка вываливается на чистое. Ох, как ты умеешь хорошо стрелять по сидячим уткам! Корю себя, в душе надеясь, что хоть бы соседи не видели моих промахов.

Где-то недалеко опять «га-га-га». Вот он, одиночный гусь, летит серединой лимана. От соседей далековоато, а на меня налетит нормально. Пригнувшись, жду. Вдруг гусь начинает падать, опу-

зяржено, хотя и знаю. Стая — вот она. Уже видно, как словно в мультипликации, птицы поворачивают головы — влево, вправо. Стреляю по переднему. Гусь опрокидывается на хвост, кувыркаясь, наклонно падает. Стреляю под него еще раз. Удар о воду, столб брызг! Вставляю нулевку в верхний ствол, а гусь выныривает, словно поплавок покачивается на волнах, держа шею вертикально. Целюсь теперь спокойно, как в тире. Надо попасть в силуэт гуся сорока метров. Выстрел, всплески до и после гуся. Голова упала, одно крыло распластано по воде. «С первым гусем!» Теперь я улыбаюсь, бормочу какие-то похвалы себе. Я, кажется, благодарю этого гуся за то, что он упал. Прекрасное утро, прекрасны, чудесны плавни, пусть живут они тысячу лет, пусть охотятся в них наши дети и внуки. пусть...

Сзади меня оглушает гусиный крик. Обернувшись, вижу стаю почти над головой. Пропустив над собой, стреляю в угол два раза. Один гусь, подвернув крыло, с шумом падает в воду, выныривает и сразу скрывается за кустом

ние резко идущего вниз темного комка... Но нет, птицы скрываются в полутемном небе. Еще несколько секунд жду тяжелого удара о воду. Ничего... Бросаю дымящиеся гильзы в лодку. Когда вновь заряжаю ружье,

камыша. Сталкиваю лодку, прыгаю в нее и, вырвав весла из машины, гребу туда. Где-то здесь... Заряжаю ружье и вдруг вижу в камыше неподвижного серого гуся, совсем рядом. Он мертв. «Фу ты, ну слава Богу, что так просто...». Поднимаю птицу за шею, стяхиваю воду, при этом даже в шее у нее что-то хрюстнуло, такая она тяжела. У гуся холодные бледные лапы, с которых капает вода... С деланной небрежностью бросаю птицу в лодку. Вижу поодаль на воде серый холмик первого гуся. Берусь за весла, и в это время сверху падает гусиный крик. Наплывает, растянувшись фронтом, стая: птицы планируют с замерзшими крыльями. Неужели не видят? Стреляю первого градусов под шестьдесят — кувыркается. Переношу темную трапезу прицельной планки на соседнюю птицу, жму спуск — выстрел. Когда стая уже над головой, — и второй падает. Возле лодки один за другим два сильнейших всплеска, удара, два столба водяных брызг — и вскоре два гуменинка недвижимо распластались метрах в десяти друг от друга на поверхности воды. Дуплет! Королевский! Такие помнятся всю жизнь, о них рассказывают у охотничьего костра, их вытаскивают из глубин памяти, когда в минуты душевной усталости хочется думать о чем-нибудь приятном, о том, что ты смог бы и что тебе в жизни удалось...

Стреляют соседи. На этот раз мимо. Возбуждение мое постепенно проходит. Собственно, у меня два лишних гуся. Убить их можно только завтра, но завтра лёта может не быть, или пойдет дождь, такой, что носа из машины не высунешь, или сильный ветер — не выбреешь в лиман. Поэтому в лодке у меня лежит шестик метра полтора длинной, с крючком на одном конце, к которому я привяжу «лишних» гусей и воткну шестик в дно где-нибудь на укромном плавне, чтобы не достали водяные крысы и енотовидные собаки. Днем можно отдыхать, ловить рыбу, наблюдать в бинокль за многочислен-

ными обитателями плавней, а завтра утром, когда эти гуси станут «законными», вывезти их на берег. Вы бы поступили иначе? Сомневаюсь...

Собрав гусей, выбираюсь на островок, закуриваю. Утро светлеет, вот-вот солнце пробьет редеющую дымку. Выстрелы становятся редкими. Над моим островком часто пролетают утки, но я не стреляю, и в этом тоже есть свое удовольствие — в обуздании страсти и жадности к стрельбе.

На страшной высоте летят гуси — их звонкие крики пронзительно и тонко раздаются над широко распахнувшимися просторами плавней. Я плыву в лодке через редкий камыш, мимо своих соседей, которые еще не собираются на берег, видно, решили дождаться прилета гусей, который будет часа через два. Впереди из зарослей иногда выплывает на чистинку лысуха и, схватив прядку водорослей, треплет, словно полощет ее в воде. Заметив меня, черная курица, привстав над водой, кидается в камыш. Зимородок, перепархивая ослепительной аквамариновой точкой, заставляет замереть и понаблюдать за этим чудом природы. Всплескивает рыба — убегающие волны то и дело колеблют зеркало лимана. Впереди, возле пятна куширя, на поверхности воды вдруг поднимается торчком спинной плавник крупной рыбы и через несколько секунд исчезает. Когда я подплываю к этому месту, видно только, как в водовороте кружатся травинки, донная муть и серое ночное утиное перышко.

Неожиданно рядом в камыше замечаю деревянный борт лодки. В ней — молодой хлопец, в руках ружье. Поглядываю поверх камышей. «Ну как?» — спрашиваю его, опустив весла и достав сигарету. «А ни як. Плохо.» Он все поглядывает по сторонам, я ему мешаю своим присутствием. А мне хочется поговорить, разделить радость утра, рассказать, как налетали гуси, как стрелял... Беру своего гуменинка за крыло и перебрасываю в лодку к пар-

ню. Потом второго.

— Вот теперь у нас поровну, — говорю, а сам боюсь, только бы не вышло неловко. Кто как еще среагирует. Иной может обратно швырнуть — зачем, мне чужого не надо! Край здесь небедный, и парой гусей не многих удивишь.

— О! Раз так, можно и до дому! — улыбается парень, а у меня отлегает: все в порядке.

Назад через лиман плывем рядом, не спеша. Ветерок подгоняет лодки, и я почти не гребу — только опускаю весла в солнечную воду, а хлопец легко, даже изящно (всегда завидовал такому умению) толкает свою тяжелую посудину длинным шестом.

Вокруг все золотит вырвавшееся из серой вуали солнце. Вдалеке по лиману рассыпаны черные точки лысух, среди них — белые хлопья лебедей. На нас то и дело налетают стайки уток, но отворачиваются, всегда на такой дистанции, когда кажется, что можно стрелять, а повернут — и понимаешь: далеко. Прямо над головой проноятся белобрюхие чомги, похожие в полете на трепещущие кресты. Белые цапли вереницами летят медленно против ветра и опускаются, выгнув крылья, на невидимые в тростниках плесы. Длинные цепочки бакланов тянут в сторону моря. Вразнобой и стайками мельтешат в небесном просторе чайки. Изредка протянут очень высоко колпицы — белоснежные лоскуты, проткнутые черными спицами. Траурные, словно кусочки ночной темноты, каравайки похожи на маленьких птеродактилей с удивленно загнутыми клювами. И, словно венчая пробудившийся в плавнях новый день, выше всех, в сияющем осенней голубизной небе, кружат канюки, неподвижно раскинув крылья. С такой высоты им, кажется, видны все плавни — и ближние, и дальние лиманы, куда ведут потаенные, узкие кабаньи тропы, глухие ерики и протоки и куда, быть может, нам еще суждено дойти...

Уважаемая редакция!

Из своих 36 лет я охочусь самостоятельно 20. Журнал «Охота и охотничье хозяйство» выписывал с 1968 года, так что подшивка его у меня немаленькая. И вот что я отметил: мне кажется, ни один регион нашей страны не представлен так скучно на страницах журнала, как Кубанские плавни, в любом разделе. Я хочу реально смотреть на вещи и далек от мысли, что это вина журнала. Всё нет. Дело скорее всего в складе характера наших кубанцев, большинство из которых, особенно в сельской местности, из-за вечных своих теплиц и парников, огородов, быков и свиней «лирико-романтическую» сторону охоты воспринимают в лучшем случае с юмором. Сравниваю то, что было 15—20 лет назад, и становится грустно — все меньше ездят с ночевкой,

меньше стало охотничьих костров, меньше песен. Чаще ездят, даже за 100—200 километров, с утра, бегом, отстоят зорью — и домой, к обеду «хозяйством покормить», жену на базар с картошкой вывезти. Какая уж тут лирика... Некогда! А разговоры — короткими очередями, иносказательно, намеком, глаза в сторону — откровенничать не модно, несолидно. В приморских станицах и хуторах — негласная война за рыбу, за ондатру, между егерями и проверяющими, между «своими» и чужими. В горах, в лесу — охоты лошадиным темпом, лишь бы убить кабана, оленя. За два дня беготни ни один участник охоты ни разу не скажет: «Смотри, закат какой, а небо, а горы...». В степи все камышовые балки поделили между бригадами гончатников, и дело доходит до мордо-

бития при дележке участков. Норники и ружей не берут с собой, основное орудие труда — лопата, нож, мешок. Норы в лесополосах находишь по буграм вырытой земли или траншеям. Где-то я сущаю краски, конечно. Во всяком случае хотелось бы так думать. А сам рад, что для меня еще жива Охота — как и двадцать лет назад, когда подбегал к первому убитому чирку, потерял в лимане сапог...

Вот и решил попытаться написать для журнала о своей охоте, пусть не самой удачной. Может, понравится.

С уважением

И. АЛЕХИН
Краснодарский край
г. Кореновск

НИКОЛАЙ АПОЛЛОНОВИЧ БАЙКОВ

В последние годы мы получили возможность познакомиться со многими произведениями писателей русского зарубежья. Они вернулись к нам «с других берегов», извлечены «из сундука литературы», освободились из-под отеческой «заботы» спецхранов. Но многое из этого богатейшего наследия еще остается неизвестным или недоступным нашему читателю.

Книги русских писателей рассеяны по всему белому свету. До некоторых из них, как говорится, не дошли руки, другие оказались несправедливо забытыми и ждут-недождутся своего воскрешения.

Одним из оазисов русской культуры был город Харбин, возведенный нашими людьми на чужой земле. Харбин начал строиться в 1896 году одновременно с Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД). Он стал большим городом, очень напоминающим наши провинциальные российские города. В нем были русские школы и библиотеки, православные храмы, издавались книги, газеты и журналы на русском языке.

«Харбинка» Н. И. Ильина в своей книге «Дороги и судьбы» (1991) рассказывает, что в двадцатые годы квартира ее родителей «была центром харбинской литературной жизни», где собирались прозаики и поэты, заброшенные в Маньчжурию эмигрантской волной. Там бывали Арсений Несмелов, Леонид Ещин, Всеволод Н. Иванов, Борис Бета, Сергей Алымов, Петров-Скиталец и другие русские писатели.

В Харбине увидели свет и многие произведения Н. А. Байкова.

Имя Николая Аполлоновича Байкова было известно у нас еще до революции, когда в Петрограде вышла его большая
В. Н. ЖЕРНАКОВ

В Брисбене, на правом берегу реки того же названия, расположено кладбище «Даттон Парк». Среди многочисленных памятников кладбища, справа от входа, выделяются белые памятники с православными крестами. Один из таких памятников стоит на могиле известного писателя и натуралиста Николая Аполлоновича Байкова.

Николай Аполлонович Байков родился 29 ноября старого стиля (11 декабря) 1872 года в Киеве в семье потомственного дворянина.

Отец его, Аполлон Петрович Байков, был военным юристом и умер в чине генерал-лейтенанта, будучи членом Главного военного суда в С. Петербурге.

Свой род Байков вел от знаменитого Шамиля, чем очень гордился. Бабушка его, со стороны отца, была родная племянница Шамиля. Даже своим обликом он походил на кавказца.

Н. А. Байков любил природу, познавая с детства ее увлекательное разнообразие и красоту. Уже в детстве у него проявилась страсть к путешествиям и приключениям. Когда Байкову исполнилось 12 лет, отец подарил ему монтеクリсто, из которого он стрелял

воробьев и голубей на хуторе, около Киева. Следующим подарком была двустволка тульского завода. Тогда он и начал охотиться под руководством отца, на уток и гусей. С тех пор он ежегодно охотился в окрестных лесах, лугах и болотах, где одновременно наблюдал и изучал природу.

Николай Аполлонович окончил пять классов Киевского кадетского корпуса, а затем сдал экзамен на аттестат зрелости при Первой С. Петербургской классической гимназии. По окончании гимназии он поступил в Тифлисское пехотное юнкерское училище, которое окончил по первому разряду.

В 1892 году молодой Байков начинает военную службу. В 1896 году его производят в чин подпоручика с назначением в 16-й гренадерский Мингрельский пехотный полк в Тифлисе, которым командовал Великий князь Николай Михайлович, энтомолог и большой любитель природы, впоследствии председатель Императорского Русского географического общества.

Великий князь Николай Михайлович познакомил Н. А. Байкова с известным натуралистом и путешественником Г. И. Радде, директором Кавказского

и очень интересная книга «В горах и лесах Маньчжурии». В Харбине, а позднее в Тяньцзине им были изданы книги «Маньчжурский тигр», «Корень жизни», «Медведи», «В дебрях Маньчжурии», «Великий Ван», «Записки Маньчжурского охотника» и другие. У нас все эти книги почти никому не известны и никогда не печатались.

Пришло время познакомить наших читателей с этим колоритным и очень своеобразным человеком.

Узнав от В. Ю. Янковского австралийский адрес дочери Н. А. Байкова Наталии Николаевны Дмитровской, я написал ей письмо с просьбой рассказать о судьбе отца. Очень долго не было ответа, было послано второе письмо. И вот, наконец, большая радость — ответ получен.

«Ваши два письма (одно на английском, а другое на русском) я получила. Вы пишете, что Вас интересует биография Н. А. Байкова. Я думаю, что самая подробная, верная и в то же время краткая написана В. Н. Жернаковым. Поэтому копию этой статьи я Вам и посылаю...

Мне очень приятно, что в России сейчас стали интересоваться Маньчжурией и литературным наследием моего отца.

Наконец-то появилась возможность русским людям, после многих лет запрета, вновь читать его произведения...

В этом номере мы печатаем очерк В. Н. Жернакова, опубликованный Мельбурнским университетом в 1968 году. Это едва ли не первое жизнеописание Н. А. Байкова, публикуемое в нашей стране.

О. ГУСЕВ

музея в Тифлисе. Под влиянием Г. И. Радде он все свое свободное время посвящает изучению богатой природы Кавказа и с 1898 года принимает деятельное участие в работе Кавказского музея. Под руководством Радде он прошел хорошую школу музейной работы и научился таксидермии и монтировке. 1899 год он проводит в Боржоме, где собирает и монтирует коллекцию чешуекрылых.

С Кавказа Николай Аполлонович в 1901 году переводится в Маньчжурию, в Заамурский округ пограничной стражи КВЖД. Здесь он сначала занимал должность заведующего оружием 3-й бригады и должен был два раза в год обезжать ее части, расположенные от ст. Пограничной (Суйфыньхэ) до ст. Эрцендяньцы (Юйцюань), а затем командовал 6-й ротой 5-го пехотного Заамурского полка, прозванной «Тигровой».

Отправляясь в Маньчжурию, Байков, по совету Д. И. Менделеева, берет с собой все необходимое для производства научных работ и сборов. Со своими солдатами он проходит значительную часть Гиринской провинции, от границ Кореи до реки Сунгури.

В начале зимы 1908 года он посещает Каменную долину и барьерное озеро Цзинбоу — одно из замечательнейших озер Маньчжурии. Во второй раз в тех же местах он побывал в августе 1910 года с охотничей командой. Маршрут был вдоль западного берега озера. Во время экскурсии он производил топографическую съемку озера и делал сборы по зоологии.

Николай Аполлонович был одним из первых натуралистов, побывавших на гольцах — Дагокуй (среди русских известный под названием «Тигровая гора»), Датудинцы и Фынхуаншань, причем на Тигровой горе он был два раза, зимой и летом 1910 года. Вершины их возвышаются от 5000 до 6500 футов над уровнем моря.

В те отдаленные времена почти вся бывшая Восточная линия КВЖД от ст. Эрцендянцы до ст. Пограничной, с незначительными перерывами по долинам рек Хайлиньхэ, Мунданьцзян и Мулинхэ, проходила по девственной тайге, которая вплотную подходила к линии железной дороги.

Во время многочисленных экскурсий в таежном районе Восточно-Маньчжурской горной страны Байков делает сборы по млекопитающим, орнитологии, пресмыкающимся, земноводным и энтомологии, выполняя задание Императорской Академии Наук, и отсылает свои коллекции в Зоологический музей Академии Наук, а в позднейшее время в Германию.

Одновременно со сборами материалов он занимается охотой на крупного зверя, причем им были убиты три тигра.

Кроме охоты Николай Аполлонович занимается приручением диких зверей и птиц. На ст. Хэндаохэцы и ст. Шитоухэцы (с 1905 г. по 1915 г.) он содержит в неволе крупных зверей, как то: медведей, волков, лисиц, кабанов, изюбрея, косулю, горалов, кабаргу, барсуков, а также соболя, колонка, белок, лягяя, бурундуков, ежей. Из птиц — журавлей, орлов, ястребов, тетеревов, куропаток, рябчиков, фазанов, уток, а из пресмыкающихся — амурских полозов, тигровых ужей, щитомордников и черепах. Уезжая на фронт в 1915 году, Н. А. Байков выпустил зверей, птиц и пресмыкающихся в тайгу.

Николай Аполлонович участвует в подавлении Боксерского восстания, в русско-японской войне и в первой мировой войне. Во время первой мировой войны он находится на юго-западном фронте в Галиции. Он участвует в ряде боевых операций, имеет ранение и контузию и получает ряд чинов и орденов. Возвращается с фронта в чине полковника.

Наступает гражданская война. Н. А. Байков заболевает тифом в Новороссийске. По выходе из госпиталя, в 1920 году, он вместе с семьей эвакуируется на пароходе «Саратов» в Египет, где некоторое время живет в оазисе Тель Эль Кебир, а затем —

в лагере Сиди Бишр, возле Александрии.

Почти два года Николай Аполлонович проводит в Африке, Индии и Индокитае.

В 1922 году он возвращается в Маньчжурию, в Харбин, и вскоре переезжает на ст. Эхо, а потом на ст. Яблоня, где устраивается на службу в лесопромышленное предприятие В. Ф. Ковалевского, на лесную концессию, расположенную в районе вышеупомянутой станции, на должность сторожа, но вскоре же получает место десятника.

В 1925 году он снова возвращается в Харбин и поступает на службу в Земельный отдел КВЖД на должность старшего смотрителя лесных концессий КВЖД. Отсюда он совершает поездку по р. Сунгари в район пристани Цалинхэ (Тунхэ).

С возникновением в Харбине Общества изучения Маньчжурского края и созданием в 1923 году при нем музея Николай Аполлонович принимает в их работе активное участие. Общество изучения Маньчжурского края избирает его пожизненным членом за труды по изучению природы Маньчжурии и дает задание написать несколько научно-популярных очерков, которые были напечатаны в журнале «Вестник Маньчжурии» (издававшемся Экономическим Бюро КВЖД), а затем выпущены Обществом отдельными изданиями. Это были: «Маньчжурский тигр» (1925 г.), «Изюбрь и изюбреводство» (1925 г.), «Корень жизни (жень-шень)» (1926 г.), «Медведи Дальнего Востока» (1928 г.). Из них «Маньчжурский тигр» является наиболее ценной работой. Большая Советская энциклопедия, а также ряд зоологических трудов русских и иностранных ученых в списках рекомендуемых источников по биологии тигра приводят вышеупомянутую работу.

С 1928 года по 1 сентября 1934 года Н. А. Байков преподает биологию в Железнодорожной гимназии.

Последующие годы своей жизни он посвящает исключительно литературной деятельности, помещая свои очерки и рассказы в харбинских журналах и газетах.

Перу Байкова принадлежит свыше 300 работ. Свои статьи по Маньчжурии он печатает в журналах: «Природа и охота», «Нива», «Охотник», «Охотник и пушник Сибири», «Вестник Азии», «Юность» и «Вестник Маньчжурии».

Иногда Байков подписывает свои статьи псевдонимами, как например: Пенсиэ, Заамурец, Зверобой, Следопыт, Натуралист-охотник, Промысловик, Скиталец.

В 1914 году, в Петрограде, появляется его первая книга «В горах и лесах Маньчжурии», изданная редакцией журнала «Наша охота», которая впервые познакомила читателя с животным миром маньчжурской тайги и вызвала огромный интерес к изучению этого прекрасного и богатого края. Она заставила русскую общественность обратить внимание на далекую Маньчжурию. Книга была переиздана в 1915 г. В настоящее время эта книга является библиографической редкостью.

Харбинские и тяньцзинские издательства выпускают следующие его книги: «В дебрях Маньчжурии» (1934 г.), «Великий Ван» (1936 г. и 1938 г.), «По белу свету» (1937 г.), «Тайга шумит» (1938 г.), «У костра» (1939 г.), «Скачка была» (1940 г.), «Тигрица» (1940 г.), «Наши друзья» (1941 г.), «Записки маньчжурского охотника» (1941 г.), «Шухай» (1942 г.), «Черный капитан» (1943 г. и посмертное издание в 1959 г.), «Таежные пути» (1943 г.).

В Лондоне в 1936 году выходит в свет книга на английском языке «Охота на крупного зверя в Маньчжурии», а в 1938 году в Париже — книга на французском языке «Моя охота в маньчжурской тайге» (перевод книги «В дебрях Маньчжурии»). В следующем году в Париже появляется сборник научно-популярных очерков на французском языке: «Дикие звери Маньчжурии и жень-шень».

В своих увлекательных рассказах Н. А. Байков живо, с присущим ему талантом, изобразил девственную маньчжурсскую природу, жизнь местных жителей, их нравы и обычаи.

Глубокое знание маньчжурской природы в сочетании с большим художественным даром выдвинули Николая Аполлоновича в первые ряды писателей-натуралистов. Хатчинсон — английский издатель книги «Охота на крупного зверя в Маньчжурии» — справедливо сравнивает Байкова с Фенимором Купером.

Книга «Великий Ван» приносит Байкову большую известность как в Маньчжурии, так и за границей и переводится на многие иностранные языки. Она явилась итогом его многочисленных наблюдений над жизнью и бытом девственных лесов Маньчжурии. В ней он описывает жизнь и биологические

особенности длинношерстного тигра, а также сказания и легенды таежных обитателей, связанные с владыкой тайги и гор.

Произведения Н. А. Байкова очень ценятся японцами. Многие его книги переведены на японский язык. Наибольшей популярностью пользуется «Великий Ван» (Идайнару Ван), выдержавший несколько изданий. Уже после смерти Николая Аполлоновича, в 1959 году, в Токио вышла его новая книга на японском языке «Люди и звери» (Хаха нару Карина — Ядзю то Хито). Эта книга, к сожалению, на русском языке напечатана не была.

29 мая 1942 года в Харбине, в Железнодорожном собрании, в торжественной обстановке отмечается 40-летний юбилей научно-исследовательской и литературной деятельности Н. А. Байкова. В одной из зал собрания была устроена выставка акварелей и рисунков первом писателя, изображавших природу и животный мир Маньчжурии.

Почти все рисунки на обложках и иллюстрации к своим произведениям Байков делал сам. Из них рисунок на обложке книги «В дебрях Маньчжурии» особенно удачен.

Осенью этого же года Николай Аполлонович вместе с семьей был приглашен в Токио на съезд писателей Восточной Азии. По окончании съезда Байковы и несколько членов съезда совершили поездку по Японии, где писателя встречали с большим восторгом, в особенности учащиеся.

В 1944 году Николай Аполлонович вступает в число действительных членов Клуба естествознания и географии ХСМЛ в Харбине, выступая на его заседаниях с интересными докладами, посвященными природе и вопросам охоты и звероловства Маньчжурии.

Он был также старшим другом Секции молодых археологов, натуралистов и этнографов при Бюро по делам российских эмигрантов в Харбине.

Будучи натуралистом, Н. А. Байков, естественно, был горячим сторонником охраны природы и животного мира. В своих докладах и статьях он подробно останавливается на вопросах охраны природы и создания национальных парков в Маньчжурии. Он также встал на защиту длинношерстного тигра, считая необходимым сохранить этого зверя и включить его в список животных, находящихся под охраной охотниччьего закона.

В жизни Николай Аполлонович был обаятельный человеком — мягкий, спокойный, кроткий, скромный, доброжелательный, всегда сочувствующий чужому горю. Нося в себе воспоминания интересной эпохи, свидетелем которой он был, он умел прекрасно рассказывать о ней в кругу своих знакомых.

Последние годы своей жизни Н. А. Байков провел в Австралии, в Брисбене, куда переселился из Маньчжурии в 1956 году. Там он и скончался 6 марта 1958 года.

КУЛИКИ

ТУРУХТАН. Длина тела самца около 30 см, вес 150 г. Длина тела самки 25 см, вес около 100 г. Клюв средней длины, прямой, темно-бурый. Ноги довольно длинные, зеленоватые или желтоватые. Хвост темный по краям, у основания с большими овальными пятнами. У самца турухтана весной спина серовато-бурая с темными и светлыми краями перьев, живот белый. На голове и шее удлиненные перья различных цветов образуют «воротник» и «уша». Окраска их настолько разнообразна, что среди многих сотен самцов турухтанов весной трудно найти двух одинаковых. Передняя часть головы не оперена и покрыта мелкими бородавками. У самки весной верх тела серовато-бурый со светлыми или рыжеватыми краями перьев, горло беловатое, зоб, грудь и бока дымчатые с темными и рыжими полосами или пятнами, живот белый. Во второй половине лета и осенью у самца и самки верх тела «чешуйчатый», серовато-бурый с более светлыми краями перьев, зоб и грудь буровато-серые. Так же окрашены и молодые птицы. От взрослых они отличаются только рыжеватым цветом краев перьев на верхней половине тела.

Полет турухтанов легкий, маневренный. Весной характерны «бои» самцов. Собравшись на берегу озера или на бугре среди болота, они, с распущенными «воротниками», наскакивают друг на друга. Издали ток выглядит жестокой дракой. Однако это не так: после отлета птиц не остается даже выщипанного перышка. По краям токовища собираются и самки. Из года в год токовища располагаются в одних и тех же местах. Начинаются тока вечером и заканчиваются на исходе ночи. Изредка на току можно услышать голос турухтанов. Обычно это мягкий, негромкий гогот, передающийся как «га-га-га».

На места гнездовой турухтаны прилетают в мае или в начале июня, улетают — в конце августа — сентябре. Обитают по тундровым и таежным болотам.

Насиживает и водят птенцов только самка.

В СНГ этот кулик широко распространен в тундрах, лесотундре и лесной полосе. Обособленно встречается на севере Казахстана. Местами это второстепенный объект охоты.

ЧЕРНОЗОБИК. Длина его тела около 20 см, вес примерно 50 г. Клюв средний длины, тонкий, очень слабо изогнутый книзу, черный. Ноги черные. Середина надхвостья и хвоста темная, узкие полоски на крыльях и боках надхвостья белые. Это хорошо видно в полете. Самец и самка внешне неразличимы. Весной и летом у взрослых птиц верх тела буровато-черный, перья на спине с широкими рыжими краями. Верх головы коричневато-рыжий; подхвостье, бока тела, зоб и шея спереди белые. На темени, зобу и шее видны черные поперечные полоски. На животе большое черное пятно. Весной и летом это их главный опознавательный признак. Зоб же, вопреки названию птицы, вовсе не черный. Осенью у взрослых чернозобиков верх тела дымчато-серый с более светлыми краями перьев, шея и зоб светло-серые с темными продольными полосками, низ тела белый. Молодые птицы похожи на взрослых в летнем оперении, но черного пятна на животе у них нет.

Чернозобики очень подвижны. Кормясь, они нередко входят в воду, плавают. Стоящие птицы кажутся сутулыми. Крик высокий, короткий, передается как «т-р-р-р». В брачный период, сидя на кочке, или в полете, чернозобики издают частые трели, передать которые можно примерно так: «ри-ри-ри-ри».

На места гнездовой прилетают в конце мая — начале июня, улетают в сентябре. Обитают чернозобики во влажной, чаще кочковатой или бугристой тундре. На пролете держатся по берегам рек, озер и моря.

Делают гнездо, насаживают и водят птенцов оба родителя. Чернозобики широко распространены на гнездовые в материковых тундрах и на арктических островах, а также местами в Прибалтике. Во многих районах они многочисленны и являются второстепенным объектом охоты.

С. УСПЕНСКИЙ,
профессор

См. также 4-ю стр. обложки

ГОЛУБОЙ АЛТАЙ

Стихи алтайских поэтов

«Жемчужиной Азии» назвал Алтай Николай Константинович Рерих. «Приветлива Катунь,— писал он.— Звонки синие горы. Бела Белуха. Ярки цветы и упомятельны зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай! Чье сердце убоялось суворой мощи и красоты!» Знаменитый художник знал этот край не понаслышке. В 1926 году, в последний свой приезд в Россию, он задержался на Алтае, поселившись в селе Верхний Уймон, в верховьях Катуни, среди русских староверов. В наши дни пристальное и беспристрастное стала изучаться история горного Алтая, его этнография. Издавна населяет Алтай народ тюркских корней, немногочисленный, миролюбивый, непрятязательный и мягкий, по характеру, чрезвычайно чуткий к природе, ко всем ее стихиям. Начало близких связей алтайцев и русских уходит в XVII век; в XVIII столетии, в 50-х годах, при императрице Елизавете Петровне, алтайский народ, в большинстве своих племен, добровольно вошел в состав России. Это было действительно добровольное присоединение, и за все последующие годы между алтайцами и русскими, селившимися на Алтае, ни разу не возникало серьезных конфликтов. Недавно, в июле 1991 года, Горно-Алтайская автономная область в составе России преобразована в республику Алтай.

Традиционные дохристианские верования алтайцев боготворили природу, люди поклонялись родным горам, рекам, дереву — кедру и березе — они видели в них живых существ. Охотники и скотоводы, они избегали убивать молодых животных, берегли лес, зверя и птицу, считая, что во всем присутствует живая душа. Одно из алтайских сказаний гласит, что незамолимый грех — выстрелить в журавля, иби это птица, по алтайским верованиям, помогла человеку овладеть огнем. Можно сказать, что у алтайцев стихийно существует высокое экологическое сознание. Проникновением в природу, слиянием с нею овеяно творчество первого алтайского художника Григория Чороса-Гуркина (1870—1937). Чорос-Гуркин был прямым учеником И. И. Шишкина, на его руках Шишкин скончался.

В алтайском народе бытует огромное множество легенд, мифов, героических сказаний, песен. Народные сказители не перевелись и поныне. Но профессиональная письменная литература возникла только в конце XIX века. Видным алтайским поэтом и писателем советской поры был Павел Кучияк (1897—1943). За ним последовала целая группа одаренных алтайских поэтов, получивших большое образование.

Русская литература в прошлом столетии касалась Алтая лишь исподволь, как бы обходила его. Его не знала и литература XVIII столетия. В одах Ломоносова, как бы с высоты птичьего полета обозревавших российские просторы, упоминаются Обь, Лена и Амур, но отсутствует слово «Алтай». Памятны строки А. С. Хомякова в его стихотворении о Богомольцах, стекавшихся со всех сторон в Киев:

Бронтой БЕДЮРОВ

**БЛАГОСЛОВЕНИЕ
КЕДРУ**

Где висит тропа витая
Над обрывом скальных стен,
Кедр таежный, страж Алтая,
Будь вовек благословен!

Статью славившись прямою,
И высок ты, и удал,
И случалось, что зимою
Нас от вьюги укрывал.

К твоему стволу пристроясь,
Лежа в шубах меховых,
О былом услышать повесть
Мы могли из уст твоих.

Тьму пронзая полусветом,
К нам до самого утра
Пламя ластилось при этом
Языкастого костра.

Дик и страшен верх Алтая,
Вечен блеск его снегов...

Это было написано в 1839 году. В XX столетии Алтай уже осваивает и русская проза, и русская поэзия, не говоря о солидных работах ученых-натуралистов, геологов, этнографов, изучавших Алтай. Об Алтае пишет Вяч. Шишков, обследовавший как гидролог алтайские реки и разработавший проект перестройки Чуйского тракта. Пишет Павел Низовой. Низовой, спасаясь от преследований колчаковцев, в 1918—1919 годах служил объездчиком-лесником Телецкого лесничества с территории от истоков Бии до границ Монголии: это время писатель назвал лучшей главой своей жизни. Позднее алтайские горы посещали А. Караваева, И. Катаев, Л. Овалов. Заглядывал сюда в 30-х годах и известный французский писатель Андре Мальро, впоследствии министр просвещения Франции. Писали об Алтае, конечно, и сибирские писатели, в первую очередь Афанасий Коптелов, автор романа об алтайцах «Великое кочевье». Юношей работавший как журналист в Бийске, он так описывал свои начальные встречи в этом городе с алтайцами: «Они приезжали верхом на небольших мохоногих лошадях, одетые даже летом в дубленые шубы и лисьи шапки с яркими шелковыми кисточками...» Георгий Вяткин, поэт и прозаик, живший в Омске, в книге лирики «Чаша любви» (Ново-Николаевск, 1923) опубликовал цикл стихотворений, родившихся в результате путешествия на Алтай. Знаток алтайского фольклора, поэт Иван Ерошин в 20—30-х годах создал книгу «Алтайские песни», которая привлекла внимание Ромена Роллана, приславшего поэту специальное письмо. Воспевал горный край Илья Мухачев (1896—1958), уроженец Бийска, рабочий кожевенного завода, плотогон, овладевший грамотой уже в юношеском возрасте, солдат первой мировой войны, участник революционной борьбы в Сибири. Не одно десятилетие живет и работает в Горно-Алтайске скромный человек, русский поэт Константин Козлов. Громко звучат в современной поэзии голоса Бориса Укачина, Бронтоя Бедюрова и других профессиональных алтайских литераторов.

...Медведь и марал, пятнистый олень и снежный барс, белка-летяга и соболь — кого из зверей только нет на Алтае! Богатым ковром раскидываются на скатах гор и в долинах цветы — от рододендрона до фиалки. Природа этого края многогранна и красочна. В старинной песне алтайцев поется: «Как плеть расплетенная тянутся хребты твои, хан Алтай!». В той же песне Алтай назван «прекрасно устроенным». Он еще найдет себе не одного вдохновленного певца. Но скажем несколько горьких, неотложных слов о сегодняшнем дне. Увы, идет необузданное, преступное расхищение природных богатств Алтая, истребление живой природы. Безжалостно вырубаются горные леса. Как необходим здесь, как жгуче желанен строгий глас Власти и Закона!

Николай БАННИКОВ

А когда в котле сварили
На костре мы толокно,
Толокном тебя кормили,
Сами ели заодно.

Это прадедов обычай
(Их обычаи благи),
И с богатой мы добычей
Возвращались из тайги...

Перевел с алтайского Я. Козловский

Наступленья зимы ожидает Алтай!
Пьют старухи цейлонский живительный чай.
На порогах в раздумье сидят старики,
Длинных трубок прокуренные черенки
С расстановкой касаются губ.
И жилища на склонах соседственных гор
Телеграфный ведут меж собой разговор

Гулким стуком
Хозяйственных ступ.
Завершается время осенних забот.
Забивают хозяева на зиму скот.
Вечерами — темней, по утрам —
холодней,
И людское дыхание стало видней.
Над селеньем клубами восходит оно,
Превращается в облака,
И волнует меня, словно в детстве,
давно,
Первый скрип молодого снега.

Стали печи топиться. Курятся дымы.
На высоком Алтае начало зимы!

Перевел с алтайского И. Фоняков

Иван ЕРОШИН

БУРАН

Схоронилась белка по дуплам,
Резвая, комочком свернулась.
На приманку горностай не выйдет,
Он в корнях мышонка поймает.
Не зажмет лиса перелеска
В погоне за робким зайцем.
Жирная не выползет выдра
Из норы ледяной кувыркаться
По хрустящему синему снегу.
Густомглистый, с искрами, соболь
Легконогий небросит петли
Мягких лапок по рыхлому снегу.

Борис УКАЧИН

МАТЕРИНСКИЙ ПОДАРОК

Сядь поближе, мой русский друг,
посмотри на мамин подарок:
он узорчат, цветаст и ярок,
пестрым бисером шит вокруг.

Треугольник из твердой кожи —
по-алтайски зовут: байры.
Весь расшитый, с игрушкой схожий,
Он придуман не для игры.

Лет прошло с той поры немало:
я родился, и в долгий срок
пуповина моя отпала
в некий зимний, вьюжный денек.

Мама в кожу ее зашила,
и при ней, обычай храни,
все, что надобно, положила —
от напастей беречь меня.

Красной меди там есть крупица.
Потому ей такой почет,
что ее, говорят, боится
Самый хитрый алтайский черт.

Можжевельника там иголка —
по-алтайски зовут: арчин.
Если кто захворает надолго —
и никак не найти причин —

можжевеловым синим дымом
курят в юрте, гонят беду...
Верит мама, что невредимым
с той иглой я всю жизнь пройду!

Есть и порох. Как же иначе!
Рассудила мама моя:
коль родился алтайцем — значит,
и охотником буду я.

И еще там доброй приметой
Ямения зашито зерно.
Знай: от голода в жизни этой
охраняет меня оно.

Чтоб всегда хорошо мне было,
чтоб всегда был светел лицом,
Ничего-то мать не забыла,
позаботилась обо всем...

Суевериям нет возврата,
нет возврата бытым годам,
но храню тот подарок свято,—
сыновьям его передам.

Перевел с алтайского И. Фоняков

КЕДРЫ

Кедры наши — сумрак ущелья!
Кедры наши — мех соболиный!
Сладок орех с белым зерном!
Сладок орех белке и людям!
Летний вечер — ты черный медведь.
Тонкая луна — коготь орла.
С дальнем вершине ветер пришел,
Тихий и легкий, как сон детей.
Будь я сейчас в рыжей степи —
В солончаковой, с мелкой травой,
Запах кедровый, крепкий, свежий,
Ноздри мои почуяли б скоро.

Георгий ВЯТКИН

В ГЛУШИ

Чай голос там серебряной трубой
Звенит, томит, тревожит даль седую?
Марал ли кличет самку молодую,
Иль Горный Дух зовет врага на бой?

ГОРЫ

Вот наши горы! Люблю поглядеть:
лесисты, зелены!
Здесь водится медведь.
Когда он пробирается тайгою.
Всслед ему цветы летят пургой.
Хрустят колоды, слышатся обвалы.
Порой здесь появляются маралы
Между поджарых елок, точно в раме,
Покачивая синеву рогами.
И от горы
И до горы кочуя,
Там, на поляне, средь булыжин лысых
Полосками огня мелькают лисы.
И, человечий шум едва почужа,
С деревьев тихих в папоротник мелкий,
Тревожно свистнув, упадают белки.
Пройдись травой:
всезде барсучьи норы...
Бурундук дорога столбовая...
Но только ли зверем богаты горы?
А этот лес

от края и до края...
На склонах, что изрезаны ручьями,
Чуть шевеля погнутыми сучками,
Стоит пихта —
Над ним туман клочками.
К реке, чьи берега желты, отлоги,
Спускается березиня белоногий.
И, растопкав осины, желтохорый
Взирается сосняк на косогоры.
А кедры, кедры! —
Тесен, знать, простор им
Речных долин, где тополям свобода,
Они толпятся на вершинах горных —
Растений богатырская порода.
Бывает,

грозами себя измучив,
Мохнатые раскинув лапы-плети,
У их подножья отдыхают тучи...
Да, много чем богаты горы эти,
И по молве еще седой, старинной,
Что обошла и села и аиль:
У них серебряная сердцевина
И золотом наполненные жилы.
И оттого в утробах здешней птицы
Находят драгоценные крупицы.

И потому здесь,
на брусничном скате,
избы поставил золотоскатель.
Да и не зря живут здесь лесорубы,
Чьи плечи широки, ладони грубы.
Да и недаром каждою зимою
Сюда на лыжах, раздвигая хвою,
От забуранных долинных пашен
Приходят зверобои бородаты...
Так слушай, друг мой, если так

богаты,

Богаты всем родные горы наши,
Где каждый склон пересечен ручьями,
То нам ли не называться богачами?

Какая глупы! На камни встали камни,
И вздыхались утесы на утес!
И нет пути. И всюду мох пророс,
Сухой, как пыль, невыразимо давний.

А дальше пропасть грозная чернеет,
Туманами и гарью повита.
Здесь каждый миг тоской и жутью веет
И что ни шаг — заклятая черта.

Я прижимаюсь к камню головой,
И страшно мне, и холодно, и сиро.
...Быть может, сотворенье мира
Еще, Творец, не конченко Тобой?

НА ВЫСОТЕ

Все мне грезятся горы Алтая,
Высокие травы лугов,
Все снится Катунь голубая
И белые шапки снегов.

И слышится шум водопада:
— Тому, кто вершины достиг,
Не надо, не надо, не надо
Ни мыслей, ни песен, ни книг.

Все станет понятней и легче,
Когда, уводя от забот,
Торжественно-благостный вечер
Все горы пожаром зальет.

Алмазами вспыхнут вершины
И золотом — весь небосклон,
И снизу, из тихой долины,
Вечерний послышится звон...

Марк ЮДАЛЕВИЧ

Какие снега на Алтасе!
Возвышенны и высоки,
блестят голубым горностаем
Белухи крутые белки.
На склонах, уступах суровых
до поздней осенней поры,
покрытые ворсом пещевым
лежат голубые ковры.
В глубинных орлиных долинах,
где беркут крыла распростер,
Слепящий искрой соболиного
Играет морозный простор.
Какие снега на Алтасе!
Под жарким весенним огнем
они испаряются, тая,
но только не в сердце моем...

Николай БАННИКОВ

ПЛОТЫ

День стоял безветренный и жаркий.
За версту был слышал плеск весла.
С Золотого озера подарки
Быя в Бийск зеленый принесла.

И на шалаши на зыбких бревнах,
На чудных гребцов у таганка
Кругляром по тропе неровной
Поглязеть сошлось полгородка.

Вот она, шаманья радость — панты,
Злой венец оленевой красоты,—
И, в очках, босые экскурсанты
Обступили грузные плоты.

Покупают с шутками и смехом
У телецкого плотовщика
Кедровые жирные орехи
Цвета соболиного брюшка.

Плотовщик, алтайц узкоглазый,
Курит, ломаную речь ведет.
А потом вытаскивает разом
Горных хайрюзов и дикий мед.

Говорит он, как без всякой тулки
Иль берданы в сопках белковал.
Перед нами дымчатые шкурки
Пальцами усердно разминал.

И хватал за грязную манишки
Главиную забаву на борту —
Бурого двухмесячного мишки,
В плен захваченного сироту...

Долго не затихнет шум и гомон
Вокруг плотов, медведя и гребцов.
Я кричу, чтоб приходил с альбомом
Местный живописец Кузнецова.

Константин КОЗЛОВ

ОХОТНИК КЛЫК

Лишь заплещет
Зорька над полянкой,
Свежаком потянет от реки,
Старый Клык
Через плечо с берданкой
Зверовать уходит на белки.

Бродит он
По сумрачным урманам,
По вершинам поседевших гор.
С серым волком,
С соболем, с гураном
Следопыт заводит разговор.

Много здесь, в тайге
Его знакомых,
Вот он свистнул
Тоненько в манок,
И ему из чащи буреломной
Отозвался
Шустрый колонок.

Свистнул он —
Зашевелились ветки,
Кабарга мелькнула вдалеке,
Косачи невиданной расцветки
Собрались на ток в березняке.

Пусть они
Токуют на полянке,
Пусть резвятся
В тишине лесной.
Старый Клык
Не снимет с плеч берданки,
Он пройдет
От птицы стороной.

Неспроста
В народе говорится
(то поверье с
давних пор живет):
Тот, кто взял
Хоть раз
На мушку птицу,
Тот большого зверя
Не убьет!

Джим Корбетт. **Кумаонские людоеды**.— М.: «Тропа», 1991.— 200 000 экз. 205 с., ил., цена довоенная.

Это первая книга известного охотника и писателя Джима Корбетта, вышедшая в 1944 г. и неоднократно переиздававшаяся. Документально точный и в то же время красочный язык автора, напряженность и увлекательность невыдуманных сюжетов обеспечили книге огромный успех.

Джим Корбетт. **Леопард из Рудрапраджа**.— М.: «Тропа», 1991.— 200 000 экз. 171 с., ил., цена довоенная.

Джим Корбетт. **Храмовый тигр**.— М.: «Тропа», 1991.— 200 000 экз. 157 с., ил., 7 р.

Книги входят в серию произведений Дж. Корбетта, посвященных хищникам-людоедам, на которых автор охотился в джунглях Индии десятки лет. Это те книги, которые обеспечили писателю мировую известность.

Домашняя выделка меха. Практическое пособие. Человодческое предприятие «АгроАпис», Л., 1991, 26 с.

Пособие предназначено для тех, кто хочет научиться выделять шкуры своими руками. Предложенные рецепты и способы выделки отвечают следующим требованиям: безопасны для здоровья, небольшие отклонения в технологии не вызывают немедленной порчи материала, максимальная универсальность, возможность обходиться наиболее доступными реактивами. Даётся краткая юридическая справка.

Пособие поможет освоить качественную выделку шкур животных, продлить срок службы меховых изделий, пошитых из фабрикатов домашней выделки.

Пасик В. И. **Английский кокер-спаниель: Альбом**.— М.: Агропромиздат, 1992.— 150 000 экз. 56 с., ил. 4 р.

Альбом содержит практические советы и рекомендации по приобретению, воспитанию и кормлению щенка английского кокер-спаниеля, содержанию взрослой собаки, ее дрессировке и натаске. Приведены основные правила проведения полевых испытаний спаниелей, а также выставок охотничьих собак.

Марков Б. И. **Гончие и охота с ними**.— М.: Физкультура и спорт, 1991.— 50 000 экз. 143 с., ил. 15 р.

В книге рассказывается о возникновении и становлении пород гончих собак; приводятся стандарты русской и русской легкой, эстонской, латвийской и литовской гончих, бассетов, биглей, бладгаундов; даются советы по ведению породы, выбору и воспитанию щенка, нагонке собаки. В книгу включены главы об охоте с гончими на зайца, лисицу, волка, рысь, кабана, косулю и лося. В заключении автор рассказывает о выставках, выводках и полевых испытаниях гончих, приводит словарик специальных слов и список литературы.

АМЕРИКАНСКИЕ ТРАППЕРЫ

А. НИКАНОРОВ

США — страна с высоким уровнем жизни, богатыми пушными ресурсами и сильными охотниччьими традициями. Изменения в жизни трappеров, которые здесь происходят, помогают по-новому взглянуть на роль промысловой охоты как таковой и, быть может, заглянуть в наше будущее. Вместе с тем, некоторые виды малого бизнеса, в особенностях изготовление запаховых приманок, могут быть уже сейчас заимствованы нашими профессиональными работниками охотничьего хозяйства.

Трappерам Северной Америки не приходится привыкать к кризисам моды. Каждый, кто всерьез занимается промыслом пушнины, старается следить за ценами. Некоторые охотники сдают пушину по нескольку раз за сезон, чтобы вовремя уловить смещение цен и направить усилия на добычу наиболее выгодных видов.

Но если снижение цен на одну разновидность пушнины обычно сопровождается повышением на другую, если за общими спадами всегда следили подъемы, то в последние два десятилетия ситуация резко изменилась. Произошло небывалое падение цен на пушину как таковую.

Наибольшую роль в снижении цен сыграли два независимых процесса. Это возникновение нового центра меховой промышленности в Юго-Восточной Азии и борьба «зеленых».

К началу 80-х годов пушной бизнес испытал мощное влияние молодого центра обработки мехового сырья. Он возник благодаря усилиям братьев-предпринимателей из Южной Кореи. Хорошая организация труда, стандартизация продукции (сокращение числа размеров и фасонов, отсутствие индивидуальности изделий), дешевая рабочая сила позволили снизить цены на готовую продукцию. Благодаря относительной дешевизне морских перевозок возник конвейер, по которому сырая пушнина потекла на юго-восток, а готовые изделия стали расходиться в страны капиталистического мира, в том числе и туда, где закупалось сырье.

«Вольная» пушнина не попала в этот конвейер, но цены на нее упали. Трудно продать за 2,5 тыс. дол. шитый в мастерской енотовый полушубок, если норковая шуба стоит 999 долларов.

Одновременно катастрофически усиливалось влияние «зеленых». Их борьба, направленная против пушного дела в целом, нанесла удар, прежде всего, по промыслу «дикой» пушнины. Это произошло потому, что дикие звери пользуются особым покровительством зеленых. Кроме того, «вольная» пушнина предназначалась в значительной мере для особо изысканной публики, которая оказалась особо отзывчивой на

призывы защитников природы.

В современной Америке профессиональные трappеры, не имеющие других доходов, становятся редкостью. Один из них, Энди Морроу из Техаса, добывает пушину более трех десятилетий. В журнале «Траппер» он пишет, что и раньше годы, приносившие хорошие деньги, выпадали куда реже, чем посредственные. Но теперь наступили особо трудные времена. Энди добывает до 2—3 тысяч ондатр и нутрий за сезон и несколько сотен зверей других видов. Вся его семья — жена и пятеро детей — участвуют в обработке пушнины.

Энди, который добывает много ондатры, не повезло вдвойне. Дело в том, что это сырье раскупается особенно плохо. В последние годы за невыделанную шкурку ондатры трудно получить больше двух долларов. Цены на выдру, норку, бобра, койота упали примерно до 15 долларов, до пяти — на енота, лисицу. Только шкурки таких немногочисленных видов, как рысь или волк, ценятся дороже 100 долларов. Между тем, охотники хорошо помнят те недавние времена, когда заработка были в несколько раз выше.

Теперь мало кто в США ведет нелегкую жизнь свободного трappера. Слишком низки доходы. Сегодня можно уверенно сказать, что в этой богатой зверем стране промысел пушнины превратился в хобби, которое приносит небольшой дополнительный заработок.

Вместе с тем, в США имеются непривычные для нас виды бизнеса, тесно связанные с промыслом. Один из них — коммерческое производство приманок.

Трудно сказать, когда зародилось искусство составления приманок. Охотниками разных стран испытано огромное число веществ и смесей. В первую очередь в дело шли части тушек, железы и их содержимое, различные органы добываемых животных. Испытывались и многие растения. Большой приток ароматических веществ в «лаборатории» охотников предоставила парфюмерия. Не остались без внимания и целебные средства.

Стараниями «химиков» от пушного промысла постепенно складывались основные принципы составления приманок, отбирались наиболее эффективные компоненты. Правда, атмосфера тайны, в которой велись эти поиски, часто мешала отделять зерна от плевел.

В условиях рынка приманки просто не могли не стать товаром. Наивысшего развития их коммерческое производство достигло, на наш взгляд, в США. Составы приманок, как правило, хранятся в секрете. Но иногда эти секреты

сами становятся предметом продажи — в свет выходят пособия по изготовлению приманок.

Анализ литературы, рекламы, материалов купли-продажи ингредиентов приманок — все говорит о том, что современное производство базируется на народном опыте. Средства, отобранные многими поколениями охотников, дополняют антифризы, консерванты, наполнители.

Говоря о запаховых приманках, трудно обойти стороной парадоксы социализма. Дело в том, что в нашей стране разработкой приманок занималось несколько специалистов. Опубликовано немало научных статей. Обстоятельностью экспериментальных работ и глубиной анализа выделяются труды доктора биологических наук, профессора С. А. Корытина. Благодаря энтузиазму этого известного этолога и охотоведа еще несколько десятилетий назад были выпущены экспериментальные партии приманок. Эта продукция высоко оценивалась промысловиками разных регионов нашей страны, но при социализме так и не появилась на прилавках.

Однако вернемся к зарубежному рынку. В США наибольшее распространение получили приманки, в основе которых лежат вещества животного происхождения. Это моча, пахучие железы, мышечные ткани или внутренние органы животных. Мочу собирают от зверей, которых содержат в клетках. Иногда в рекламе подчеркивается, что зверь содержит не на шкурку, а специально для сбора мочи, и что в их рацион не входят комбикорма.

Часто в рекламе упоминается, что моча не включает консерванты. Дело в том, что введение консервантов значительно облегчает хранение и реализацию этого продукта. Однако многие охотники предпочитают его в чистом виде. Правда, на морозе в любом случае приходится использовать смесь мочи с антифризами высокой очистки.

Другой важный источник получения запаховых приманок — пахучие железы животных. Они имеются у всех промысловых зверей, но развиты не одинаково сильно. Из пахучих желез изготавливают гомогенаты, вытяжки, настойки.

Сырьем для получения еще одной группы приманок служат мясо и внутренние органы зверей. Обычно это сырье тонко перемалывается и доводится до определенной кондиции без доступа воздуха. Дальнейшее разложение, как правило, останавливают введением консервантов.

Огромное разнообразие приманок обеспечивают различные ароматические вещества, которые предлагает парфюмерная промышленность, и эс-

сениями, настои, экстракти пищевого назначения, лекарственные препараты растительного происхождения. Сегодня в США можно приобрести еда ли не любой компонент, который играл заметную роль в парфюмерии или медицине прошлых веков. Такие вещества, как амбра или мускуса редких зверей, имеют синтетические аналоги высокого качества.

Приманки выпускают мелкие фирмы и частные лица. Каждый серьезный производитель внимательно следит за реакцией покупателей на его продукцию. В этом помогают дилеры — мелкие торговцы, которые закупают пушнину на местах и перепродают товары, сопутствующие промыслу.

Цены на приманки сильно зависят от способа реализации. Пinta (примерно поллитра) мочи норки или лисицы, отправленная по почте, обходится охотнику в 6—8 долларов. Приманки на основе пахучих желез или на мясной основе в несколько раз дороже. Относительная стоимость продукта заметно возрастает с уменьшением размеров фасовки.

Цена флакона с приманкой близка к цене компаса, деревянного манка, простого перочинного ножа или походного стульчика. Зарубежный рынок приманок сложился давно и находится в состоянии относительного равновесия. Падение цен на пушнину, которое сильно ударило по заработкам промысловиков, не так уж заметно отразилось на производстве товаров, сопутствующих промыслу. Любители, которые заменили профессионалов, покупают охотно и не консервативны в выборе. По некоторым оценкам, к промыслу пушнины причастны около 600 тыс. американцев.

Разумеется, изготовление запаховых приманок — далеко не единственная разновидность малого бизнеса, близкого к промыслу. Обучение новичков — еще одно дело, которое требует профессиональных навыков траппера.

Билл Миллер из Миннесоты берет 450 долларов за три дня индивидуальной работы с учеником. Семейная фирма «Вильям и Терри Бакли» (Онтарио) предлагает клиентам чисто спортивную охоту на медведя и волка, обучение трапперской охоте, продает приманки. Здесь индивидуальные занятия по освоению пушного промысла продолжаются два дня и обходятся в 300 долларов. Обычно цены включают питание и ночлег. Групповое обучение заметно дешевле для клиента.

Еще одно совсем уж необычное дело, которым занимаются трапперы, связано с механизированным сбором дикого риса. Правда, этот новый бизнес развивается преимущественно в Канаде, поскольку в США естественные плантации дикого риса — древней пищи аборигенов Америки — приурочены к индейским резервациям. Дикий рис неплохо приживается и на наших водоемах.

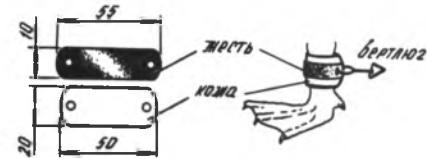
ОХОТНИКИ ПРЕДЛАГАЮТ

Надежная ногавка

Подсадная рванулась навстречу селезню и улетела. Вы вытаскиваете шнур с намокшой и раздавшейся ногавкой и горючению нет предела. Потеряна утка, помощница, охотничья радость. Охота испорчена на весь сезон. Чтобы этого не случилось, предлагаю такой вариант ногавки, которая никогда не соскочит с лапы утки. Кожа в этом случае выполняет только защитную роль, поэтому должна быть тонкой и эластичной. Я вырезаю ее из старых дамских сапог. Жесть беру от обычных продуктовых ящиков. Стягивается ногавка и одновременно крепится

рыболовный вертлюг медной проволокой или при помощи плоскогубцев. Процедура надевания и снятия ногавки занимает несколько минут (см. рис.).

А. САНЬКОВ
Тувинская АССР

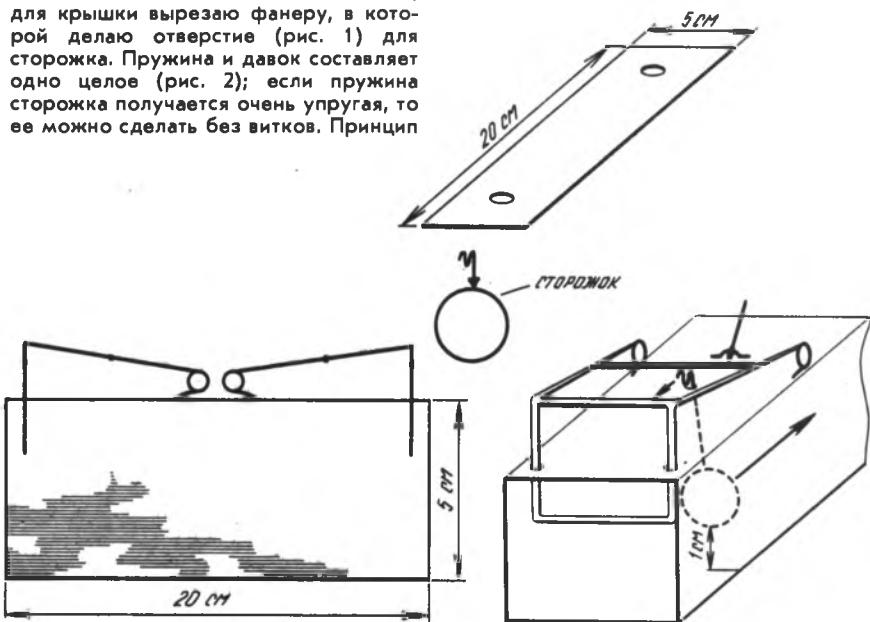

Пишет вам молодой охотник из УССР. Я давно мечтаю о настоящей охоте, о промысле, который, к сожалению, на территории моей республики строго лимитирован. Недавно прочитал в журнале «Охота...» о промысле крота и очень этим заинтересовался. Начал собирать литературу, но нигде подобных записей о конструкции кротоловок я не нашел. Вот и решил использовать свои конструкторские навыки.

Предлагаю охотникам пружинную кулемку на кротов. Для ее изготовления использую доски толщиной 0,5—1 см и обыкновенную стальную проволоку диаметром 3—4 мм. Беру две доски длиной 20 см и высотой 5 см, для крышки вырезаю фанеру, в которой делаю отверстие (рис. 1) для сторожка. Пружина и давок составляют одно целое (рис. 2); если пружина сторожка получается очень упругая, ее можно сделать без витков. Принцип

действия кулемки очень прост, такой же как и для кротоловок в «Охоте...» № 10 за 1990 г. Крот проходит через кулемку, напирает на сторожок, и она срабатывает, через крупный сторожок свободно проходит ласка, что предотвращает ее гибель во время промысла. Преимущество кулемки в том, что не нужно ставить две кротоловки — не надо закрывать дерном, не надо привязывать, так как такой вес кроту не утащить; крот, попав в ловушку, быстро погибает, проловов почти не бывает.

В. ТИТАРЕНКО
УССР

ТРАГЕДИИ НА ОХОТЕ

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

РАЗРЕШИТЕ ОХОТИТЬСЯ

СЛОВО О ГОНИМЫХ

Наверное, каждый мужчина рождается охотником, но по разным причинам не все ими становятся. Если же подвернется случай, то большинство из них берут в руки ружье, забывая при этом об очень важном — соблюдении техники безопасности, что нередко приводит к трагедиям.

Например, в середине июля, когда любая охота в Подмосковье запрещена, жители Серпуховского района Н. Г. Мардакин, А. Н. Машков и Н. Л. Бабичев решили поехать на поля, по их словам, за лекарственными травами. С собой они прихватили два ружья, которые принадлежали Мардакину.

Вечером на краю поля в районе деревни Прилуки Бабичев взял одно из ружей, отошел от машины, на которой они приехали, и с направленными в сторону товарищей стволами стал его заряжать картечью, не имея навыков в обращении с охотничим оружием. К тому же ружье оказалось неисправным. Бабичев по неосторожности произвел выстрел, смертельно ранив Мардакина.

Депутаты Туровского сельского Совета народных депутатов Серпуховского района попытались защитить своего коллегу, категорически отказались дать согласие на привлечение депутата Бабичева к уголовной ответственности, но органы прокуратуры Московской области настояли на этом и добились исполнения требований о равноправии всех перед законом. Приговором Серпуховского городского народного суда Бабичев признан виновным в совершении убийства Мардакина по неосторожности и ему назначено наказание в соответствии с законом.

Не менее трагичные случаи произошли в Шатурском районе Московской области.

В апреле 17-летний С. А. Лавров, не являясь охотником, пошел с ружьем пострелять дичь, тем самым нарушив правила охоты. Недалеко от города Рошала он выстрелил на болоте по взлетевшей утке и смертельно ранил 17-летнего Д. Ю. Кармышина, попав ему зарядом дроби в голову. Лавров признан виновным в совершении убийства по неосторожности.

В мае браконьеры В. Н. Клопков, А. М. Кирюшин, Н. В. Кудряшов и А. Е. Москвин около поселка Радовицкий охотились на кабанов. Стреляя пулей по невидимой цели на широке, Москвин вместо кабана убил Кудряшова. Шатурской городской прокуратурой расследование этого случая закончено, уголовное дело направлено в народный суд, который определит степень вины Москвина и назначит ему соответствующее наказание.

При изучении подобных трагических случаев обращает внимание на себя тот факт, что большинство из них совершается на браконьерской охоте и с использованием незарегистрированного в милиции оружия.

Н. АСТАФЬЕВ,
старший советник юстиции

Это было весной этого года. Пошел я с другом Мухтаром в лес за сморчками. Как хорошо в мае в лесу! Каждый день новые птички, новые песни. День выдался погожий: тепло, солнце весеннее. Набрал я сморчков целое лукошко и отправился домой в хорошем настроении. Шел в зле лесопосадки. Поднялся на пригорок и вижу: примерно в трехстах метрах от меня зверек. Я подумал, лисица на поле выбежала. Вдруг мой Мухтар тоже его заметил и как дал ходу — только я его и видел. Догнал его — ну лает, ну лает. Подошел я к нему, а это оказался сурок. Встал на задние лапы и крутится, как стрелка циферблата, вокруг своей оси. Мой Мухтар вокруг сурка бегает, да так, что всю вспаханную землю притоптал. Бедного зверяка всего слюной обрызгал от ляя. Я посмотрел — жалко сурка. Взял собаку за ошейник и говорю: «Нельзя, он всю зиму спал, а теперь вышел из норы на волю, пусть живет». Отошли мы с другом. Смотрю, а сурок уже нет, убежал в лесопосадку. А посадка у нас метров 70 шириной, густая, чаща по краям, да и в середине не сладко: зимой на лыжах не пройдешь. Отпустил собаку домой. Ах, нет, развернулся Мухтар — и назад. По следу нашел, догнал сурка и снова ринулся в бой.

А он, бедный, свистит, показывает свои зубы.

Хотел Мухтар схватить сурка за живот. Наверное, надеялся ему с ним возиться, все-таки первый раз его видят. Но сурок дал ему урок — как схватит собаку за брови! Вай, вай, вай! Как заскулит пес, и давай головой мотать из стороны в сторону. А сурок висит на нем, как бульдог у медведя за ухом. Тут я растерялся. Обоих жалко. Каким образом отцепился сурок, не знаю. Только Мухтар из посадки пулей вылетел, весь в крови, мoет в луже морду. «Говорил тебе — нельзя, ему жить надо, только из норы вылез, а ты не послушался меня». Идем домой, пес впереди бежит, один глаз в крови, не видит. Где попадется лужа, быстрой к воде и лапой мoет, мoет. И по воде большой стороной бороздит. Пришли домой обработали рану. Недели две у меня из рук хлеб не брал — обиделся. Потом рана зажила, глаз стал видеть, но туманно.

Вот такая была встреча.

С. КУПРИЯНОВ
Оренбургская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Вот уже три года читаю ваш журнал. С нетерпением жду прихода каждого номера, а когда он приходит, забываю все свои дела и читаю от начала до конца.

Все началось, когда мне в руки попала книга «Охотники были», изданная в 1957 г. Ее авторы, рыболовы и охотники, щедро и красочно повествуют о путешествиях по нашему сурковому, но прекрасному пермскому краю. Потом я с упоением читал Аксакова, Пришвина, Астафьеву, Арсеньева, Федосеева, ставших моими любимыми писателями. Недавно от места, где я живу, начинается лес. Я часто стал ходить туда: слушал птиц, наблюдал за животными, собирая ягоды, грибы, учился жить в полевых условиях. С каждым разом, заходя все глубже и глубже в лес, я испытывал радость познания. Так прошло три года. И вот, почувствовав, что я морально созрел для настоящей охоты, ухищряясь всеми мыслимыми и немыслимыми способами, смастерили себе шомпольный дробовик. В прошлом году, весной, вместе с другом, срубили лесную избушку, в которой я и написал это письмо при тусклом свете керосиновой лампы. На стене висело ружье, из которого на зорьке стрелял селезня и чуть не лишился глаз... Эта опасность меня подстерегает при каждом выстреле, но страсть сильнее.

Как это прекрасно — охота! Проснувшись на заре и выйти из избушки, видя, как пробуждается лес, слушая тонкий, мелодичный пересвист немногочисленных здесь рябчиков, невольно дума-

ешь о том, как морально беден человек, не видящий и не слышащий всего этого.

Растет подростковая преступность; от нечего делать молодые люди слоняются по подвалам, нюхают и курят всякую дрянь. А каким прекрасным досугом могла бы стать для них охота! Некоторые считают, что если выдавать разрешения на приобретение оружия с 16 лет, то увеличится количество несчастных случаев при обращении с ним, но, согласитесь, куда безопаснее пользоваться оружием заводского производства, чем неизвестно как изготовленной кустварницей, вроде моей пукалки.

Не имея ни малейшей надежды, что моя полная отчаяния исповедь будет напечатана, я все же обращаюсь к обществу охотников и всем людям, имеющим к этому отношение — не отталкивайте молодых, тянувшихся и радеющих за природу людей, предоставьте 16-летним право на ружейную охоту и увидите, что от этого все изменится только в лучшую сторону.

С уважением,

Л. БОЯРИНЦЕВ
г. Пермь

Уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»!

Я жена охотника, мой муж выписывает ваш журнал с 1968 г. У нас много друзей, но мы поменяли место жительства и, естественно, потеряли связи с ними. Мой муж — бывший офицер Советской Армии. Прошло много времени, и мы хотим через наш журнал отыскать прежних друзей. Наши товарищи — охотники, и они обязательно подписываются на «Охоту», поэтому просим опубликовать не большое письмо:

Бухаевский Николай Иванович разыскивает товарищ-охотников: Н. А. Тымченко, Б. И. Кинев, О. И. Здорового, Ю. И. Романченко. Если они живы-здоровы, пусть напишут по адресу: 364673, Ростовская обл., Октябрьский р-н, пос. Интернациональный, ул. Восточная, 8. Бухаевскому Николаю.

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство». Пишет охотник-любитель Черната Александр Николаевич. Я и мой отец — постоянные подписчики журнала. Он очень интересен и поучителен. Благодаря вашей помощи Тульский оружейный завод выслал новое цевье к птицарядному ружью взамен того, что лопнуло. И неважно, что бумага подорожала и что столько трудностей у вас выходит с изданием, мы все равно будем подписываться на журнал

и надеемся, что редакция выполнит наши просьбы и в дальнейшем будет печатать такие рубрики, как «Робинзон на заметку», «Запишите мой адрес». Еще раз хотим выразить благодарность за ваш нелегкий труд. Мы, охотники, надеемся, что наш журнал в дальнейшем будет еще более интересным и поучительным. И, повторяю, сколько бы он ни стоил, мы будем постоянными подписчиками.

Желаем вам крепкого здоровья, долгих лет жизни, семейного счастья, успехов в вашем благородном труде и чистого неба над головой.

С уважением к вам, семья Черната.

Читинская обл.

Многие годы на страницах журнала печатались рассказы А. Ливеровского. Они с большим интересом встречались охотниками всех возрастов, сподвигали росту популярности журнала.

Недавно я в газете Лесотехнической академии «Лесотехник» (№ 13 от 15 мая 1992 г.) прочитал статью Е. В. Бианки-Ливеровской «Зеленый дом» о создании музея писателей Виталия Бианки и Алексея Ливеровского. Уверен, что судьба литературного и мемориального наследства известных писателей-охотников А. А. Ливеровского и В. Бианки небезразлична многим читателям журнала.

На материалах «Лесной газеты» В. Бианки с детских лет воспитывалось не одно поколение охотников. В золотой фонд охотничьей литературы вошло и творчество А. Ливеровского, доктора технических наук, профессора-химика, лауреата Государственной премии, автора книг «Журналиста родина», «Корень девясила», «Радость», «Озеро Тихое», «Охотничье братство» и многих рассказов.

Никакое сложное экономическое положение в стране не будет служить оправданием нашему поколению, если мы уже сейчас не будем делать ничего для того, чтобы сохранить память о них. Разве можно допустить, чтобы наши внуки знакомились с их жизнью и творчеством только по материалам журналов в разделе «Забытые литературные имена». Такое уже было в истории нашей страны. И именно так сейчас мы узнаем о писателях-охотниках Ф. А. Свечине, С. А. Озерове и многих других. Очень своевременно и благородно желание Е. Бианки-Ливеровской на основе богатейших материалов создать «Зеленый дом». И, конечно, этот дом воспитает новых писателей-охотников. И не станут пророческими слова Н. Судзиловского, что А. Ливеровский —

«последний охотничий писатель России».

При всем уважении к газете «Лесотехник» считаю, что недостаточно говорить о таком деле только на ее уровне. В поддержку статьи Е. Бианки-Ливеровской ваш журнал должен поднять все наше «охотничье братство». И в первую очередь, в знак нашего уважения и памяти, нужно добиться установления мемориальных досок на домах, где жили и работали А. Ливеровский и В. Бианки.

Даже по современным ценам это не потребует больших материальных затрат, на что так любят ссылаться современные чиновники. Можно организовать и сбор средств среди охотников на создание такого музея. Хочется через ваш журнал обратиться и к членам первичного общества охотников Лесотехнической академии и ко всем членам Санкт-Петербургского общества охотников, чтобы они возглавили эту работу.

Так давайте же сейчас начнем делать все возможное, чтобы не «иссекла охотничья струйка в русской литературе».

Н. ГРОМАКОВ

Дорогая редакция! Пишу вам первый раз. Мне 16 лет, имею охотничий билет. Охотой занимаюсь с 10 лет, по лесу хожу всегда один, потому что у меня нет друзей, у которых была бы тяга к охоте. Неожиданностей было много, но та, о которой хочу рассказать, первая в моей жизни.

Это произошло так. У меня есть сибирская лайка по кличке Байкал. В тот день пес болел, и я пошел один. Мне говорили старики, что видели следы волка. Я не верил и удалился от поселка примерно на 30 км. Возвращаясь в темноте и на небольшой поляне, прямо на лыжне, в 15-ти метрах от меня, увидел собаку. Я подумал, Байкал нашел меня в лесу, это уже бывало. Но когда понял, что это не собака, не знал, что делать, а с собой ни ружья, ни ножа. Руки стали трястись, а сердце, казалось, выскочило. В руках только фонарь. Мы стояли минут 20, волк стал подходить, и в считанные секунды я увидел его в прижке, но будто меня кто-то толкнул и отбросил с лыжни. Волк упал на место, где я только что стоял. Приблизившись, он отбежал и, рыча, ушел в заросли. Я стремглав направился домой. За полчаса преодолел 30 км и только дома за час почувствовал боль в ноге. Я сломал пальц от резкого призыва на лыжах. Думаю, что легко отделался — пальцем, а мог бы жизнью. Вот какой случай произошел со мной.

Уважаемая редакция! Помогите мне найти друга. Я бы хотел переписываться с каким-нибудь начинаяющим охотником. Мой адрес: 456218, Челябинская обл., г. Златоуст, пос. Чапаевский, 41. Москвичеву Дмитрию Владимировичу.

роты. Только так, все вместе, переживем и эту беду.

С уважением к вам от всех подписчиков Новоосыновского ПОК.

Юрий Михайлович ОБРИНЬБА
Харьковская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала. Прежде всего хочу поблагодарить за ту нелегкую работу, которую вы делаете, выпуская журнал. Журнал для всех людей, любящих и ценивших природу, для простых охотников.

С охотой меня в раннем детстве познакомили отец с дедом. Они всегда старались брать меня с собой, когда это было возможно. В 16 лет у меня уже был охотничий билет, а в 18 — ружье, и охотиться мог сам. Еще учясь в школе, решил, что буду поступать учиться в Ленинградскую академию лесного хозяйства на факультет «Лесное хозяйство». Родители меня убедили в том, что я совершенно городской человек, и без города не смогу. Закончил физико-технический факультет нашего Днепропетровского университета. Сейчас мне 26 лет, я женат, есть сын, работаю на ЮМЗ мастером в цехе главной сборки. Но, к сожалению, за эти годы я и мои родители окончательно убедились в том, что первоначальный выбор был единственным верным. Положенные три года после учебы отработал на заводе, и сейчас наша семья решила переехать из города куданибудь в деревню. Жена у меня врач, я инженер, недавно мы купили новый трактор, так что, думаю, проблем с работой у нас будет. Но мне очень хотелось бы, да и жене тоже, работать именно в сфере охотничьего хозяйства. Во многих местах нужны ученые, заинтересованные в сохранении природы люди, в развитии наших традиционных охот; нужны, в конце концов, просто рабочие руки.

Так вот, знайте, что есть молодая семья с собственной техникой, готовая переехать на постоянное местожительство для работы в сфере охотничьего хозяйства. Журнал читают заинтересованные люди, где-то кому-то нужны мы со своей техникой, а они, в свою очередь, нужны нам, а найти друг друга мы не можем в этой огромной стране. Поэтому есть надежда, что может быть через журнал мы все-таки когда-нибудь встретимся и будем сообща делать очень полезное и необходимое дело.

Наш адрес: 320107, г. Днепропетровск, Запорожское шоссе, д. 4, кв. 31. Бабенко Георгию Евгеньевичу. Тел.: 39-22-78.

ПИСЬМА
ЧИТАТЕЛЕЙ

НУ, КОСОЙ, ПОГОДИ!

Сколько я косых перебил — сказать не берусь. Да только с одним из них вышел у меня такой казус, что и смешно, и стыдно рассказывать. Стою как-то на следу, жду. Вот-вот должен появиться зверек. А его нет и нет. Все сроки, кажется, прошли. Уж и собака прибежала, виновато виляя хвостом,— нет, мол, нашего белячка, занырнул куда-то косой. Я ее снова на след. «Иди, — говорю ей, — отыскивай. Ты потеряла косого, не я». Гончая еще сделала круг. Пусто. Хотел уже брать ее на поводок, да топать к дому. И тут моя выжловочка ка-ак загремит, только звон пошел по всему лесу. Глянул я в ее сторону, да поначалу-то вроде как к месту прирос. Шагах в двадцати пяти — тридцати от меня, чуть в стороне сосна-двойчатка стоит. Раздавливается она на высоте где-то двух метров, образуя чуть ли не кресло. Так вот на этом-то кресле, гляжу, и сидит мой беляк. Сидит да, как мне показалось, прескокойнейко трет лапками мордочку. Смеется будто, бестия, и над собакой, и надо мной. «Ну не нахал ли? — рассердился я. — Вот я сейчас тебе похихикаю, вот я сейчас тебя утру». Сказал себе эдак вполголоса, да с тем и навел на белячишку ружье. И чуть было не нажал на спуск. Да только овладела тут мною какая-то шальная мысль. «Ну что это я, — подумал, — ведь есть шанс живого зайца взять. Принести с охоты, так сказать, лесного «языка». Ведь все внимание у него сейчас на собаку. А я-а...» Закинул за плечо ружье, да и давай к сосне подбираться. В войну-то я в разведке был, и «языков» мне брать приходилось. Но там ведь был человек, к тому же враг. А тут... Ведь заяц хоть и маленький, но все же зверек! И чутье у него, и слух — не то, что у нас. Но уж так-то я скрадывал каждый свой шаг, так осторожничал, будто и впрямь крался к вражескому часовому. Ну будто бы от этого зверька зависела сама моя жизнь. И подкрался-таки! Но... как только я схватил косого за воротник, да зажал его руками в охапку, он развернулся своей трехгубой мордой ко мне да ка-ак даст мне лапами по лицу! У меня рученки и разжались. Ну будто мне в драке саданули дубиной аж по самому лбу. Собака, слышу, снова по зайцу пошла. А я стою и головы поднять не смею. Кровь у меня так и хлещет с лица. Какая уж тут охота!

Подозвал собаку, да с тем и домой. Только и нашел в себе силы, что, обернувшись, крикнуть плаксиво в кусты: «Ну, косой, погоди-и!»

Н. ИЛЛАРИОНОВ
Псковская обл.,
д. Комарово

А вот был аналогичный случай

ЕЩЕ ОДИН НАХОДЧИВЫЙ ЗАЯЦ

О том, что зайцы смелы и находчивы, я знал из рассказов бывальных охотников и охотничьей литературы. Мой деревенский сосед рассказывал, как при охоте с гончими его собака скололась и, когда он подошел к ней на помощь, неожиданно обнаружил зайца на дереве, под которым они с собакой разбирались в следах. Дерево это, старая ель, которую ветер повалил так, что она застяла на соседних деревьях. Заяц с ходу и заскочил на него, будто взбежал на горку, и сверху наблюдал за суетой собаки и человека. Случайно обнаруженный, он прижался к стволу и ждал своей участи.

Вологодская областная универсальная научная библиотека

И вот как-то в начале зимы с одним ушастым смельчиком мне довелось встретиться самому. Автобус, на котором я добирался в поселок Громово, сломался на полпути и мне пришлось дальше топать пешком. Свежевыпавший снегок припорощил сосенки, сказочно их принарядив, легкий морозец бодрил и настраивал на приподнятое настроение, так что пройти пяток километров было одним удовольствием.

Справа от дороги находилось деревенское кладбище. Слева раздавался отдаленный лай собаки, на который я вначале не обратил внимания. Вскоре дорогу мне перебежал белышок и тут же скрылся за мелкими сосенками, отделявшими кладбище от дороги. Не успел я пройти и сотни шагов, как на дорогу выбежала гончая. Она равнодушно посмотрела на меня и по горячему следу ушла в сосенки. Несколько раз она подала голос и заскулила. Мне показалось, что она поймала дурачка-зайчишку или сама попала в какую-нибудь переделку. Я свернул с дороги и пошел по следам.

Кладбищенский вид всегда грустен, а зимой особенно. Миновав несколько могильных оградок, я увидел пса, который с лаем и визгомносился вокруг одной, сваренной из толстых металлических прутьев. Я подошел поближе и окликнул собаку, протягивая ей конфету. Гончая была в азарте и, понюхав мою руку, тут же кинулась к противоположному углу оградки. И тут я все понял: заяц был внутри этой оградки, он сидел под маленькой лавочкой. Черными бусинами глаз он наблюдал за действиями пса, не поворачивая головы. Я увидел по следу место, где заяц пролез между прутьями решетки. Собаке было до него не добраться, да и высота решетки оказалась приличной, не перемахнуть...

«Ай, да герой! — подумал я. — И часто ли ты пользуешься своим убежищем?»

Заяц сидел неподвижно. Собака быстро успокоилась и подошла ко мне, немного поскуливая и виляя хвостом, будто просяя помощи. А я скормил ей пару конфет, веревочкой обхватил за шею и увел на дорогу. Мы немного прошли рядом и вскоре увидели ее хозяина. Пес бросился к нему.

В. СЕМЕНОВ
г. Санкт-Петербург

НЕПОВТОРИМЫЙ ВЫСТРЕЛ

Этот случай произошел со мной 26 ноября 1989 года в Польше. Коллектив военных охотников № 77 подготовился к проведению охоты еще в субботу. Прошли инструктаж у командира части, составили план проведения охоты.

Воскресное утро было прекрасно. Тихая погода с оттепелью, после заморозков, радовала всех охотников и предвещала хорошую охоту. На рассвете нас собралось десять человек во главе с председателем охотколлектива Н. И. Ноздреватых. Выехали мы в обход № 16, закрепленный за нашим охотколлективом, по пути захватили лесничего по имени Витек, проживавшего в деревне Борувки. Пока добирались до места охоты, пошел небольшой снег. Первый загон решили сделать возле деревни Кшижково. Загон этот, с еловым молодняком в низменности, окруженным молодым сосновым лесом, и крупным сосновым лесом с высоким

папоротником и густым подлеском, давал дневное убежище оленям, кабанам, косулям и лисицам. Охотников было всего одиннадцать человек. Лесничий разделил нас на три группы по три человека для проведения загона поочередно, расставил охотников по номерам и, вернувшись к загонщикам, пошел в загон вместе с ними.

Мне достался крайний номер, ближайший от меня находился за пригорком на расстоянии около 100 метров. Передо мной был сосновый лес среднего возраста, который хорошо просматривался. За загоном находился участок соснового молодняка шириной около 70 метров, в длину метров 200; за ним начинался зрелый сосновый бор. Мы знали, что звери, выскакивая из загона, всегда бегут вдоль него.

И вот долгожданный рожок известил о начале охоты. Голоса загонщиков уже слышались около меня, когда я увидел шесть кабанов, бегущих к просеке. Первой шла свинья, за ней четыре подсвинка почти с нее ростом, и последним замыкал шествие огромный секач. Они перескошили просеку метрах в 100 впереди меня. Я стал на колено и приготовился к стрельбе, прицелившись в один из просветов между рядами молодняка. Я был готов к моментальному выстрелу. Но дальневшее могло произойти только на охоте. Свинья, выскочив на полоску, в которую было направлено мое ружье, на мгновение остановилась. Это дало возможность прицелиться. После выстрела свинья упала, а еще один подсвинок проскочил вперед. Я не успел выстрелить, замечая в просветах только его заднюю часть. Перескочив полоски четыре, кабан остановился, что позволило мне произвести прицельный выстрел картечью в голову, и он тоже упал на месте. Свинья еще шевелилась, но подходить к ней я не стал, ожидая окончания охоты. Прозвучал еще один выстрел на противоположной стороне загона. Рожок известил об окончании охоты.

Взяв ружье на изготовку, я двинулся к свинье. Когда подошел на расстояние 15-ти метров, у меня от удивления волосы приподняли шапку. На полоске лежало... три кабана! Свинья начала отползать на соседнюю полоску, но стрелять в нее я не стал, так как подумал, что мне не поверят, будто эти три кабана были поражены одной пулей с одного выстрела. Свинья на передних ногах отползла метров на семь по соседней полоске и остановилась, не в силах двигаться дальше. Первым ко мне подошел Семененко Андрей Андреевич. По его округлившимся глазам я понял, что он в таком же состоянии, как и я. Единственное, что он мог произнести: «Вот это да!» Постепенно к нам стали подходить остальные охотники. Все поздравляли меня с удачным выстрелом. И. И. Пантушин добил свинью выстрелом в голову. Однако лесничий высказал подозрение, что, возможно, кабаны были убиты картечью, но я доказывал, что по этим трем стрелям именно пулей, а четвертого убил картечью. В результате спора мы пришли к выводу, что необходимо снять шкуры со всех кабанов, чтобы убедиться в правдивости моих слов. Шкуры сняли — свинья и два подсвинка были убиты одной пулей, которую извлекли из-под шкуры подсвинка; у четвертого кабана картечью обнаружили в височной кости головы. Пятый кабан после выстрелов ушел обратно в загон, и на противоположной стороне по нему произвел безрезультатный выстрел Х. А. Григорян.

Стрелял из ружья БМ-16 пулей «Диаболо» весом 33 г с навеской пороха «Барс» на 0,3 г больше нормы. Пуля была заряжена в латунную гильзу с капсюлем «Центрбай». Расстояние до кабанов в момент выстрела было около 30 метров. Хочется отметить, что у свиньи, весившей около 85 кг, пуля прошла под самым позвоночником выше живота, а у двух кабанчиков (по 45 кг) перебила позвоночник также в этом месте, но, проходя по костям двух позвоночников, она не изменила направления и даже не развернулась боком, хотя головная часть пули была вся посечена костями. Эта пуля сохранила свою форму как реликвия о неповторимом выстреле на охоте. Шкуры кабанов тоже достались мне в качестве трофея.

В. ПАРШИН
Калининградская обл.,
г. Советск

ГОЛУБОЙ ПЕСЕЦ НА ВЕТКЕ

«С ветки за ней наблюдает голубой песец или задирястая белка»
Из статьи «Тайга без выстрела»

«Голубой песец на ветке» может при желании отпраздновать свой юбилей — вот уже около 20 лет как он наблюдает за писателями и журналистами, щедро подкармливающими его «развесистой клюковкой». Сразу же после его появления на страницах журнала наши читатели стали более внимательно «изучать» литературу, присыпая в редакцию вырезки и выборки из книг, газет и журналов с нелепыми и смешными выдумками и биологическими ошибками. Видимо, долго еще суждено сидеть голубому песцу на своей ветке.

НУ, БРАКОНЬЕР, ПОГОДИ!

Г. Погодин

... Ежегодно на водоем, что прямо в селе Петровском, прилетают с далеких мест дикие утки для вывода своего потомства. ...Эти красавицы выходят на берег вместе с домашними утками, каркают... радуясь природе...

Газета «Морко мланде»
Республика Марий Эл

СТАРЫЙ ВОРОН

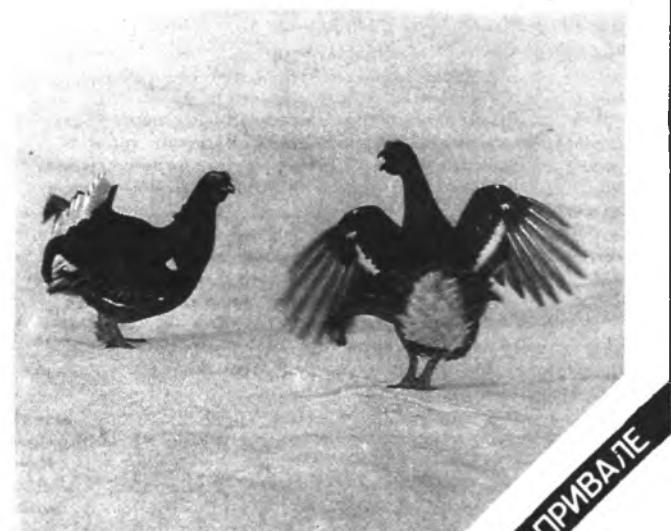
В. Фролов

...Заобравшись на вершину горы, мы увидели на скале огромную птицу. Подойдя ближе, мы удивились: птица косила одним глазом в нашу сторону, но улетать не спешила.

...Когда подошли вплотную к ворону, а это был именно ворон, мы увидели, что у него все перья вылезли, вместо крыльев торчали огромные, толстые белые кости, хвост и спина тоже облезли. Мы решили, что ему 300 лет, ведь вороны живут именно столько времени. А не улетал он потому, что ему не на чем было лететь.

...И вдруг налетела огромная стая черных воронов. Они очень громко кричали, и мы напугались, что вороны съедят весь хлеб, а нашего старичка заклюют. Мы побежали, чтобы отогнать этих наглых птиц, но тут же остановились, раскрыв рты от удивления: вороны кормили «почтенного пенсионера» из клюва в клюв, как птенца.

Газета «Магнитогорский рабочий»
г. Челябинск

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ОХОТНИКА» 5 томов

Издательство «ВАКС» организует подписку на серию «Энциклопедия охотника» и реализует ее с 05.1993 г. по 02.1994 г. Объем тома 500 стр. Жесткий переплет. Формат 21/14, с иллюстрациями. Содержание: охотзаконодательство, стрелковое оружие, арбалеты, самоловы, промысловые и охотничьи виды животных с всесторонним описанием, охотничьи собаки, соколиная охота, охота на лошадях, быт охотника, снаряжение, продукты охоты, таксiderмия, кулинарные рецепты, и много другой полезной информации. Стоимость одного тома 320 руб.

Подписка принимается на всю серию от организаций охотников. Первоначальный взнос 950 руб.

О переводе денег информируйте нас письмом с обратным адресом и копией квитанции об оплате.

Адрес издательства: 125239, г. Москва, ул. Коптевская, д. 67, тел. [095] 459-47-81.

Кооператив ТОНАР изготавливает капканы охотничьи типа «Уралец»: № 0 — с одной пружиной, № 2 — с двумя пружинами. Готовится к выпуску с 1 марта 1993 г. капкан № 1. Все детали выполнены холодной штамповкой.

Имеем возможность реализовать капканы частным лицам наложенным платежом, либо по предварительной оплате. Цены договорные до 1 марта 1993 г., не включая почтовых расходов:

№ 0 — 200 руб. за 1 шт., № 2 — 500 руб. за 1 шт.

Для получения капканов необходимо направить письмо-заявку по адресу: 656037, г. Барнаул, пр. Калинина, 57. Кооператив ТОНАР, либо перечислить деньги на р/с 1461935 в АРБ РСХБанка г. Барнаула, МФО 101017.

В первую очередь оформляются заказы, выполненные по предоплате. Готовы заключить договора с посредниками для реализации нашей продукции в регионах Сибири, Дальнего Востока и Севера. Имеем возможность высыпать крупные партии по предоплате. Контейнерная норма отгрузки:

№ 0 6,0 тыс. шт и 12,0 тыс. шт.

№ 2 1,5 тыс. шт. и 3,0 тыс. шт.

Оптовым покупателям предоставим скидку до 15 %.

Наши телефоны: 77-46-12, 77-29-21.

А/О «Якари» предлагает: лодочные моторы (США), катера, лодки, мотосани (Канада). Яхты, катера, лодки, лодочные моторы для отдыха предлагают вам фирмы «МЕРКУРИЙ» и «МАРИНЕР» (США). Качество и дизайн высшего класса. Оптовые и розничные поставщики. Форма оплаты любая.

Наш адрес: ЕЕ001 Эстония, Таллинн, Нигулисте 10—20, т. (0142) 446581, в Санкт-Петербурге т. 812-2422175

ТОО Общество «Охота-Сервис»

- заключает договоры с охотничими хозяйствами, фирмами и другими организациями на проведение охотничьих туров;
- проводит консультации по маркетингу иностранного охотниче-рыболовного туризма для хозяйств, организующих туры для иностранных клиентов.

Наш адрес: 125212, г. Москва, Головинское шоссе, 1 а.
Телефон (095) 459-09-36.

Организация производит закупку пушно-мехового и кожевенного сырья у организаций и частных лиц как за наличные деньги, так и по безналичному расчету.

Звонить по телефонам: (095) 383-35-47, 206-62-37.

С письменными предложениями обращаться по адресу: 113546, г. Москва, ул. Медынская, д. 2, корпус 2, кв. 203. Организация «Экомед техника — 2000».

В письме обязательно указать объем поставки и ориентировочные цены по видам сырья.

Пишет вам охотник-любитель. Я обычно беру отпуск с 20 октября, заключаю договор на добычу белки и соболя с лайкой. После окончания отпуска по выходным дням занимаюсь добывчей лисицы капканами. Договор всегда выполняю.

Вот эти капканы и заставляют написать...

Кое-как удалось выписать за наличный расчет капканы «Тайга-4» по цене 1 руб. за штуку. Такими, какими выпускает их промышленность, они непригодны для добычи лисицы, тем более волка. У капканов очень слабые дужки, которые зверь свободно выдергивает из гнезд. Они не имеют никакой упругости и прочности, легкогибаются и разгибаются пальцами. Если даже они остаются на месте, то лисица без

особого труда выдергивает лапу из капкана. Таких проловов у меня в этом сезоне шесть. И еще, капканы сделаны для разового использования, так как у них очень слабые крепления чашечки-сторожка. Если в него попадает лисица, то чашечки уже не будет обязательно. Крепление таково, что часто разгибается под собственным весом при легком встряхивании.

Замечу также, что ширина и толщина дужек у этих капканов такая же, как у 2-го и 3-го номеров. Интересно, кем эти капканы были сконструированы ипущены на серийное производство? Надо, чтобы этот конструктор хотя бы оправдался перед охотниками за свой брак в работе.

Советую тем, кто имеет эти капканы, немного их доработать. Надо просто согнуть концы дужек, а крепления чашечек-сторожков припаять или прихватить на сварку. Только надо делать это осторожно, так как металл очень

Вопрос. Какой состав осалки войлочных пыжей в домашних условиях?

Ответ. Края войлочных пыжей осаливаются смесью, состоящей из одной части говяжьего или бараньего жира и двух частей парафина. Животный жир можно заменить одной частью вазелина.

Фирма «Девиал» реализует автомобильные радиотелефоны и радиостанции: «Илекса», «Алан-100», «Лайт-2100», портативные (носимые).

Тел.: (095) 386-77-22; (3512) 36-29-39; 60-37-33.

● Представительство в Москве организациям-природопользователям. Зарубежные контакты. т. 952-02-29

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

● Крупнейшая в стране притравочная станция принимает на подготовку норных собак. Питомник ягдтерьеров при станции (Заводчик Годованник) имеет щенков от лучших производителей Москвы.

113519, Москва, Кировоградская, 19, к. 1, кв. 198, тел. 311-87-81.

● Минимум переделки и древесный капкан «Белка» станет уловистей до 90 %. Исключено попадание соболя. Высылаю рекомендации после получения адреса и квитанции перевода на 40 р.

Писать: 663280, Красноярский кр., Северо-Енисейск, Маяковского, 1, кв. 1. Ваганову А. С.

● Вышлю оригинальный способ охоты на лис. 453196, Башкортостан, Стерлибашевский р/н, пос. Первомайский, Октябрьская, 17, Свигачеву С. Н.

● Научу делать порох, описание ловушек по 50 р. квит. почт. пер. + конв. 442000 Земетчино п/п VI — ЖЕ 72502.

● Обмен охотничьей литературой. 310178, Харьков, Салтовское шоссе, 256, кв. 474. Редину Л. С.

тонкий, и его легко прожечь.

Раньше я всегда использовал капканы № 2 старого образца пластинчатыми пружинами. Вот это настоящие капканы, которые не требовали никакой доработки и были надежными — ни одного пролова из-за их качества.

Сейчас тоже выпускают капканы с пластинчатыми пружинами и с клепанными дужками. Дужки у них, конечно, не вылетят, но заклепаны они так, что зачастую капкан не срабатывает. Поэтому их тоже почти каждый надо переделывать. А стоили они 2 руб. 80 коп. Когда я начинил охотиться, они стоили 70 коп. Сейчас цены подняли, а качество плохое. Мы, охотники-любители, можем переделать 10—15 капканов, а вот каково промысловикам, у которых на путниках до тысячи капканов? Это сколько надо времени, чтобы все их переделать и доработать?

В. ОГАЙ
г. Красноярск

Однако по своим баллистическим характеристикам и конструкции пули отечественный патрон отличается от зарубежных аналогов. За рубежом патрон 7,62×51 очень широко распространен и снаряжается большим разнообразием пуль как по конструкции, так и по весу.

В НОМЕРЕ

ГУСЕВ О. «Истреблять всегда и везде?	1
Охотничье хозяйство и промысел	
ПСЫГО И., САВЕЛЬЕВА К. Освежающие душу воспоминания (интервью)	4
В Берендеевом царстве (фоторазворот)	8
ТКАЧЕНКО А. С манком на лисицу	10
КУЗЯКИН В., ФЕРРАН И., ГОССМАНН Ф., ЦЕДЕНБАЛ З., ГРЕБЕНКОВ А. Проблемы вальдшнепа	12
РУКОВСКИЙ Н. Оленья кровососка	15
Наука	
КУЧЕРЕНКО С. Цена охраны тигра	16
Собаководство	
ЛУЦЕНКО А. К правилам испытаний норных	20
БАУМАН Р. Обозначения в немецких родословных	21
УСТИНОВ Л. Вы приобрели щенка	22
Оружие и снаряжение	
МИХАЙЛОВА Л., ЛЯЛИН В. Насечка на прикладе	24
СОКОЛОВ А. Как правильно снарядить пулевой патрон	25
ГАЛАНОВ В. Филигранная насечка	26
АСТАФЬЕВ Н. Применение служебного оружия	27
Литературные страницы	
АЛЕХИН И. Убить дикого гуся нетрудно	28
ЖЕРНАКОВ В. Николай Аполлонович Байков	34
БАННИКОВ Н. Голубой Алтай	37
Стихи алтайских поэтов	37
За рубежом	
НИКОНОВ А. Американские трапперы	40
Письма читателей	42
На привале	44

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев,
Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет,
В. В. Дежкин, А. М. Лаврова, Я. С. Русанов,
В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов,
А. А. Улитин, С. М. Успенский, В. Б. Чернышев,
Ю. П. Язан.

Художник В. Ю. Есаулов

Художественный редактор Т. С. Дубровская
Корректор Ж. А. Лобанова

Сдано в набор 11.12.92. Подписано к печати 01.02.93.
Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 8,82. Уч.-изд. л. 8,31.
Тираж 311 110 экз. Заказ 1451. Цена 15 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18.
Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Адрес издательства: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 40 а.

Орден Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

АСКАНИЯ-НОВА: СИБИРСКИЕ КОЗЕРОГИ

Сибирский козерог распространен в горах Саян, Алтая, Тянь-Шаня, Памиро-Алая, а также в горах Монголии, Афганистана, Северо-Западного Китая и Северо-Западной Индии.

Единичные экземпляры этого козла содержались в Аскании-Ново в 1924, 1932 и 1937 гг. В 1946—1951 гг. в зоопарк было завезено два самца и три самки сибирских козерогов. От этих животных в 1949—1977 гг. было получено в приплоде 40 козлят, из которых часть передали в зоопарки нашей страны. Максимальная численность сибирских козерогов составила 11 особей в 1954 г. После 1977 г. размножение сибирских козерогов в Аскании-Ново прекратилось, и численность их начала уменьшаться.

Рога сибирского козерога обладают амортизационными свойствами и бодающиеся козлы становятся «на дыбы» и без всякого для себя вреда сталкиваются лбами с такой силой, что шум поединка за главенство в стаде разносится на расстояние до 1 км. Осенью, в брачный период, самцы с помощью поединков устанавливают порядок доминирования в стаде. Гон у сибирского козерога происходит в ноябре — декабре. Самки впервые приносят потомство в 2,5-летнем возрасте. Продолжительность беременности — 170—180 дней. В приплоде один, редко — два козленка. Максимальная продолжительность жизни сибирских козерогов составляет 10 лет.

После десятилетнего перерыва в 1988—1990 гг. в зоопарк завезено три самца и две самки молодых сибирских козерогов. Имеются все основания предполагать, что вскоре от них будет получен приплод.

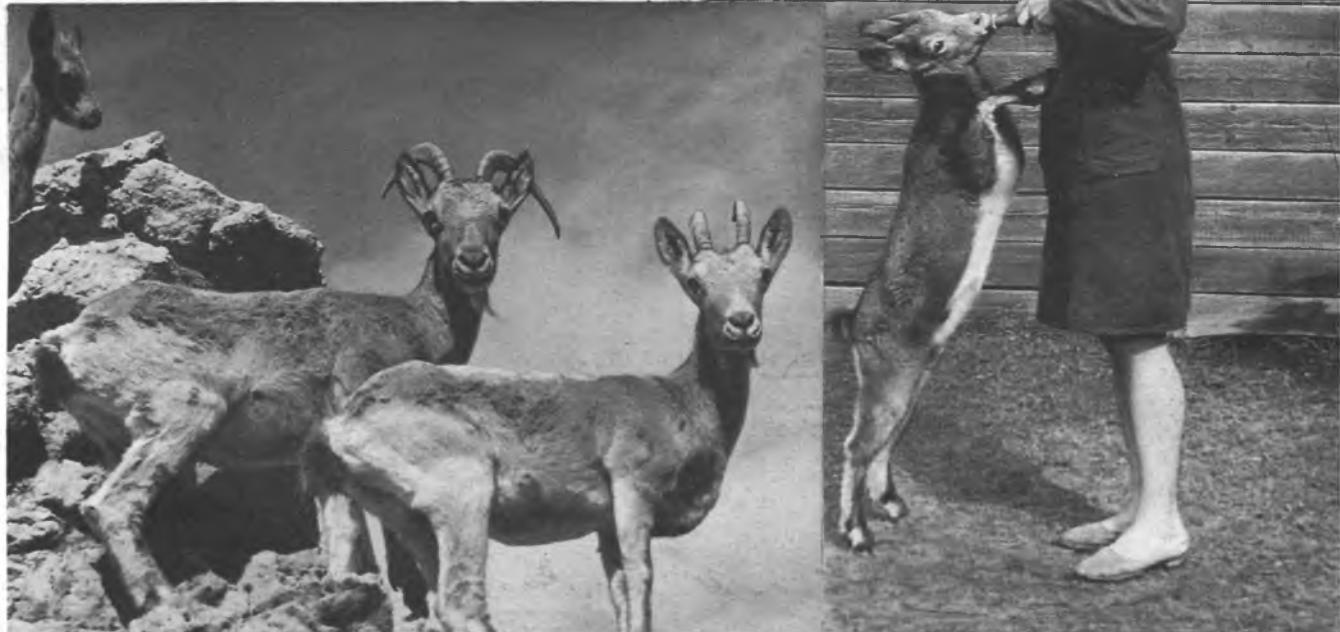
Н. Лобанов,
кандидат биологических наук
Фото автора

Поединок

Самки козерога

Ручная выпойка малыша

КУЛИКИ

Рисунки В. Шишкина

